

Александр Акимов

За Марциалом без билета

Научно-фантастическая повесть

Книга I
Украина, весна 2035 года
Дирижаблепорт Тор-Солёный

2066 – 2004

Аннотация: Жанр - авантюрная повесть. Время и место действия – весна 2035 года (год Кошки), город на востоке Украины. Много лет назад немецкий военный математик Вернер ф.Маннхейм зашифровал голограмму, которая указывает путь к уникальному *MVM Codex U.* (т.наз. Украинскому папирусу). Старинная компьютерная карта попадает в руки местных любителей старины. Однако за древними папирусными свитками уже давно ведут охоту международные корпорации и секретная полиция...

Контакт: Автор будет признателен за отклики, а также предложения по продвижению этого произведения на рынке. Пишите на мейл [zamartialom \[at\] mail.ru](mailto:zamartialom@mail.ru) cell phone/ SMS +38 050 730 40 47

Копирайт: Первое издание – Якутск, Whales&Balloons, 2066 год. © Текст на русском языке по версии Славоник 2.0/2.1 – Александр Борисович Акимов, 2004. Электронная публикация на сервере www.proza.ru Регистрационное свидетельство №№ 1707130177, 1707130178, 1707130181, 1707130182. Авторские права на опубликованное литературное произведение охраняются законодательством Российской Федерации.

Предупреждение. Это литературный вымысел. Все действующие лица, имена, события, а также географические наименования - выдуманы автором. Совпадения с реальными лицами, фактами, географическими объектами носят чисто случайный характер.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие к PDF-изданию 2009 года	4
Глава 1. Шпитальный – на ЕХІТ Дело было в пятницу, 4 мая 2035 года. Рассказывает Юнга, забегаая почти в конец этой книги.	6
Глава 2. Баллун Назад по времени. Четверг, 19 апреля 2035 года. Юнга рассказывает о появлении итальянца Штерчи в провинциальном городе Чарьков.	11
Глава 3. День итальянца Штерчи Вспоминая апрель 2035 года. Юнга рассказывает о повах Штерчи	17
Глава 4. Почему же Марциал? Снова апрель 2035 года. Юнга спрашивает своего старшего брата, неужели Марциал писал только о сексе и педерастии, вряд ли этого достаточно для бессмертия.	23
Глава 5. Валерий Марциал. Цинический элемент в эпиграмах. Текст, написанный в городе Чарьков в 1880 году. Возможно, занятия Марциалом были причиной гибели приват-доцента А***.	27
Глава 6. Наши кладоискатели. Глядя на давнишний 2035 год то из 2042-го, то из 2065-го, когда жизнь Юнги уже прожита.	32

Глава 7. Дом моралиста Драка с ветеранами в субботу 21 апреля 2035 года. Штерчи показывает, что он способен не только сочинять истории.	36
Глава 8. Утёр нос полковнику. Два дня спустя после драки. Юнга впервые в жизни ощущает превосходство над стареющим дядюшкой.	42
Глава 9. Штерчи угрожают 24 апреля 2045. Доктор и Юнга пытаются разобрать интригу. Транскрипт телефонного разговора Чарьков-Москау.	47
Глава 10. Эх, на трейлере бы! Полковник мечтает отправиться в странствия.	51
Глава 11. Мне стыдно не знать латынь Юнга рассуждает о том, что же представляют собой пресловутые «привычки порядочного человека».	53
Глава 12. Санчурский сообщает... Юнга, человек девственный, с интересом выписывает для себя общеизвестные сведения о незаметном превращении республики в монархию.	56
Глава 13. Письмо и книги в эпоху Марциала Как выглядит папирусный Украинский кодекс, от которого, по уверениям Полковника, происходит вся русская матерщина?	60
Глава 14. Галлюцинации? Пытаясь разобраться в случившейся с ним истории, Юнга размышляет о галлюциногенах, мистических прозрениях и научных штудиях.	62
Глава 15. Грозовая ночь Поздно вечером в пятницу 4 мая 2035 года. Итальянец Штерчи поочерёдно слушает воки-токи и рассказывает свой сценарий исторического фильма	64
Глава 16. На борту дирижабля Штерчи, сбежавший на шаре-прыгуне, подобран	71

дирижабельным корветом.

Глава 17. Ладья танайского Харона Фантазмагория на темы истории восточной Украины. 1930-е годы, над землями Роксоланов разносятся строки Марциала.	78
Глава 18. Гибель архивистов Доктор утверждает, что авантюрную историю про сундук мертвеца стоит рассказывать, начиная с тринадцатой колото-резаной раны.	80
Глава 19. Сундук мертвеца На квартире Полковника проводят осмотр извлечённого из подземелий старинного компьютера.	85
Глава 20. Ваши гуроны Штерчи откровенно называет жителей «Дыкого поля» дикарями.	90
Глава 21. Бранный подвиги отца настоятеля Ещё в конце апреля 2035 итальянец Штерчи принялся вовсю пиарить свои сомнительные археологические исследования	93
Глава 22. Курсовой автомат Голограмма из старинного сундука, уверяет Полковник, есть зашифрованная карта сокровищ.	99
Глава 23. Счастье Маннхейма	102

Предисловие к PDF-изданию 2009 года

«...порассуждать о Марциале,
в конце письма поставить VALE»
А.С.Пушкин

Молодая американка Елизавета Дюк (Elizabeth R. Duke) защитила в 2002 году одновременно две диссертации – по математике и по Марциалу. Она пишет на своих веб-страницах: «Многим трудно изучить древне-греческий, латинский, русский языки. Так что же, Гомер, Марциал и Достоевский останутся без читателей? ...Я подробно изучила латынь, чтобы разобраться в кратких стихах Марциала – ближе всего к ним в нашей американской культуре современный рэп.»
А по эту сторону атлантической лужи, в нашей культуре – русской дореволюционной, затем советской, затем постсоветской – что ближе всего к эпиграммам Марциала?

Александр Малеин в 1900 году писал в своей диссертации, оправдывая Марциала и Катулла, что они пользовались языком и понятиями своего времени. Если они употребляют, говорит Малеин, адресуясь к своим античным визави в разгаре тогдашней – античной – литературной дискуссии выражения типа «отсоси, пидар мокрожопый», или же «если не заткнёшься, я тебя опидорашу» – это, дескать, не признак особенной распущенности конкретной личности, Катулла или Марциала. Это повседневный язык реального Рима до-христианской поры, города, пахнущего по выражению Чапыгина, «калом и кровью».

Упомянутый ресурс университета Маршалла, созданный Елизаветой Дюк, «Переводим Марциала» [ref] обращён к американо-язычной аудитории, и предлагает молодым людям попробовать себя в современном литературном творчестве, в миниатюре типа «новость, пикантная но-

вость, стёб». Этот жанр TWIT (250 знаков по правилам портала TWITTER) особенно вошёл в моду в текущем году 2009. А между тем шлифовал его первым Марк Валерий Марциал, тысяча девятьсот лет тому назад.

Последний раз на русский язык обширный перевод Марциала (большая часть эпиграмм) был выполнен в 30-е...60-е годы прошлого века академиком Ф.Петровским. Переводчик столкнулся с серьёзными возражениями цензуры. С тех пор нормы литературной морали изменились до неузнаваемости. Не попробовать ли в 21-м веке молодой литературной России свои силы на классических шаблонах Марциала, как это советует американская марциалистка-математик?

Именно это «не попробовать ли снова в 21-м веке, нам, русско-говорящим, прочесть в оригинале, перевести, обсудить Марциала» – основная тема повести «За Марциалом без билета». Разумеется, герои повести тут же приняли себя вести, как им заблагорассудится. Г-н Полковник, например, пустился в меркантильные подсчёты. Он не только всерьёз занялся арендой дирижабля (фрахт, страховка, прививки экипажу), он упорно собирает сведения о цене проданных на аукционах раритетов. Он зафиксировал «нотные тетради Бетховена – 5 млн. долл», «иконы 7-го века – 11 млн.долл», даже зачем-то попала в его записи «Ida the fossil – 900 тыс. долл.». При чём тут, спрашивается, окаменевшая обезьянка из немецких болот? Какая лизинговая компания оформит фьючерсную сделку под залог обезьянки, пусть даже ей и четыреста миллионов лет?

Г-н Доктор принялся подсчитывать, пользуясь изданием Teubner [ref], сколько эпиграмм посвящены теме гипогонизма (spadon) среди римлян.

Юнга же и вовсе не нашёл ничего лучшего, как заняться составлением текста, авантурной повести, повторяющей классический «Остров сокровищ». Ему, видите ли, захотелось в литературной форме (т.е., бессовестно искажая

Александр Акимов * За Марциалом без билета

факты) описать экспедицию, участвовать в которой ему посчастливилось.

Сжатый пересказ (синописис) По одной из легенд, повесть об археологической экспедиции 2035 года написана не в 2042-м году, как уверяет Юнга, а в 2065-м, т.е. тридцать лет спустя. Изложение грешит пост-модернистской хаотичностью. Надеемся, читателю поможет сжатый пересказ романа (Книги 1-3).

2035 год. Молодой малороссийский провинциал, Роксолан-2, покидает родной город и большого брата-поэта, чтобы принять участие в авантюрной экспедиции на дирижабле "Гадитана". Цель экспедиции - разыскать в горах Центральной Азии, на заминированном и заражённом радиацией полигоне "Мёртвая Гавань", драгоценные папирусные свитки, прижизненное издание скандально известного римского классика Марциала. Роксолан-2 приобретает друзей - дирижабельных "волков воздуха", а также могущественных врагов - агентов международного чёрного рынка историко-культурных ценностей. Он вырывается из тесного мирка обывательских представлений и находит любовь. В результате интриг дирижабельного кока мисс Кэйли под угрозой оказывается "Гадитана" и весь её экипаж.

Публикации начала 21-го века (хакеры-транскроналы).

Полный текст книги первой и третьей «За Марциалом» был опубликован в 2007 году, 13-20 июля году в Рунете на сервере ПРОЗА.РУ [ref], с получением сертификатов на авторские права, – как ТХТ-файлы.

Кроме того, эти же две книги публиковались с января по июль 2007 года на сервере НАРОД.РУ [ref]– как набор HTML-файлов (текст и немного картинок).

Читает ли кто-то эти электронные публикации? Кто-то читает. Статистика чуть ниже.

Было ещё одно издание – бумажное – в 2004 году. Назовём это перво-издание «макет книги Первой». Это был макет, предусматривающий издание массовое. – Бумага – газетная, обложка – мягкая, формат – удобно лежащийся

PDF-версия 22.01.10

Книга I «Тор-Солёный Роксоланы»

в ладонь 84x108/32. Объём – страниц 200. Бестселлерное, прямо скажем, издание предусматривалось, 11-м кеглем рубленого шрифта Arial.

Есть такое старинное удовольствие – взять в руки текст, изданный чёрным по белому, на лёгких тёплых листах шелестящей бумаги. Собственно, вся погоня в 2035 году, за старинными свитками Марциала, – вокруг этого человеческого желания держать в руках листы тонкого волокнистого материала, покрытые буквами. Отсюда же и будоражащие героев надежды на аукционную цену этих свитков – почти сорок миллионов долларов. Об этом удовольствии немало писал Марциал. Среди его эпиграмм – несколько десятков, посвящённых книжному делу, книге, заглавной букве, листку бумаги, каламу. Скажем так, материальной технологии сочинительства, изданию, книготорговле и книгочтению. И в те времена любимым развлечением автора была авто-фиксация. Во время письма-сочинительства посмотреть со стороны на себя, сочиняющего-пишущего, и об этом вставить текст в сочиняемый текст.

Текст «За Марциалом» тоже представлялся составителю аккуратно выложенным на удобные для чтения страницы, снабжённым эпиграфами, буквицами, постраничными сносками.

Возьми же этот текст, читательница/читатель, вот он.

VALE!

Kharkovii Roxolanorum,
AD 2009, 9 Nov

ССЫЛКИ

[1] Translating Martial

Александр Акимов * За Марциалом без билета

<http://www.marshall.edu/classical-studies/mindex.html>

[2] www.proza.ru, имя автора Александр Акимов

[3] www.akimov2035.narod.ru

[4] Martialis Epigrammaton, Teubner, Leipzig, 1986

СТАТИСТИКА

На сервере Проза.Ру к ноябрю 2009 года зафиксировано 400 читателей повести.

На веб-сайте www.akimov2035.narod.ru текст книги «За Марциалом», а также справочные материалы этой книги запрашиваются в среднем 1500 раз в месяц, среднее число индивидуальных посетителей – 350 в месяц.

Summary. The ribald Epigrams by Roman poet Martialis present surprising similarity with the obscene “malespeak” used by the Soviet military and bureaucracy. Hypothetically, in late antiquity Martialis Epigrammaton Libri have been brought to the nomads dwelling north to the Black Sea, currently Ukraine. Futuristic novel describes the treasure hunt for the “porn” papyrus scrolls over the former USSR at the eve of 2000 years from the Martialis birthday.

PDF-версия 22.01.10

Книга I «Тор-Солёный Роксоланы»

Глава 1 Шпитальный, на ЕХІТ

Дата: 4. V. 2035 Время: 23.15

Юнга вынес в начало для затравки

Человек, знающий новость – *хабар* – в степи отличается от других, это важный человек.

П. С. Массажетов

Что ты надеешься найти в этом городе?
Ты пишешь стихи? Здесь улицы подметают Вергилии и Горации.

Ты овладел искусством красноречия?
Посчитай, сколько Цицеронов И Гортезиэв выпрашивают подачку, пересчитывая последние медяки в своем кармане.

MVM

Жопа. Брат собрал последние силы, его шатало от усталости – и сказал Богу правду как есть. "Бог, Боже, господи, отче наш отец родной иже еси на небеси, ты – жопа". Брат стоял на ковровой дорожке, расстеленной в операционную, прямо к блестящему металлу рычажному столу. Есть в нашей семье такая фамильная традиция. Дед ругал разными словами власти и бога, а также того, кто временно воплощал бога на нашей земле: царя-батюшку, Ленина, Троцкого и товарища Сталина. Отец крыл такими же разными словами сменявших друг друга генеральных секретарей и затем – прези-

дентов. Прадеды, вероятнее всего, практиковали то же. Существенная разница состоит лишь в том, что предыдущие поколения выговаривали это языком, словами русского языка, вполголоса, в домашнем кругу. Алкоголь и заикленность на славянской лексике не давали им возможности подняться выше.

Один-одинешенек брат поднялся на вершину, на Эверест, выше не бывает: шатаясь, стоял он среди миллионов коленопреклоненных ногами на «багрянцем сочащемся»¹ упоительно мягком царском ковре, расстеленном для встречи пришествия. Среди звона колокольного (хорошо известная фаза, «колокольчики», обычно возникает сразу после первых, легких галлюцинаций); в этот раз мощно, с басами, на глубочайшей вибрации гудело; и уже не языком и не словами. Язык уже отговорил последние глоссо-лалии, что-то вроде «брюслиневым календарем кукулло кокулло» (Я находил не раз кое-что в этом роде среди его записей - от строки к строке крупнее, размашистее, затем внизу страницы совсем неразборчиво). Брат говорил теперь уже на языке космоса, прямо из мозга, без переводчиков. Брат всегда был любимцем - в семье, у учителей, у женщин. Сейчас его послание мягко спускали на тормозах по каким-то инстанциям, канцелярски, с опаской: если у них такие отношения, то кто же он тогда сам такой? Пришла подсказка. Какой-то блюдолиз, сидящий слева за плечом, шепнул: «дать энергию». Брат повернулся на каблуках:

«- Есть дать энергию!»

Он вышел в предоперационную. Слесарным инструментом, хладнокровно и красиво, любуясь собой, вскрыл распределительный высоковольтный щит и твёрдо, продуманно, один за другим, среди вспышек короткого замыка-

ния, перемкнул раз-два-три-четыре-пять тяжелые рубильники.

«- Вижу прямо над зданием..., - это были последние слова Гончего, стрелка-наблюдателя на отсечной позиции в Кузнечном переулке, которые можно было услышать через воки-токи. Могучая помеха короткого замыкания перекрыла всё остальное. Да и последнее «над зданием», пожалуй, смог бы угадать только тот, кто в затихнувшем опустевшем, безлюдном переулке пристально вглядывался бы в ночное небо, затянутое низкими чёрными, быстро летящими облаками. А теперь, когда погас свет во всем нашем заречном районе, и вовсе не нашлось бы упорного наблюдателя, занятого таким бессмысленным делом.

Как раз в это время я с каталкой прохожу мостовой переход. Двадцать шагов по воздуху над Шпитальным переулком. О чёртова архитектура конструктивизма: стекло и бетон, причем стекла заметно больше, чем бетона. Окно на окне и сверху донизу. Стекло до самого пола, иду как голый, как на рентгене, весь просвеченный цепким глазом меткого стрелка. Из старого здания в новый корпус, и моя голова кружится, наверное, сильнее, чем у брата. Этот прозрачный застекленный от потолка до пола коридорчик был для меня первым в жизни прыжком в полную неизвестность, по наитию, без мыслей. Всего лишь час назад я прошел по этому же переходу, насвистывая, из нового корпуса в старый. Итальянец Штерчи исчез из нашего города в эту майскую ночь, многим запомнившуюся ночь урагана.

Вот я уже прошел переход, стою на лестничной площадке, вокруг ночная тягучая тишина больницы. Втолкнул каталку в лифт, нажал кнопку. Лифт пошёл. Что теперь? Как советовал какой-то из местных апостолов аутогенной тренировки, у меня сейчас сердце бьётся где-то сбоку, отдельно, неровным спокойным ритмом сложного стихотворения; у меня мутная усталая голова без определённых мыслей, и, наконец, самое главное, у меня холодные липкие, не дрожащие руки. Я полностью готов к главному, открыть дверь лифта. Казалось очень важным выстроить из всего

¹ – Iam tonsiles tapetes ebrii fuco

Quos concha purpura imbuens venenavit

“Ворсистые ковры напоены краской,

Которую багрянка, словно яд, точит” (перевод М. Л. Гаспарова)

происходящего одно непрерывное, и очень плавное движение. Оно должно было получиться тягучим, в каждом повороте непредсказуемым и непреодолимым. Так мне казалось. Я был очень собран и полностью готов, когда лифт начал останавливаться, когда решетчатый кованный узор пантографа всё медленнее и медленнее скользил перед моими глазами, приближая до полного совмещения точку в конце музыкальной фразы. Эта точка была – гнездо для ключа, и моя рука так же медленно, всё замедляясь, поднималась. Не сфальшивить. Ритм. Лязг. Лязг. Он должен получиться неторопливым, ничего не подозревающим, очень глупым и самонадеянным лязгом спокойно отпираемого лифта. Вот прибыл на конечную площадку молодой дурак, который ничего не подозревает и которого можете без всякого труда, как плюшевую игрушку, взять вы, жестокие наглые позорные лягавые суки, прибывшие в чёрном авто.

«– Вам!» - сказал я про себя, отпер дверь лифта и плавно выдвинул им, стоявшим в полумраке - ногами вперед – каталку. И вот с неё в разные стороны начали валиться: жуткий муляж «голова-грудь», изображающий освежёванного человека. Одежда, свернутые в подушку. Развешивающиеся простыни, хромированные держалки "гинекологическая операция" с обутыми на них замечательными, забываемыми туфлями итальянца Штерчи. Я услышал, как металлические держалки падают на каменный пол, и моя музыкальная фраза набирала темп, обе руки стягивали двери лифта, его тяжёлые металлические створки. Будто я был гребцом на двухвесельной лодочке, и падал корпусом назад, и, о счастье, правая успела застегнуть их на ключ, пантограф лязгнул, кабина плавно пошла вверх, и только теперь, уже внизу под моими ногами, что-то начало хлопать и я успел увидеть через щель между уходящей бетонной стеной и всплывающим полом кабины, как едва-едва заметно, каждый раз в новом месте, всплывает стальная лист этажной двери под ударами дульной энергии бронебойной пули из пистолета ТТ.

За столом рецепции, в приёмном покое, брат набрал телефон в дежурную часть муниципальной полиции. Он сказал:

«– В здании нового корпуса клиники убийцы. Адрес Шпитальная, четыре».

Дежурный врач уже спешил к нему; он попросил брата закатить рукав и придирчиво осмотрел его вены. В слабом свете аварийного освещения врач смотрел брату в зрачки и, качая головой, с осуждением сказал:

«– Знаешь, братишка... Сходи, что ли за сигаретами».

«– Я не курю».

«– Ты всё же сходи, я очень тебя прошу».

Брат собрал вещи и вышел на улицу. В переулке его что-то ударило по затылку.

Вот, вкратце, при каких обстоятельствах итальянец Штерчи исчез из нашего города - через пятнадцать дней после своего феерического появления. Пятнадцать дней включили четыре полных съёмочных дня фильма "Роксоланы", растянутых дней погони-поиска (розысков) сокровищ Маннхейма.

Необычные дни.

Незабываемые пятнадцать дней нашего с братом погружения в тайную историю нашего родного города Танайские Броды.

.....

Орёл исчез в глубоком небе
Жуковский

Неброские мускулы итальянца сосредоточились в последнем толчке. Баллун упруго и сильно пошёл вверх, его чёрное тело, медленно вращаясь, скрыло Штерчи. Прочь от погони, в пелену неба, как в ковыль заповедной степи.

«— Вот так! Вот выход! This way!» — подумал я. «И Танайскими струями бых полелеян», записал впоследствии Штерчи в своём блокноте, стилизуясь под изучаемую им старославянскую речь. Плотный газовый слой, покрывающий всю планету, примерно половина кубического километра на одного сиюминутно проживающего человека и человекообразного, постоянно перемещиваясь и перемещаясь, прогреваясь и охлаждаясь, живёт своей жизнью. Вот наконец, девятнадцатилетним балбесом я вдруг ощутил, что существую не в пустоте, а в почти прозрачном газе, который можно грести, за который можно цепляться руками, как только что сделал это Штерчи, на который можно опираться тонкими скользкими крыльями, как невидимый мне, слабо гудящий где-то в темноте аэроплан.

Люфт, воздух-спаситель, доставшийся мне для осмотра, был, по правде сказать, далеко не первого сорта. Был он немного перестоявшимся в эти первые дни мая, полные белого, мучительного для глаз солнечного света, был настоян на пыльце зацветающих растений и пустопорожних прениях политиков с их «европейским выбором». Воздух окраинной нашей страны. Медленный его ток ещё больше замедляется в конструктивистских коробках центральной части нашего приграничного города. И наше заречное предместье, низинка, скрытая холмом Нагорного района, отдалена от последних остатков движущейся где-то в вышине воздушной волны; оно задыхается в испарениях малопроточной и загрязнённой нашей речки. Здесь воздух насыщен запахом тины, пением лягушек, жарким дизельным перегаром тяжёлых тягачей-фур, вползающих в ворота таможенного склада. Ночной разгул прочерчен рассы-

панными из рвущихся мусорных пакетов пустыми бутылками из-под коньяка вперемешку с мечеными кровью шприцами-внутривенками. Отрывка ночной жизни таможенной конторы, расположенной за забором стройки.

Наутро я опять поднимаюсь сюда на крышу клиники, и буду всматриваться в надгоризонтный эшелон, светлеющий предрассветными красками — загороженный строениями телецентра, Лысой и Холодной горой. В нашей атмосферной заводи, анемичной и пресноводной, я вижу только одно — дорогу в мир. Отбрасывая набок, на стену командирской рубки, на планшет Ш-28, заводские трубы и купола соборов, воображение моё, набирая скорость, стремилось по этому подоблачному слою, из узкой ложбинки придонечких впадин. Оно пробивало тяжёлую инверсию, душившую сверху тёплым одеялом, и я вываливался вверх, вперёд, в настоящий *Люфтмеер*. Передо мной открывается ристалище великолепных побед.

Я всё ещё стою на крыше нового больничного корпуса. Поднятая ладонь с растопыренными пальцами — достаточно, рукой подать. Между пальцами, холодея горячую ночную бессонницу, приятно протекали и струились самые нижние, прибрежные волокна океана. Того самого океана, который омывает собой все континенты и несёт мою «неминуемую славу». Три метра в секунду? Пять? Я почувствовал физическое желание срочно вернуться в номер Штерчи и всмотреться в плохо мной заученную шкалу Бофорта. «Норд-ост ближе к ост, четыре. Так, верно? Облака — стратус? Или кумуло-стратус?».

И опять меня в моём воображении несли душевные волны Хармата через Атлантику, оставляя под собой пустынную пыль. Она оседает на остров Мадейру, в так называемое Море мрака — и воздух вокруг меня становится всё чище и чище, и впереди открываются огромные просторы Амазонских rain-forest.

Именно в мгновения, когда по лестнице катились вниз, сбивая обоих Волкодавов, опустевшие тяжёлые газовые баллоны, у меня зародилась жажда, скрытое желание прочитать её, книгу *Мартья-Лисс Эпиграмматон*. В словаре я нашел старинное слово – мечта. Не знаю, что это за состояние. Наверное, правильно будет сказать – надежда на мечту. Надежда, что будет такое дело и такие обстоятельства, которые осветят, наконец, печальную безнадёжную серость нашей жизни.

Брат успел рассказать мне про воздушный корабль, встречающий – за облаками – в небо сбежавшего итальянца. Быстрый, изящных обводов, узкий воздушный корабль, нешумный дирижабль. И он же, брат, сумел понять, что именно это за сила, которая противостоит нам, ставшим на сторону неуёмного скитальца Штерчи, кто эти люди, готовые на злодеяния. Когда он звонил по телефону, случилось непоправимое. Двое суток после этой ночи брата не могли найти; затем нам сообщили – он в психиатрической клинике.

Вот что делает
жизнь вполне счастливой,
дорогой Марциал,
тебе скажу я:
Не труды и доходы,
а наследство;
Постоянный очаг с
обильным полем,
Благодушие без
тяжб, без скучной
тоги
Тело смолоду крепкое,
здоровье,
Простота в обращении
с друзьями,
Безыскусственный
стол, весёлый ужин,
Ночь без пьянства,
зато и без заботы,
Ложь скромное без
досады нудной.
Сон, в котором вся
ночь как миг проходит.
Коль доволен своим
ты состояньем,
коли смерть не
страшна и не желанна.

М кн.Х эпигр. 47 перевод Ф.Петровского

V
ITAM:QVAE:FACIANT:BEATIOREM
IVCVNDISSIME:MARTIALIS:HAEC:
SVNT

RES:NON:PARTA:LABORE:
SED:RELICTA
NON:INGRATVS:AGER:
FOCVS:PERENNIS
LIS:NVNQVAM: TOGA:RARA:
MENS:QVIETA
VIRE:INGENVAE:SALVBRE:
CORPVS
PRVDENS:SIMPLICITAS:
PARES:AMICI
CONVICTVS:FACILIS:
SINE:ARTE:MENSA
NOX:NON:EBRIA:SED:SOLVTA:
CVRIS
NON:TRISTIS:TORVS:ET:TAMEN
PVDICVS
SOMNVS:QVI:FACIAT:BREVES:
TENEBRAS
QVOD:SIS:ESSE:VELIS:
NIHILqve:MALIS
SVMMVM:NEC:METVAS:DIEM:
NEC:OPTES

MVM X-47

Глава 2

Баллун Рассказывает будущий Юнга

Баллун (hotair balloon, тепловой шар для увеселительных воздушных прогулок) проплыл над провинциальным городом Танайские Броды, он же Чарьков. Люди с баллуна появились в нашей гостинице через несколько часов, ненадолго. Экспедиция ушла, остался один постоялец. Через несколько дней я узнал, что он хотел бы нанять проводника и помощника для съёмки: старые окопы, несколько безымянных могил, документы в архиве. Пытаюсь изложить предысторию необычных событий той памятной многим ураганной ночи с 4 на 5 мая 2035 года.

.....
Весной, в яркий солнечный день баллун плыл над нашим городом. Многие не видели его. В то время мало кого в нашем городе интересовали метеоры, небесные явления. Воздушные течения, могучие реки холодного воздуха с востока, несут каждый год погоду от Великого Сибирского антициклона по оси Воейкова на Европу. Они прокатывались над нашими склоненными вниз головами. Виды на погоду интересовали исключительно огородников и садоводов, в недавнем прошлом танковых и ракетных инженеров: теперь они заняты выращиванием картофеля, тыкв и абрикосов.

Необыкновенно яркий, разноцветный, полосатый и дольчатый – то ли гигантский цветок, то ли уже созревший плод – уверенно, неторопливо и заинтересованно разгля-

дывало оно нас из лазурной глубины: складки городских холмов, овражки заводских поселков и недавно заблестевшие золотом купола отреставрированных церквей.

«– Вот он, глаз» – сказал брат. Мой брат, Роксолан I (буду в дальнейшем пользоваться именами, которые нам дал приезжий), сменившись с ночного дежурства, перешел наискось переулком от Старого Шпиталя, и остановился на своём любимом месте возле кованой решетки парка. Как всегда, он курил и смотрел в небо. В последние месяцы у него появился этот скользкий, проваливающийся сквозь предметы взгляд. Мой брат, Роксолан I, как раз и увидел баллун апрельским утром. Он бросил папиросу "Беломор". Торопливо взбежав к нам через узенькую лестницу, начинающуюся незаметно, боковой дверкой в подворотне, он выдохнул: «Быстрее!»

Смят и отброшен, как нераскуренная папироса, привычный ход утра. Мы совсем не готовы к появлению брата – кофе ещё не сварен, автомобильчик булочника ещё не остановился под окнами нашего семейного пансиона при больнице, я ещё не сбежал за решётчатым деревянным подносом свежей выпечки. Сидел бы брат себе на парапете паркового ограждения, любовался бы кованой решёткой "нашего маленького летнего сада", как называет его тётушка. Делал бы те заветные, первые, глотки живого утреннего воздуха, о которых мечтает каждый, кому пришлось провести бессонную ночь в больнице. Брат завел этот ритуал. Утром, когда всё вокруг *настоящее*, когда запах земли и деревьев силён и чист, нужно обязательно сидеть на тёсаном камне (эта ограда XIX века, в отличие от многих других, не была подделкой под старину), раскурить папиросу "Беломор-Канал" и найти необыкновенное сравнение. Он-то и придумал "Баллун как глазное яблоко". Не знаю, записал ли он это в свой блокнот, но я запомнил точно. Итак, брат вбежал к нам на кухню и сказал страшным шепотом: «– Быстрее. Быстрее же, он сейчас уплывет. Бросайте всё!»

Мы втроем – брат, мама и я стояли посреди перекрестка – так лучше видно – и смотрели вверх. В прозрачном дон-

ном отверстии круглого паруса-дыни периодически вспыхивал огонь.

«– Нравится тебе мое сравнение? – спросил брат. – Знаешь, как происходит зрительное восприятие: сканирующее движение должно обязательно сопровождаться саккадическим. (Мне это было непонятно). «Сканирующее» – это вот так, как он плавно плывет, будто вдоль книжной строки. А «саккадическое» – это мелкое подрагивание и покачивание, без этого зрение не работает. Вот присмотришься». Я, действительно, увидел мелкие покачивания баллуна вокруг двух осей.

«-- Но он же еще и медленно вращается вокруг вертикальной оси» – сказал я.

«– Да. Человеческий глаз так не может. Так делает глаз ящера».

.....

Мама вытерла платком глаза, и мы поняли, что она тихо плачет, глядя в небо. Она быстро пошла назад, в нашу половину старого больничного корпуса, которая теперь стала чем-то вроде семейной гостиницы и (старое слово) кухмистерской. Здесь останавливались родственники некоторых пациентов, и готовилась еда для "постояльцев" – тех пациентов, которые оплачивали полный пансион в палатах на втором и третьем этаже, выкупленных г-ном Доктором и его женой.

Как мы хотели, чтобы это чудо не прерывалось. Мы надеялись на обязательное продолжение – ведь мы же увидели его, мы его узнали, отдали ему всё наше внимание и надежды. Что ещё можно было сделать? Он скрылся, уплывая в сторону нагорного района, на север.

Мы выпили утренний кофе, не разговаривая друг с другом. В полдень в наш. Второй Шпитальный переулочек въехали три новых чёрных "мерседеса", будто бы в клинике умирал цыганский барон. Один из приехавших, господин в хорошо сшитом костюме, щурил глаза за стеклами очков, вытирал раннюю лысину платочком стоя посреди переулочка. Он прижимал плечом к уху радиотелефон, мобайл-

фон, пытаюсь манипулировать платком и одновременно набирать номер на ещё одном мобайл-фоне. Парадная дверь нашего Старого Шпиталя раскрылась, шоферы «мерседесов» заносили ящики с шампанским, удививший меня большой букет из пластмассовых цветов в художественной плетеной корзине. Затем из авто появились, ласково поддерживая друг друга под локти, уступая один другому дорогу – несколько мужчин с очень красными лицами. Кое-как смогли они пройти в широкие двери Шпиталя, за ними кое-как протиснулись и две дамы в брюках. В сторонке, поглядывая по сторонам, переминался молодой человек со смуглым лицом, в джинсовой куртке, обвешанный фотокамерами и в необыкновенных туфлях – сразу видно, что столичный корреспондент.

Хлопотун-распорядитель, тот самый рано полысевший и потолстевший молодой человек в очках, который первым высадился из кортежа, не дал корреспонденту долго скучать и оглядывать наш облюбованный голубыми переулком. Появившись из клиники через боковую дверь, он несколько мгновений озирался, заглянул зачем-то в подворотню, будто не замечая разыскиваемого, а затем ухватил итальянца Штерчи (а именно им и оказался тот, кого я принял сначала за журналиста) и увлек его в здание.

На первом этаже клиники в зале, служившем для лекций на медицинской кафедре, происходила пресс-конференция, плавно переходящая в обычную слобожанскую пьянку. В этом не было ничего особенно интересного или необычного; а вот рассказ кафедральной лаборантки, будто бы сюда, во Второй Шпитальный переулок, приехали какие-то иностранцы для того, чтобы поселиться именно в пансионе рядом с клиникой, – то есть в нашем пансионе! – казался совершенно невероятным. Разве у этих иностранцев кто-то болен и будет лечиться в нашей клинике? – Нет, у них все здоровы и никто не будет лечиться. А вот тридцать два года назад здесь в реанимации лежал с инфарктом один итальянец (действительно, это было еще при бабушке, я хорошо помню рассказы про этот случай).

«– И что же?»

«– Господа итальянцы рады, что частный пансион, который тогда только появился в Малороссии, до сих пор существует, и здесь те же порядки, что так мило напомнили ему его родину, и это вполне согласуется с их планами». Действительно, по маминым рассказам и фотографиям, здесь ничего не изменилось за последние тридцать лет. Разве что появился большой забор, ограждающий стройку напротив нас, по ту сторону переулка. Раньше здесь стояло какое-то здание.

.....

В зале раздались аплодисменты, на их фоне прокричал что-то неестественно громким голосом человек-распорядитель, и вскоре захлопали дверцы авто, компания угрузилась и исчезла. Музыканты – кларнетист и скрипач – наскоро допивали водку, зажёвывая горячими пирожками с нашей кухни. Они подхватили футляры со своими инструментами и ушли. Остался только один молодой иностранец, тот самый, которого я принял за корреспондента столичной телевизионной программы, и дама-переводчик. Дама с важным видом что-то выговаривала моей матери, но, впрочем, вскоре ей самой стало не интересно, так как иностранец, оказывается, вполне сносно мог и сам говорить по-русски. Здесь очень кстати появился давешний лысоватый распорядитель. В своем авто он увез и даму-переводчицу, и удивительную корзину с искусственными цветами.

Было уже четыре часа дня, и мне пора заступать на ночное дежурство в клинике. Ночь прошла совершенно ничем не выдающаяся, обычное "холодное" дежурство, всего лишь пять поступивших пациентов, и самый последний – в час ночи. К трем-тридцать-пять операция уже закончилась, и у меня оставался после мытья инструментов почти час сна до пяти-ноль-ноль, когда нужно будет подавать лифт на этажи, и в кабину начнут входить заспанные санитарки с мешками, из которых пахнет пищевыми отходами, гноем

и перевязочным йодом. Я работаю ночным санитаром уже шесть месяцев и вполне освоился с этой работой.

Звенит звонок вызова, я оставляю недопитый чай, кладу в карман халата тяжелый стержневой ключ и бегу к грузовому лифту. Закрываю за собой тяжелую дверь, швыряю в пазах скользящие навстречу друг другу сетчатые пантографы внутренней решетки, дожимаю их до щелчка "есть контакт!" Поехали.

Нельзя сказать, что я совсем забыл о необычном постельце, однако ночь в клинике отодвинула необычное событие, оно стало далеким и нереальным, как сон. Вернувшись в Старый корпус, я сидел за столом в нашей маленькой столовой, перед накрытым завтраком, и меня больше всего занимала мысль, почему мне удается отмыть с лица запах прокуренных штор, который прилип ко мне в ординаторской, где я спал на чужой подушке. Понеслись голоса, и, сопровождаемый моим братом, в столовую вошел незнакомец. Брат направил его к столику в углу, рядом с кабинет-роялем – как же я не обратил внимания, что там уже накрыто на один прибор. Незнакомец ел быстро, и я сразу почувствовал по его манере, что это человек из прошлого, из снов моей бабушки, что-то вроде наших "бывших", как она их описывала. Изредка на мне останавливался внимательный взгляд, устремлённый поверх тарелки, без какого-либо движения прямой спины, прямых плеч и локтей, лежащих ровно, у корпуса. Бабушкины и тетушкины рассказы, в моем раннем детстве, так и рисовали мне сидящего за столом "человека из общества".

Я сейчас понимаю, что именно подобные пустяки, тетушкино воспитание, привычка правильно класть нож и вилку возле тарелки и тому подобное – решило нашу с братом судьбу. Штерчи действительно знал о нашей клинике и гостиничке заранее. Тот итальянец, которого спасали реаниматоры в просторном зале старого корпуса, приходится Штерчи дальним родственником, но не это главное. Брат пересказал мне, из неважного перевода вчерашней со-

провождающей дамы, что есть у Штерчи еще какие-то, более древние причины. Древние причины?

.....

На следующее утро я вошел в номер и вкатил столик с заказанным завтраком. Итальянец поднял глаза от географических карт, расстеленных на столе, попросил откупорить бутылку. «Крымский Херес» – прочитал он вслух. – «Итак, наша научно-кинематографическая экспедиция разделилась, и мои спутники уехали в Крым, снимать места генуэзских поселений и древне-римских постов бенефициариев». (Я не знал, кто такие бенефициарии, но переспросить постеснялся). Он высвободил угол стола, и на этом, свободном от карт месте я поставил маленький подносик, с рюмкой, салфетками, чашкой кофе и булочками. Штерчи показал мундштуком на расстеленную карту. Я узнал знакомые изгибы реки, междуречье от сердца равнины на юг, вниз до самого Меотийского болота. «Это же наша губерния», сообразил я, и непонятно бросилось в глаза выделенное красными чернилами имя РОКСОЛАНЫ.

«– Нужно найти следы, – сказал Штерчи, – сто лет назад, сто пятьдесят километров на юг от вашего города, есть старинная база воздушных кораблей дириджибили, недалеко от древнейшего христианского монастыря. Некоторый родственник, – объяснил Штерчи, – некоторый родственник моей семьи здесь находился в составе итальянского экспедиционного корпуса перед отправкой в Сталинград, позже на десять лет. Во время отступления их расстреляли немецкие фельд-полицейские, где-то здесь, когда они спали в сарае».

Русский язык, на котором говорят у нас в семье, Штерчи вполне понимает, но ему нужен переводчик для общения с "аборидженс" и "мешщчане", сказал Штерчи, объяснив: «попол-рустика, попол-урбана», и мы с братом его вполне устраиваем, «очень хорошо воспитанные молодые люди». Здесь Штерчи сделал одно из своих непонятных мимических движений, должно быть он считал нужным сказать

что-то вежливо-приятное: ему вообще нравится здесь здание, ему нравится тихий район за рекой, он хочет быть как можно дальше от «софистикейтс из вашей мэрии», для его научной работы требуется «менс квиета». Как раз в этом месте итальянец Штерчи произнес одиннадцатистишие многим, кроме меня, известного древнего поэта Мартья-Лисс.

«– Хочешь?» – спросил иностранец, закатывая рукав на левой руке и раскладывая на опустевшем подносе печально знакомый набор – жгут, шприц, ампулы. Привычным движением он закрутил вокруг руки жгут и закусил его концы зубами.

Проконсул возвращает Роксоланам княжеских детей

Тит Плавтий, сын Марка из Аниенской трибы, Сильван Аэйлиан, проконсул Азии, пропреторский легат Мёзии, в указанную провинцию переселил из Задунайских племен более ста тысяч человек с женами и детьми, со знатью и с их царями, нужными ему для взимания с них податей.

Когда большая часть его войска была в Армении, он сумел с оставшимися силами подавить начинавшиеся волнения Сарматов и перевел из-за реки Танаис* на наш берег неких царей. Чтобы склонить [этих царей] на свою сторону, возвратил царям Бастарнов и Роксоланов их сыновей, взятых ранее в плен или захваченных врагами и выданных ему, Римскому легату, Сильвану Аэйлиану.

Из послужного списка римского чиновника, принадлежащего к роду Аэйлианов, легата на землях Меотии.

Танаис (Tanais, is, *m*) река в Сарматии, ныне р.Дон

Глава 2 «Баллун» продолжается – это её часть II.

...

...

Мне уже приходилось во время ночных дежурств иметь дело с такими припадками, и я, вспомнив наставления одного из наших реаниматологов, собирался оказывать первую помощь. Чтобы он не закусил язык, не упал на что-то опасно головой, или не захлебнулся рвотными массами. Я наклонился к сидящему на полу иностранцу и принялся, палец за пальцем, отцеплять от одежды его руки, охватившие крест-накрест голову, будто укрывая её от ударов. Он что-то говорил. Это был незнакомый мне язык, очень отрывистый и гортанный, в его руках была огромная сила и я почувствовал, что мне не справиться. Это напоминало кадры телевизионной хроники, и я почему-то решил, что он повторяет «не бейте меня, я иностранец, я ничего не знаю, я ничего не буду говорить» что он чего-то боится и ему кажется, будто его преследуют.

Вдруг, совершенно внезапно он встал на две ноги, во весь свой рост, (почти на голову выше меня). Это было упругое, умелое движение совершенно трезвого человека. Эти доли секунды, наверное, были самым страшным – так неожиданно я ощутил, что меня обыграли, обвели вокруг пальца. Вот он, высокий, костистый, прочно стоит в двух шагах от меня, напротив будто учитель танцев, и оба моих запястья охвачены чем-то железным, горячим. Как описать следующие несколько секунд, это безмолвное напряжение мышц.

Я стараюсь сделать руками круг, вверх-в-стороны-вниз, высвободиться из захвата. Что это, что происходит? как я должен вести себя? как вести себя достойно? не глупо? И он, молчаливо, каменно, без улыбки не дает мне высвободиться. Да, без улыбки, я могу догадаться об этом, вижу в тумане, самым краешком зрения нижнюю часть его лица. Хотя это не главное. Как приучили в дворовых драках, моя голова опущена, и взгляд *нигде*, внизу, чтобы видеть одновременно всю фигуру, карманы, знать есть ли там оружие, если противник вдруг опасно разорвет дистанцию; и, главное, как стоят стопы. Вот это, возможно, самое важное - стопы, позиция, стойка. В ней все будущее движение, развитие событий. Именно эта, абсолютно миролюбивая позиция ботинок «Camel» вынуждает меня чувствовать себя на экзамене, будто мне в розыгрыш загадали ответить "вилка в глаз или кол в анус". Стопы итальянца стоят ровно и спокойно, он не собирается ничего предпринимать. К счастью, я совсем не смотрел в его глаза.

«-- Ты был альпинист?» - спросил итальянец. Дальше, насколько я понял, он разговаривал не со мной, а с воображаемым чистым листом бумаги. «Юноша Роксолан был очень силен», - выговаривал Штерчи, глядя в угол комнаты, четко артикулируя звуки, – «его мышцы жестки, как у жителя гор, хотя он вырос на равнине». Возможно, эта фраза не понравилась итальянцу, в ней не было графического изящества и простоты, которых он так искал на невидимом мне светящемся листе, заполняемом буквами. *Литтература*, букворядица. «Роксоланы сильны», – говорит итальянец Штерчи, мягко опуская мои руки вниз, и пожимает их, две сразу, будто боксер в конце раунда, и я чувствую, какие шершавые и сухие его ладони. Мое сердце сильно бьется, так все это непонятно.

Теперь он сидит напротив меня в кресле, глубоко откинувшись, и вообще это не драка, я гляжу на него обычным взглядом, рассматриваю лицо. Конечно, главное в лице не бледность тонкой сухой кожи, какой-то в серых пятнах или веснушках, не отвисшие губы, которые едва заметно перебирают слова, подбирая важное.

Главное. Глубоко посаженные глаза, обведенные темными кругами. Они глядят очень пристально, излучают проникающий, рентгеновский свет. Он глядит неотрывно, навязчиво, и я отступаю на ногах слабых после предельного напряжения безмолвной борьбы. Я так долго сдерживал дыхание, стыдясь моего огромного усилия, которое не принесло мне победы. Я, в тумане, отступаю, глядя неотрывно ему в глаза, и слышу доносящиеся слова незнакомца:

«– Тит Плавтий, он же Сильван Аэйлиан, перейдя с небольшим отрядом за Борисфен, возвратил царям Бастарнов и Роксоланов их сыновей, ранее захваченных в плен врагами и переданных ему как пропреторскому легату Мёзии. Некоторые из окруженных в Риме почетом знатных заложников отказывались возвращаться в Дыкое Поле».

Я ответил, растерянно, механически:

«– Дыкое Поле. Я знаю это название. Точно так же называется по-старому наша губерния».

«– Послушай меня, Роксолан. Долг за вами, этот долг пора, наконец, вернуть. Я прошу, в конце концов, ты же сможешь меня понять, мое положение безвыходное. Мы с тобой искали вместе, куда ушел учитель, высоко в горы, это было давным-давно. Да, очень давно. Но все равно, документы подлинны и полностью подтверждают мои права, это скажет вам с полной уверенностью любой квалифицированный дипломатист».

На меня надвигался из тумана топот копыт, степь. «Наконец-то», - мелькнуло в голове, - «пора сбыться ожиданию, пора начаться приключениям».

Глава 3 День итальянца Штерчи

"He helds him with a glittering eye"

«Т ак ты хочешь понять, на чьей стороне симпатии читателя? Или зрителя в телевизионной версии произведения?» Моя рука опять ухвачена сухими горячими пальцами итальянца Штерчи, и я неотрывно гляжу в его лихорадочно блестящие глаза. Он продолжает: «– Светоний уже закончился², идет восьмьсот пятидесятый год Аб-Урбе-Кондита. Если тебе так будет привычной, девяносто седьмой год христианской эры. Двое молодых людей, им обоим лет по двадцать-двадцать пять, встретились и подружились. Где? Конечно же, в портовом городе, в Брундизии или в Равенне. Да, их первая встреча – в городе маленьком, портовом, где живут общинками азиаты, иудеи, христиане – ты же читал деяния апостолов? В этом маленьком городе нужно выполнить ряд формальностей, оформить поручительство, дождаться перевода денег на содержание Роксолана, а уже затем они вместе въезжают в "столицу мира", в Big Apple, сосредоточившее всю мощь, власть и культуру. Разве я не говорил тебе? – извини, всё время путаю вас с братом, вы так похожи. Один – сын римского служаки, начинающий поэт Стертиний, Стертиниус д'Авит. Второй – "гость-заложник", Языг или Роксолан, сын князя, из племен приазовской степи, Палюс Меотика».

² Римский историк Гай Светоний Транквилл завершает свой труд «Жизнь Двенадцати Цезарей» на описании последних дней императора Домициана, т.е. 97-м годом н.э.

«– Ваше Болото» – сказал итальянец Штерчи, и облил свои вечно сухие, шелушащиеся губы. Я налил ему в чашечку кофе, и он продолжал:

«– Потом, через четыре года, Стертиниус, поклонник и подражатель Великого Эпиграмматиста, приезжает к Марку Валерию Мартья-Лисс в горы Испании. В Бильбилис, ты можешь себе представить? патриций зачем-то тащится в эти горные трущобы. Роксолан из политических соображений отпущен на родину в степи Дыкого Поля. Он увозит в степь "либри". Либри, книги-свитки. Разумеется этого же самого Марка Валерия Мартья-Лисс. Не Тита же Ливия³, в конце концов, нужен он здесь, скажи на милость!»

«– Примерно в это же время, – продолжает Штерчи – отец Стертиния, высокопоставленный офицер государственной безопасности Урбс-Ромай (совершенно правильно, преторианец) отбывает в зону германского конфликта. По моим подсчетам, это сотый или сто первый год христианской эры. Там, за Альпами, в диких лесах - штаб группы войск, ставка нового Кайзр-императора Трояна. Из Рима отряд увозит в штаб Трояна имперскую канцелярию, знаки власти, печати, постановление сената. В опечатанном ларце везут списки высших преторианцев, участвовавших в событиях девяносто седьмого года. "Слезы мои отомсти аргиянам стрелами твоими", дописано рукой старика Нервы на документе о передаче власти в пользу Трояна.

– Вот я еду в Германию, что ждёт меня там, – говорит д'Авит-старший – А сынок мой в Испании ищет откровения Музы...» Итальянец Штерчи изобразил своим подвижным, гримасничающим лицом мысли сурового римлянина, и отпустил мою руку. Видимо, решил, что на сегодня достаточно.

Мой взгляд прояснился, и я вгляделся в коллаж предметов на столе. Пожалуй, стоило бы научиться фотографировать. Я думаю, натюрморты, открывающиеся нам, когда мы входим в номер итальянца для приборки, или что-

³ – Штерчи довольно пренебрежительно упоминает фундаментальный труд историка Тита Ливия «Ab Urbe Condita»

бы подать заказанный им кофе (он никогда не ест в номере) дали бы ясный отпечаток этой замкнутой души, привычной не оставлять ни в каких условиях своего «стиля» – богатого божественного поэта, любителя старины, охотника за "сокровищами духа". Стопка взятых из библиотеки книг; купленные в Классическом переулке географические карты нашей губернии в мелкий масштаб, зачем-то разных лет издания. Два калькулятора, компьютер *лэп-тол*, логарифмическая линейка и какая-то неизвестная мне астролябия. Одна на другой, три или четыре папки с завязками, куда он укладывает, под зажим, исписанные листы. Пустой бокал. Пустая бутылка под столом. Утро.

Явная, объявленная цель Штерчи – повесть и фильм о том, как культурная традиция Италиков в течение столетий уходила на восток, в степь, из форума в кампус. Легенда Штерчи – это историческая фантазия о дружбе двух поклонников поэзии и личности Марка Валерия Мардзиале (он же Мартья-Лисс, Марциал), из истории раннего христианства, второго века от Рождества Христова. О дружбе княжеского сына Роксолана и Стертини д'Авит, начинающего поэта из аристократического орд'сенаториа. Верить ли итальянцу? Этот итальянец Штерчи, я вижу несомненно, – ох непростой он человек, ох запутанная душа его; не такому как мне в ней разобраться. Честное слово, в эти дни, первые числа апреля 2035 года, я еще слыхом не слышал про *вителлиану*, древнюю долговую табличку, дающую итальянцу такие широкие права. Но мне уже было понятно, что в литературных поисках Штерчи есть ещё какая-то вторая, тайная цель.

Из-за ночных дежурств я спал меньше, чем требовал мой возраст. Случалось, я лишь присяду где-нибудь, где тепло и не очень шумно, и глаза мои сами собой закрылись. Перед внутренним взором начинают плыть одна за другой причудливые цветные картины. Именно в те дни, в первую неделю моего знакомства с приезжим, я увидел во сне тайную цель Штерчи, предмет его вожделений и неумолимых поисков. До апрельского новолуния была ещё

неделя. Тонкая непрозрачная плёнка век отгородила меня от сиюминутного, пролетели светящиеся и рябящие кольца, и в легкой туманной дымке лежал передо мной небольшой майский жук, таинственное создание природы, самородок тусклого необыкновенного металла, лишь кое-где подправленный человеческой рукой. Этот металл или сплав, тусклый, серовато-зелёный, ещё более тяжёлый, чем золото или серебро, объяснял мне назначение: Штерчи надеется застрелить призрак. Для этого годится только пуля, сделанная из самородка. Я вздрогнул и потряс головой – сон улетел, нескольких минут хватило, чтобы опять почувствовать утреннюю свежесть, и во рту был сладковатый привкус хорошего сна. Видение осталось, не улетело; оно запомнилось, и я в следующие дни раздумывал над ним.

Штерчи засобирался. Я, было, думал, что сегодня он засидится у нас в гостинице подольше, до обеда, раз не ушёл с утра "ад оффицьюс", как он выражается, то есть по делам. Так иногда бывает. Оказывается, что этот день санитарный в библиотеке, или какие-то неизвестные праздники, без конца изобретаемые правительством. Итальянец сказал однажды: «У вас очень нерадивые учителя. Вашему народу нужно всё время вести внеклассную работу, *за-ор-га-ни-зо-вы-вать* – он чётко выговорил трудное семи-сложное славянское слово – заорганизовывать досуг со-держательными занятиями».

Сегодня Штерчи уходит в город немного позже, вот и все. Его обычные походы – мэрия, старая библиотека университета, городской архив. В портфельчике, который он держит под мышкой, бумаги в пластиковых файлах и копии документов. Нет, это не те бумаги, которые каждое утро он исписывает пером (насколько я смог понять, это его житейское правило – написать поутру три-четыре страницы своей повести), совсем другие, официальные, какие-то межправительственные соглашения, протоколы о намерениях, меморандумы о совместной экономической деятельности. Зачем-то ему нужна ещё и эта, суетная работа

коммивояжера. Штерчи застёгивает змейку куртки, прячет на груди обе цифровые камеры и подмигивает мне: «Гляди, как только появится женщина в красном – немедленно скажи мне» – и он делает знак пальцем, показывает на жетон-переговорник под вырезом рубашки.

«– Вот здесь убери – Штерчи делает повелительный жест – Эти все бумаги уже не нужны». Я подаю Штерчи несессер с термосом и бутербродами, заглядываю в корзину под столом, куда он сложил листы плотной, немного рубчатой кремовой бумаги. Они ему уже не нужны.

«– Мне очень стыдно спрашивать, но вы не будете против, если мы с братом прочитаем?» Стараюсь сформулировать как можно более вежливо, хотя это и чисто риторический вопрос. Точно знаю, что по-настоящему отработанные важные бумаги Штерчи изрезает ножницами, и мы находим в корзине мелкую бумажную соломку.

«– Это совершенно не интересно» – рисует Штерчи (я вычитал такое выражение) – «Конечно можно, – и он подмигивает мне дружески, – Женщина в красном. Вот это действительно очень интересно. Я знаю, ты очень наблюдательный молодой человек». И он протягивает мне свёрнутую денежную купюру.

.....

Брат заглянул вместе со мной, через моё плечо, в сегодняшние черновики итальянца Штерчи, достал сигарету и закурил. «Ты веришь итальянцу?» – спросил у меня брат.

«– Это ты у меня спрашиваешь?» – Я удивился искренне, ведь он проводит гораздо больше времени с иностранцем, их беседы об истории римской культуры гораздо сложнее и глубже, чем позволяет мое скудное образование. Благодаря итальянцу, его любезному – или, точнее сказать, рефлекторному – просветительству (кстати, я заметил, что он точно так же рефлекторно всегда подаёт на улице нищим мелкие монеты) – занятия брата латинским языком углубились до ватиканского уровня. В доме, среди наших женщин Штерчи получил титул «сень'ор профессоре». Брат выдыхает табачный дым и какие-то клубящиеся, неровные мысли:

«– Наш бесконечно теряющий что-нибудь город. Убогий, провинциальный, и, вдобавок забывчиво теряющий. Однажды он потерял статус столицы. Статус вольного университетского города растёкся в мелкие рукава бесконечных «кузниц кадров» и заболотился в хорошо управляемый электорат. Перестал быть военно-промышленным центром, медленно теряет роль перекрёстка торговых путей. Что может этот город значить, как он пишет, «в истории духовных поисков человечества»? Можно ли поверить итальянцу Штерчи, приехавшему в Дыкое Поле? Он аристократ, иностранец, небедный человек – надеется найти здесь что-то недостающее. Ты поверишь в такое?» Я отвечал брату очень неуверенно, с чужих слов:

«– Господин Доктор объяснил, что это как в физике с полупроводниками: ток могут создавать или электроны, или «дырки», места лишённые электрона. Это не имеет принципиального значения. Чего-то может быть много, и тогда оно превращается в среду, в сырье. Чего-то мало, и оно является "активным носителем". Ты понимаешь?» Брат, подумав, ответил: – Понимаю, но смутно. И всё же вчитайся: «Дыкое Поле в истории духовных поисков человечества: взгляд на христианскую герменевтику через восстановленное, ревизорское, мироощущение человека I – II веков *анно домини*».

Как раз в эти недели я читал психиатра Ганнушкина, и я сказал брату: « – Он втягивает тебя в круговорот своей паранойи. Это просто скачка идей, здесь нет цельного».

Мне казалось, что моя обязанность – предостеречь брата. Я не стал делиться с ним смутной догадкой, явившейся в полудрёме. Про маленький предмет, веский ядовитый и убийный, который Штерчи разыскивает здесь, в Меотийских болотах. Этот молибденовый самородок для меня объяснял практически всё: и опасливую упругую походку итальянца на его толстых бесшумных подошвах "Кэмел", походку не то охотника, не то зверя. И двойной лёд в глазах иностранца, таинственную рефракцию внутренних шторок. И самый верный признак, «тихое шевеление в траве».

Главу 3 - «День итальянца Штерчи» - завершает приложение

Фрагмент макулатурный

Геоморфологическая психодинамика Верхней Меотии

Записи рукой Штерчи:

...Встаёт передо мной история гедонизма в этих местах – глухих, однако, благодатных и свободных от европейской урбанистической сжатости. Так называемый Муравский тракт сосредоточил на себе природные благоприятные условия – русский классик Чехов назвал эти места «Швейцарией донецкой степи». В христианское время сюда устремлялись монахи, как из российского Киева, так и из греческого Афона. Это и есть именно та самая "дальняя застава, где центурион между боями читает свиток Мартья-Лисс".

Честолюбец князь Потёмкин-Таврический, завоеватель Крыма, фаворит императрицы Екатерины II и собиратель античных геммов, был первым, кто покусился на земли Святогорского монастыря. Историк-краевед цитирует письмо государыни от первого октября 1790

года, ответ на письмишко князя о вождеденном кусочке, где увиделось ему в соединении "голубое небо юга и сеннолиственные деревья Украины". Не отказала государыня своему любимцу. "Друг сердечный, князь Григорий Александрович! Дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь ту дачу...". На одной из меловых гор на правом берегу Донца был выстроен роскошный дворец. Его обнесли липовым парком, и снабдили купальнями по образцу виллы Адриана. Удивительное для России явление, в этом уголке сочетается исключительно по-римски любование природой, доведенный до кристального предела радостный светлый разгул, лишённый традиционного русского отчаяния, и мечта о бессмертии. Близость пирующих и умерших необычна (я лично неоднократно убеждался, что славяне боятся умерших).

Здесь мягкий климат, здесь целебные солевые озера и грязевые "бани" – и здесь же места для "святого захоронения". Эти места, по описаниям историков, располагались в склепах-усыпальницах, налево от моста через Донец, наверху. Здесь, согласно преданию, похоронен соратник полководцев Суворова и Кутузова наказный атаман Донецкого казачьего войска Михаил Платов.

Секуляризация, отчуждение в пользу государства или частных лиц, зоны Святогорского монастыря проводилась при правлении в России царей (до 1917 года) дважды, и, заметим, по странному совпадению, хронологически совмещается с волнами интереса русских учёных к творчеству Марка Валерия Мартья-Лисс. По соседству с монастырем находились родовые поместья генералов российской императорской армии, и, уходя в отставку, генералы возвращались в поместья. Какие из московских красных генералов летали сюда в 1932-м и 1933-м годах, после открытия дирижабельной линии Москва-Курск-Харьков-Славянск? Российский классик XX века Михаил Булгаков даёт очень яркое, запоминающееся описание этих рейсов в ночь майского полнолуния.

...Плавно, наслаждаясь бесшумным полётом, в сопровождении обнажённых красавиц, плыли отдыхающие в воздушных ладьях, над голодающими районами. Там у крестьян вооруженной силой были изъяты все запасы продовольствия, и к весне на деревьях была съедена кора. Маннхейм, тогда почетный курсант высшей школы НКВД в Харькове, несколько раз принимал участие в этих увеселительных воздушных экскурсиях с ночным купанием в Донце. В свой дневник он выписал стихи Тютчева:

*Тихо, мягко над Украиной
Обаятельною тайной
Ночь июньская лежит;
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И во тьме Донец блестит.*

Спустя десять лет, уже в военный год 1943, Маннхейм, опальный генерал германского генерального штаба, сосланный на восточный фронт, без труда совместил в своём мозгу идиллические видения юности, и сиюминутную оперативную обстановку - расположение переправ, батарей и пулемётных гнёзд. У него оставался только один вариант действий.

Четыре эры Латинского языка

ÆTAS AVREA Эра Золотая
Начиная с года Аб-Урбе-Кондита 519 до 767 (г.14-й от Р.Х.)

Naevius, Ennius, Plautus, Cato, Caecilius, Terentius, Pacuvius, Accius, Afranius, Lucilius, Lucretius, Varro, Cicero, Caesar, Hirtius, Nepos, Virgilius, Horatius, Catullus, Tibullus, Propertius, Livius, Ovidius, Sallustius, Vitruvius, D. Laberius, P. Syrus, Severus, Manilius, Gratius, Albinovanus, Hyginus, Germanicus, Verrius Flaccus.

Всего 34 имени

ÆTAS ARGENTEA Эра Серебряная
От смерти Августа до смерти Траяна
(с года 14-го по 117-й от Р.Х.)

Phaedrus, Curtius, Paterculus, Valerius Maximus, Celsus, Scribon.Largus, Seneca uterque*, Persius, Lucanus, Paedianus, Columella, Palladius, Mela, Petronius, Quintilianus, Plinius uterque* Juvenalis, Sulpitia, Suetonius, Tacitus, Frontius, Stadius, Florus, Valerius Flaccus, Silius Italicus, Martialis, Gellius, Terentianus, Pomponius Festus.

Всего 31 имя

QVATVOR LINGVÆ LATINÆ ÆTATES

ÆTAS ÆNEA Эра медная
От смерти Траяна до захвата Рима Готтами (гг. 117 – 410)

Apicius, Dyctis cretensis, Solinus, Apulejus, Tertullianus, Arnobius, Marcellinus, Vegetius, Aemilius Macer, Firmicius, Lactantius, Minutius Felix, Cyprianus, Macrobius, Alpianus et ceteri**

Всего 47 имён

ÆTAS FERREA, et LUTEA Эра Железная и Грязная
С V столетия вплоть до начала XIV-го ст.

Всего названо 90 имён

REPARATIO LINGVÆ LATINÆ Восстановление Латыни
После начала XIV-го ст.

Franciscus Petrarcha, Joannes Boccaccius, Lombardus Sericus, seu de Serigo: Всего три имени.

Столетие XV: названо 39 имён

Столетие XVI: 71 имя

Таблицу составил и выставил для семинаристов в Падуе

Jacobus Facciolatus

Лекция Дж. Факциолята «Язык Латыни учите не по книгам грамматиков», с приложением таблицы «Четыре Эры» первым изданием вышла в типографии Падуи в 1714 г.

Глава 4

Так почему же Марциал?

Мой дядя, в повествовании фигурирующий по его просьбе под именем «Полковник Х***»*, на самом деле – генерал-лейтенант в отставке, довольно известный в нашем городе человек. Эрудит, увлеченный яхтсмен, посетитель нескольких элитарных клубов. Попадая в его дом, вы чувствовали прикосновение.... Гравюры и фотографии на стенах, огромные карты планетарных ветровых потоков, старинные приборы. (Только теперь я знаю назначение всех этих креномеров, вариометров, трубки Прандтля) «К дяде и его другу г-ну Доктору, что ли, обращаться с беспокоящим меня вопросом?» – думал я в апреле.

Вот сейчас я сижу, задумавшись над клавиатурой, и пытаюсь восстановить startpoint моего путешествия: моё тогдашнее состояние. Крошечная родина, откуда я вышел, как из скорлупы. Это был маленький уютный мирок; в нём было тепло; у меня были родственники, которые заботились обо мне, и которым я был обязан посвятить мою жизнь, когда вырасту. Разговоры сосредоточивались на

оптовых ценах, ставках налога, на новом законе об исчислении процента добавленной стоимости... Наверное, мы жили в Китае и нас окружала надёжная толстая, в несколько слоёв, стена без дверей. Вдруг над нашим домом проплыл хотэйр-баллун⁴ и принёс загадку Марциала. Да кто же он такой и почему...?

Тот исчезнувший мир я стараюсь восстановить на бумаге, тот самый рисунок обоев, вышитый узор на подушке. Это было... там-тогда, в котором мы слыхом не слышали о Маркс-Валерийс-Мартья-Лисс. Вам, читатель, трудно меня понять, вам кажется, что это странная шутка, непонятная фантастика, вроде повести про мир существ без третьего измерения. Да, мне было восемнадцать лет, и я даже не слышал про “MVM”. Разумеется, после всего шума, который подняли все эти «анти-глобалисты», «меотогирканские патриоты» и «мусульманские фундаменталисты» вокруг экспедиции нашей “Гадитаны”... После событий в испанском городишке Калатаюд в связи с юбилеем, после трёх прекрасных новых изданий Эпиграмматиста, после видео-клиповой экранизации переводов В. Брюсова в “Эротопазнии” и нашумевшего мюзикла... Конечно, теперь даже ведущий телевизионного шоу для молодёжи “Отгадай мелодию” считает необходимым вернуть строчку-две из “MVM”⁵. В любом доме стоит на полке карманное двухтомное издание “MVM”*, а богатч чувствует себя обязанным выложить на журнальный столик настоящую *либрий* и *триплицес* (Что уж говорить про *килики* для вина – мой кузен сделал на торговле ими неплохое состояние). Так вот, я не шучу, мне было восемнадцать лет, и тогда все мы говорили вместо “футукаться” – “трахаться”, вместо “футутор” – “любовник”, вместо “мент’ля” -- .... да вообще трудно вспомнить.

.....

⁴ – (англ.) hotair balloon

⁵ – широко принятая в молодёжной субкультуре аббревиатура, вместо Marcus Valerius Martialis

«Многие эпиграммы Марциала по своему цинизму совершенно невозможны для перевода»
Дератани, Лит.энциклопедия, М., 1932

«— Скажи, неужели Марциал писал в основном о сексе и педерастии?» — решил я обратиться к брату и прояснить для себя самое главное. Мне надоели непонятные недоговорки в книгах, найденных мной у Доктора. Обращаться с подобным вопросом к нашим домашним было бы крайне неделикатно. Люди того поколения, в отличие от нас, росли в тепличных условиях, до эпохи Эйч-Ай-Ви⁶ и антиспидовой пропаганды. У них до сих пор, я заметил, возникают какие-то эмоции при виде настенного плаката, рекламирующего “С”, condomize-зачехляйся^{**7}. Наши домашние женщины — мои тётушки... вообще. Краснеют и отворачиваются. У них, что ли спрашивать? — «Так вот из-за этого его эпиграммы с восторгом читали древнеримские матроны, средневековые монахи и рок-металлисты, последователи Алистера Кроули?»

Брат поднял на меня красные, воспалённые глаза, посмотрел оценивающе. Наверное, взвешивал, достоин ли мой вопрос его драгоценных сил и времени. «—Принеси сигареты»—сказал он и медленно проглотил слюну. Я протянул ему заранее припасенную пачку. Он расковырял её, вытащил сигарету губами, щёлкнул зажигалкой, засунул обе руки в карманы и вытянулся на стуле, глядя в потолок. Я знал — нужно ждать. Когда сигарета была выкурена до половины, брат вынул левую руку из кармана, очень аккуратно взял сигарету двумя пальцами и понёс её к пепельнице. Я наблюдал за хрупким столбиком пепла — фантомом сгоревшей сигареты. Наверное, в нём была судьба моего вопроса. Пепел счастливо упал в пепельницу, и брат, заёрзав, сел на стуле прямо. Он положил локти на стол и сказал: «Так вот, слушай».

⁶ * Human immune-deficiency virus, вирус иммуно-дефицита

⁷ “A-B-C”: abstain, be faithful, condomize

Но вначале мне пришлось не слушать, а смотреть. Из тумбочки своего стола брат извлёк и выложил сложенный вдвое лист плотной чертёжной бумаги, и затем — небольшую книжку, довольно толстую, с зелёным корешком. Я разобрал в золотом тиснении самые крупные буквы: “ROETES LATINS”. Брат погладил картонную крышку книги пальцами, будто читал *брайль*, и произнёс тщательно отрететированное слово: «Лъан-Сеиз*»⁸. Он посмотрел на меня с сожалением. Моё молчание явно не радовало его, подтверждало давно известные факты. Покачав слегка головой, брат повторил: «Лъан-Сеиз», — и он приподнял книгу за уголок, начал поворачивать её перед собой, как бы рассматривая впервые, и объяснил: «Маленький карманный формат лъан-сеиз, в одну шестнадцатую, для удобства пользования учащих» — и протянул книгу мне через стол.

Пока я разглядывал обложку — Антологие де Поэт Латин — Хашетт э-компани — 2 франка, пока заглядывал на исписанные табличками форзацы с перечислением на каждой полу-странице отдельно: Либрарь Хашетт, Пари, Классик Франсэз; Либрарь Хашетт, Пари, Классик Латин... (а было и ещё, и греки, и германцы, и англичане, и множество словарей), но отвлекла внимание синяя марочка книгопродавца:

«А.Дредеръ — Харьковъ — А. Droeder».

Пока я мешкал, брат важно разложил перед собою на столе, сдвинув на край пепельницу, тот самый лист плотной бумаги. Это оказалась каллиграфически написанная таблица имен, озаглавленная сверху Lingvae Latinae Aetates Qvattvor. Брат полюбовался творением своих рук и повернул лист на столе так, чтобы мне было удобно читать (та самая Таблица Факциолята, которую я воспроизвожу перед этой главой). Я с трудом оторвался от книжечки, от её титульной страницы, на которой текст по-старинному был сверстан симметрично, стрекозой. Кры-

⁸ фр. L'in-seize, in-16. Типографск. формат книги «в одну шестнадцатую», т.е. примерно 95 x 150 мм

лышки были – двенадцать имён, примерно посредине списка я увидел: Мартыаль. Хвостик стрекозы завершался годом – 1911. Брат книжку отобрал, чтобы я не отвлекался, и указал пальцем, обвёл левый-нижний четвертак таблицы, постучал прокуренным ногтем на подкрашенную люминисцентным текст-маркером этикетку «Aetas Argentea – Эра серебряная». Чуть скашивая глаза вниз, на какую-то шпаргалку, брат громко и важно произнёс: «—Благодаря своим достоинствам Марциал среди поэтов серебряного века латинской поэзии – один из самых лучших. А среди всех вообще, без сомнения – самый оригинальный». Он добыл из пепельницы окурочек, втянул в лёгкие едкий дым и раскурив от уголька новую сигарету.

Брат левой рукой отковырнул набок стенное зеркало. Оно на петлях отошло, открывая чёрный квадрат утопленного в стену флэт-экрана, постучал внутри стола клавиатурой, и на светлеющем экране начали проступать фразы:

«—Лесбиянка Филаида обладала клитором таких размеров, что могла совершать половой акт как с женщинами, так и с мальчиками»;

«—Римская проститутка Целия получала оргазм только от мужчин с обрезанными (циркумцизио) членами»;

«—Угадайте, кто написал слова *Живи сегодня?*»

С укоризной брат спросил меня: «Это же ты такие перлы из Интернета повытаскивал, а?» Я, разумеется. А что? Заложил в поисковик *Martialis Epigrams*.

Глава 4 «Почему же Марциал» продолжается Фрагмент 2

Son style, dans sa simplicité, est d'une vigueur incomparable, appropriée à toutes les nuances de la pensée, aussi prope à décocher le trait mordant qu'à exprimer des sentiments délicats. Toutes ces qualités le mettent au premier rang des poètes latins, et en font peut-être le plus original de tous.

A. Waltz. *Martial*.

Ant. des p. Lat., Paris 1911, p. 273

«—Ну да, я» – отвечаю виновато, хотя мне, в общем-то, нечего стыдиться. Я задал поиск на сочетание «Мартыя-Лисс Эпиграмматон», вот и получил что имеем. Там, впрочем, есть референцы не только с сайтов сексуальных меньшинств и каких-то викторин, но и довольно обширные эссе на теологических сайтах. Мне запомнилась лекция преподобного отца Ричардсона «Христианство и сексуальность», и ещё какая-то проповедь, где интернетовский священнослужитель описывал мучения христиан в Колизее, и цитировал из Марциала что-то такое, дескать, на арене – львы, тигры и медведи, а на трибунах – гораздо более кровожадные звери.

Мой брат, Роксолан Старший, развернул книжечку Антоложи-Хашетт, и, с ней сверяя, читал свой перевод-шпаргалку. «— Его литературный стиль, при всей своей простоте, обладает силой, ни с чем не сравнимой. Ты понимаешь, *выгьор*, – брат выговорил французское слово, не иначе разучивал произношение с одной из наших тётюшек. Крепко, как я вижу, его достал итальянец Штерчи. – Выгьор инкомпарабль, пригодный для передачи всех нюансов мысли и чувства, от самого грубого издевательства и оскорбления и до самых тонких сантиман-деликат».

Дальше у брата открылась речь. Вместо раздражающих меня многозначительных пауз и жестов он стал про-

износить правильно построенные длинные фразы, в постоянном темпе, и я начал кое-что понимать. Во-первых, я понял, что брат по настоянию Штерчи изучает латинский язык так, как вообще теперь во всём мире изучают языки – экстенсивным методом. Это значит, что вместо заучивания правил из учебника грамматики, брат большущими кусками, пусть понимая лишь кое-где и кое-как, зачитывает и заучивает одного из классиков. Испанского гитариста Мартья-Лисс.

«—Почему же гитариста» – не смог понять я.

«—Гитара, – объяснил брат – это такой музыкальный инструмент, который, пускай, не очень громко, однако же, способен в одиночку передавать звучание самых разных инструментов: и смычковых, и духовых, и ударных. Даже целого оркестра. Даже человеческого голоса».

Во-вторых. Действительно, темы секса фигурируют у Марциала довольно часто. Голландцы издали отдельной книжкой «Секс и эрос – Триста избранных эпиграмм Марциала». А вообще всех Эпиграмм, этих стихотворных миниатюр, мастер изготовил за свою жизнь примерно тысячу пятьсот. В книге-свитке номер одиннадцать, Либр Ундецимс, с которой брат и начал овладевать латынью эпохи принципата, из ста восьми эпиграмм темы секса так или иначе (хотя бы походя) затрагиваются в сорока девяти, то есть почти в половине. При этом в тридцати трёх эпиграммах употребляются слова, называющие прямо, «как есть», части тела, физиологические действия, и людей их выполняющих – *футукаться* (совершать половой акт), *мент'ля* (мужской половой орган), *педикачить* (совершать анальный секс), *феллятор*, *педикун*, *футутор*. А также такие слова, как *мозйха* и *мозйхс* – женщины и мужчина, соответственно, часто и охотно предающиеся блуду. А также другие слова.

«—Впрочем, не так уж много этих слов, – сказал брат устало. – Господин Доктор подсчитал, что всего Либр XI содержит восемьсот одиннадцать строк стихов, и из них пятьдесят девять строк содержат эти самые слова эксплицитного характера. Всего семь процентов».

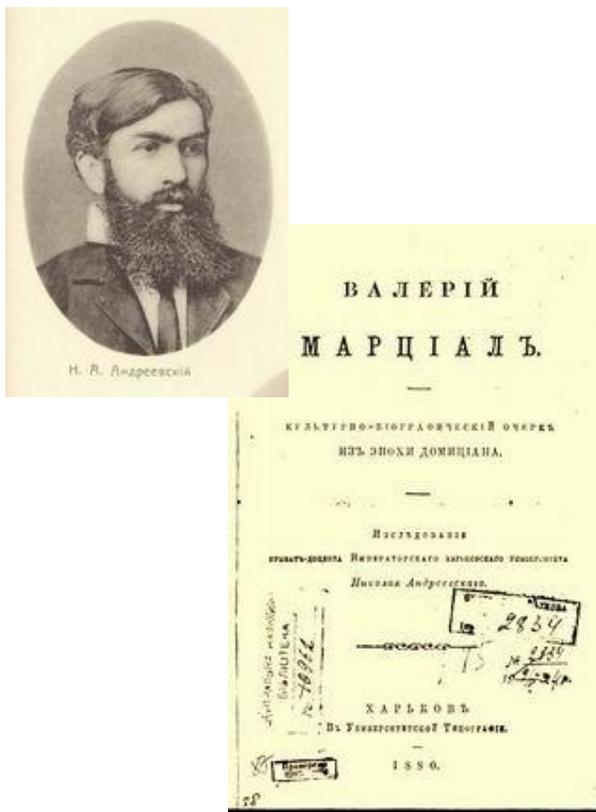
И самое главное, в-третьих. Брат собирался сказать что-то важное, но мысли его разбежались, он, видимо, устал. Вдобавок ещё некстати замыкал мой мобильник – вызывали в клинику. Этот звонок окончательно расстроил брата, и он только сухо добавил: «—С той античной цивилизацией всё было совсем не так, как мы привыкли считать. Очень мало радости. Я сейчас как раз думаю об этом. Такое нужно переварить и осознать – такое большое разочарование. То, о чём ты меня спросил...» – и он помедлил. У него двигались брови, и глаза смотрели то в страницы книги, в ровные колонки стихов, то на потолок.

«—Ты понимаешь, общество, которое описывал Марциал – это концлагерь. И секс, который он описывал – это секс в концлагере. Весело, как ты думаешь?».

Он глядел на пачку сигарет, и было видно, что у него и так уже во рту отвратительный вкус от выкуренного. Я попрощался и вышел.

.....

Я шёл по улице, разглядывая колонны. Внезапно мне открылось, как много в нашем городе колонн с капителями в коринфском стиле. Что значат слова брата? Что за трагедия разыгралась в нашем городе сто пятьдесят пять лет назад? Неужели моего брата поразила та же тоска, из-за которой ушёл из жизни в возрасте двадцати восьми лет обаятельный черноглазый доцент-латинист, любимец гимназистов и курсисток, автор уникальной по смелости диссертации о Марциале. Что произошло тогда, в 1880 году, в канун защиты магистерской диссертации?

Глава 5

Итальянец Штерчи без зазрения совести опубликовал в Интернете свою библиотечную находку

Валерій Марціаль Культурно-біографіческій очеркъ

Приват-доцент Николай Андреевский⁹

Циничный элемент в эпиграммах Марциала рассматривался довольно подробно в русской учёной литературе и ранее, именно, Н. А. Андреевским в диссертации «Валерій Марціаль. Культурно-біографіческій очеркъ. Харьковъ, 1880»

А. Малеин «Марциал» М., 1900

из главы «Вступление» (с.1–2)

Одна из причин невнимания учёных к Марциалу заключается также в циническом характере весьма многих из его эпиграмм. Между тем эпиграммы Марциала служат необходимым дополнением к сатирам Ювенала для характеристики демо-

* В университетской типографии. Харьковъ. 1880
Дозволено цензурою. Москва. 14 декабря 1880.

рализованного Рима первого века по Р.Х.; они представляют самый обильный материал для всестороннего знакомства с эпохой Домициана: нравы, времяпрепровождение, литературные партии и кружки, публичные чтения, порочные забавы, кутежи, одним словом – вся кипучая жизнь семихолмного Рима второй половины первого века нашей эры всецело отразилась в сборнике эпиграмм Марциала. Содержание этих эпиграмм разнообразно до бесконечности; они представляли для поэта удобную форму, в которой он мог включить и пикантный анекдот и остроумную сентенцию, портрет, характеристику, дружеское послание, обличение и проч.

.....

(с.4) Знакомясь с Марциалом непосредственно на основании его произведений, мы принуждены будем очень часто давать русский перифраз его эпиграмм, не считая себя вправе назвать это переводом, который представляет непреодолимые трудности; таким образом мы, повторяем, ограничимся точной передачей содержания приводимых эпиграмм.

.....

Глава Вторая

Отношения Марциала к Домициану. Заслуживает ли безусловного осуждения его лесть? Вопрос о циническом элементе в эпиграммах Марциала. Низар и Лессинг усердные защитники Марциала. Разбор их аргументов. (с.43-61)

....

(из Главы Второй, начиная со стр. 53)

...**Е**щё более трудно представляется задача оправдать Марциала от обвинений многих исследователей в цинизме и изображении таких сцен, которые в авторе предполагают совершенное отсутствие стыдливости и крайне испорченное воображение. Сам Марциал сознаётся, что его эпиграммы не годятся как

предмет для чтения людям скромным и стыдливым. В 69 эпиграмме III книги в обращении к некоему эпиграмматисту он говорит следующее. «Все эпиграммы, которые ты пишешь, отличаются целомудренностью выражений, и в твоих стихотворениях нет ничего неприличного, я восторгаюсь и с похвалой утверждаю, что нет ничего святее тебя (одного): у меня же ни одна страница не свободна от вольных выражений. Пусть же мои стишки читают беспутные молодые люди и ветреные девушки, да пожалуй и постарше (именно те узники) из тех, которых мучат любовницы. А твои высоконравственные и безукоризненные стихи должны читать (благовоспитанные) молодые люди и девицы». О том же в 16-й эпиграмме XI книги: «Слишком степенный читатель, можешь отсюда удалиться, куда угодно: писали мы это для городской тоги. Мои ведь стихи преисполнены вольностей и гремят тартессидскими литаврами... И ты, нежная дева, хотя бы была уроженкой Патавии, читай глупости и шутки нашей книжки. Лукреция покраснела и отложила в сторону мою книжку, но только в присутствии Брута; уйди Брут – и прочтёт».

Конечно, прежде чем осуждать Марциала за эту страсть к изображению цинических сцен, можно привести некоторые соображения, значительно смягчающие его вину и скорее бросающие тень на деморализованное общество, современное поэту. Во-первых, склонность к неприличному лежала в основании римского характера и от него привилась ко всем теперешним романским народам тем более, что чувственность присуща южному человеку. Далее, если новейшие критики порицают Марциала за то, что он относился без негодования к циническому разврату своих современников, то они упускают из виду, что одно из условий шуточной поэзии (*nugarum*) – устранять всё серьёзное, приличное и не сдерживать себя, так сказать, моральною уздой.

Низар, всегда готовый представлять поэта в наилучшем свете, и тот вынес весьма неприятное впечатление после чтения неприличных эпиграмм Марциала. «Однообразие, говорит он, которое вызвало во мне чтение их, однообра-

зие цинического языка и тошнота, вызываемая этим хладнокровным развратом, возмутительны; эта привычка ради красного словца говорить сальности и этот цинизм тонкого и остроумного наблюдателя, находящего особенное удовольствие отмечать всё, что делается в четырёх стенах в развращённом и тлетворном кружке, невольно отталкивают, а прибавьте ещё глубокое отвращение, которое вам внушает эта мораль, забрасывающая себя большею грязью, нежели те пороки, о которых она трактует». Затем Низар, отказываясь отстаивать Марциала за цинизм многих его эпиграмм, старается только уяснить возможность появления стихотворений подобного характера в эпоху Домициана и, разбирая поэта с современной ему точки зрения, – облегчить бремя его нравственной ответственности пред потомством. Во-первых, мы не в праве, думает он, назвать Марциала безусловно неприличным. Во многих местах эпиграмм он, действительно, с честною откровенностью говорит о своём уважении к приличиям и свободу слога оправдывает чистотой своих побуждений и своей нравственностью. Мы приводим целиком эту замечательную эпиграмму, из которой Лессинг и Низар приводят только одну строчку: «*vita nobis proba? pagina lasciva!*». Если ты, кесарь, случайно увидишь наши стихи, отложи серьёзность повелителя вселенной. Ведь даже ваши триумфы допускают шутки, и полководцу не совестно быть предметом шуток. Читай их в том же настроении, в каком смотришь на Тимелу и на шута Латина, цензура может разрешить невинные шутки: стихи мои вольного содержания, а жизнь честна (и умеренна)». При этом следует заметить, что в своих эпиграммах Марциал не всегда трактует только о смешном и непристойном, иногда он говорит о предметах возвышенных, серьёзных и трогательных; в таких случаях он умеет быть и серьёзным и исполненным достоинства и даже торжественным. Такова, например, эпиграмма на смерть Порции (42 эп. I кн.). «Когда Порция услышала об участии супруга Брута и в горе разыскивала отнятое у неё оружие, разве вы ещё не знаете, говорит, что в смерти нельзя отказывать? – я была

убеждена, что отец достаточно вам это доказал. Сказала и жадными устами проглотила раскалённые уголья; ну-ка, несносная толпа, отказывай теперь в железе». Прекрасно, хотя не вполне согласно с исторической истиной. Поэт предоставляет Порции выразить словами то, что она делала (но не говорила). У Плутарха это рассказано таким образом, что Порция, проглотив раскалённые уголья, крепко закрыла рот и задержкой дыхания причинила себе смерть. Но поэт, рассказывая пример трогательной супружеской любви и героизма в женщине, имел в виду эти речи, вложенными в уста Порции, произвести потрясающее впечатление на читателей. Кроме того приведенная эпиграмма важна в том отношении, что доказывает присутствие в Марциале гражданского мужества – в разгар деспотизма кесарей он отважился восхвалять героиню республиканского Рима.

Но что же побуждало Марциала так охотно и часто прибегать к неприличным сюжетам? – очевидно, что в этом случае он руководствовался не собственным вкусом, а вкусом читающей публики. В 35 эпиграмме первой книги он высказывает следующую мысль своему приятелю Корнелию: «Ты жалуешься, Корнелий, что я пишу слишком распущенные стихи и не такие, которые стал бы читать наставник в школе; но существует следующий закон для шуточных стихотворений: они не могут нравиться, если они не чувственны. Поэтому, отложивши суровость (снизойди на нашу просьбу), пожалуйста, отнесись снисходительно к шуткам и забавам моих стихотворений». Во всяком случае мы можем смело утверждать вместе с Низаром, что Марциал по уровню нравственного развития был сын своего времени, и если не возвышался над своими современниками, то отнюдь не стоял ниже их. Иначе чем объяснить, что он был один из наиболее читаемых поэтов; из чего прямо следует, что те скабрёзные выражения, которые мы в таком изобилии находим в эпиграммах Марциала, нисколько не оскорбляли слуха современников, и в этом отношении Рим эпохи Домициана представлял весьма грустное зрелище: можно ли верить, в

самом деле, в существование приличий в таком городе, каким был в то время Рим. Но и при тогдашнем состоянии общества трудно допустить и поверить, чтобы эпиграммы Марциала читались наперерыв всеми, если бы он казался обществу, по крайней мере в лице лучших его представителей того времени, настолько скабрёзным.

В виду подобных соображений, Низар приходит к заключению, что, если не считать какой-нибудь полдюжины резких выражений, безусловно неуместных ни в каком обществе, большая часть эпиграмм, воспроизводящих пороки того времени, нисколько не поражали цинизмом читателей того времени. То, что нам представляется сальностью, с точки зрения того времени было ни более, ни менее как шутка, так как в том обществе, где разврат есть явление обыкновенное, скабрёзности суть не что иное, как картины нравов. Таким образом оправдывать в этом случае Марциала, по мнению Низара, значит обвинять современное ему общество. В интересах Марциала было привлечь заманчивым содержанием возможно большее число читателей, а этого он ни чем иным не мог достигнуть, как передачей городских скандалов, касающихся по преимуществу лиц высшего круга, или, другими словами, вести своего рода «*chronique scandaleuse*». Таким образом он передаёт слухи и известия о развратнейших мужчинах и женщинах своего времени, и их наиболее пикантные похождения: это были живые типы, выхваченные из действительной жизни. Марциал тщательно собрал возможно большее количество подобных сплетен, сообразуясь со вкусом своих деморализованных современников, затем сам придумывал скандальные похождения в духе своего времени и нередко выставлял самого себя героем небывалых эротических пождений. Не церемонясь выставлять эти пороки во всей их наготу, Марциал, впрочем, иногда принимает на себя роль цензора, обнаруживая иногда даже негодование, достойное сатирика; жаль только, что это негодование настолько слабо, что в большинстве случаев переходит в шутку и индифферентизм, так что в конце концов оказывается у него слишком много терпимости

для сатирика. Пожалуй, можно прийти к заключению, что он почти признателен чудовищным порокам своего времени, так – как они дали ему возможность написать столько пикантных и скабрёзных эпиграмм, доставивших истинное удовольствие его читателям. Низар вполне согласен с тем, что мы теперь вправе возмущаться подобным индифферентизмом; но при этом должны брать во внимание, что римские нравы эпохи Марциала достигли такой степени испорченности, что колоссальные пороки, давшие бытие желчной сатире Ювенала, были присущи почти всем римлянам и, как все заурядное и смешное, представляли самый пригодный материал для эпиграммы. В виду этого, продолжает Низар, мы от Марциала могли бы только требовать, чтобы он, живя в обществе глубоко погрязшем в разврате, не относился сочувственно к этому разврату; смех же его доказывает, что он относился сатирически к подобному состоянию общества. Такой способ заключать, по нашему мнению, напоминает софизм. Мы же позволяем себе думать, что такое легкое отношение к порокам деморализованного общества непростительно в писателе, так как он должен быть руководителем общества и проводником лучшего порядка вещей. Ювенал жил в одно время с Марциалом, а между тем не мирился с нравственным разложением современного ему общества; негодование и горечь, которым пропитаны его сатиры, составляют лучшую его рекомендацию как человека. Весёлое же и снисходительное отношение к чудовищному разврату этого времени и ряд крайне скабрёзных картин кладут неизгладимое клеймо нравственного расслабления на Марциала: видеть подобные пороки и иметь дух шутить по поводу их, значит, самому не быть чуждым этих пороков. Таково наше мнение. Правда, эти же самые эпиграммы (скабрёзного содержания) в культурном отношении представляют много интересного материала для знающего с утончённым развратом домициановской эпохи; но они, повторяем, компрометируют их автора.

Остаётся ещё решить вопрос, действительно ли Марциал был героем многих скабрёзных эпиграмм, так как он

говорит в них в первом лице, или же здесь нужно разуть лицо, вымышленное самим поэтом? Искусным защитником Марциала в вопросе, столь щекотливом для его репутации, является *Лессинг*. По его мнению, ложно то положение, что всё, что говорит эпитаграмматист в первом лице, относится к его собственной личности. Сжатость и законченность, составляющие необходимые условия эпитаграммы, побуждают его нередко говорить в первом лице в тех случаях, где он является вовсе не участвовавшим лицом, а только лишь заинтересованным. Лучшее подтверждение этого представляет пятая эпитаграмма первой книги:

«Do tibi naumachiam? tu das epigrammata nobis.

Vis, puto, cum libro, Marce, natare tuo».

Кто же здесь первое лицо? Поэт? Нисколько. Поэт скорее тот, с которым первое лицо разговаривает. Здесь Марциал вводит говорящим Домициана, не делая на это ни малейшего намёка ни в самом стихотворении, ни в его заглавии. И как он поступил в приведенной эпитаграмме, так точно он мог поступить во многих – других случаях. Почему в самом деле, задаётся вопросом *Лессинг*, нельзя допустить, что во многих эпитаграммах лицо говорящее есть не Марциал, а его друг или знакомый? Затем *Лессинг* вполне основательно утверждает, что Марциал не всегда сам избирал сюжеты для своих эпитаграмм и нередко просил других давать ему темы для эпитаграмм: в одной эпитаграмме он жалуется на некоего Цецилиана за то, что тот предлагал ему темы, совершенно не соответствующие характеру и духу эпитаграммы. "«требуя живых эпитаграмм, предлагаешь мёртвые темы. Что из этого может выйти, Цецилиан? Ты хочешь гиблейского или гиметского мёду, а предлагаешь кекропидской пчеле корсиканскую траву». Не понятно ли после этого, что если подобный Цецилиан просил эпитаграммы на ту или другую тему, не должен ли был поэт писать совершенно в его духе? Мало этого, – говорить от его лица, т. е. стать на место того, для которого писал эпитаграммы. Принимая во внимание эти доводы, мы считаем себя в праве заодно с *Лессингом* верить,

что Марциал был чужд многих из тех пороков, которые он приписывает себе, говоря в первом лице.

Из других глав

(с.107)...Совсем другое дело Марциал; он весь сказался в своих эпитаграммах: на основании его произведений мы можем вполне отчётливо представить себе симпатичной, но безалаберный и неустойчивый в нравственном отношении образ эпитаграмматиста.

(с. 113-114) Это был человек кроткий, благодушный, любивший выпить лишний стакан вина в весёлой компании, иметь хороший стол и быть в ладах по возможности со всеми...Марциал, конечно, в Риме вёл жизнь не особенно воздержную.

(с.131) ...Тита Ливия, Тацита и Саллюстия время не пощадило в такой степени, как Марциала.

Глава 6

История наших кладоискателей

Сон-полудрема Юнги в старобельском заповеднике

Мы лежим со Штерчи на пригорке. Он перевернулся со спины на живот, что-то рассматривает в траве, усаживается поудобнее и примеряется видеокamerой снимать макроплан про какие-то события в жизни населяющих весеннюю траву насекомых. Его речь обращена ко мне, но это, скорее, внутренний монолог: «Наши Помпеи в Италии, среди итальянцев, считаются глухим захолустьем. И сами жители этого городка – сонного, провинциального, – не могут понять, зачем люди приезжают из далёких стран, расхаживают по открытым из пепла узким и жалким улочкам. Эти улочки ничем не лучше, чем в какой-нибудь турецкой деревне или в "сламах"¹⁰ Бомбея. Объясните крестьянину, почему приезжие богатые люди (для него все американцы, англичане, русские – богачи) охают и ахают, глядя на вытесанные из камня зернотерки, на выструганные из дерева оси повозок, на глинобитные лежанки. Всего этого добра сколько угодно в Уганде, Турции или Афганистане. Изделия тамошних ремесленников в Алжире, Африке, Индии служат людям, затерянным в последних строках списка наиболее беднейших государств. Человек, проживающий на четверть доллара в день в предгорьях Гиндукуша или в ваших Карпатах, везёт

---

¹⁰ * – (англ.) slums

скудную вязанку-охапку дров для домашнего очага (у него нет ни микроволновой печи, ни центрального отопления) на такой же повозке, какая стоит в музее...»

«— Смотри!» – вдруг прерывает он сам себя. Его возбуждает вид чернотелок, переходящих в стадию имаго так необыкновенно рано, в апрельское полнолуние. В голове у меня кто-то произносит, голосом моего кузена: «Мне бы ваши заботы, господин Штерчи». Солнце очень ярко светит в лицо, и мне приходится закрывать лицо предплечьем; перебрасывать руку через лицо как повязку. Тупая боль напоминает мне про порез, и я меняю руку, закрываюсь от солнца правой. Голос Штерчи доносится всё глуше и глуше:

«— Так что наши помпейские крестьяне не могут понять этих обеспеченных американцев, русских или шведов, которым для достижения полной образованности – to be well-trevelled – что-то нужно увидеть в наших убогих краях...

«— В Англии, вокруг Стоунхеджа, фермеры не так бедствуют, как наши крестьяне. Но они также пожимают плечами. Их точно также удивляет и раздражает назойливое нашествие мистиков и «охотников за атмосферой». Ты понимаешь меня? Глухое, тупое захолустье, давно опротивевшее своим обитателям. А человеческая мысль – я имею в виду тех, кто читает, думает, разыскивает в Интернете – мысль всё накручивается и накручивается на эти точки, как растение-вьюнок на колышки и ниточки. Это опора...

От Капитана второго ранга, небольшое пояснение.

Я оставляю на время будущего юнгу, девятнадцатилетнего Роксолана, в старобельском заповеднике на берегу разлившейся реки Оскол – давным-давно, тогда, весной 2035 года, и возвращаюсь в сегодня. Жизнь сложилась счастливо. Могло ли быть всё иначе? Запросто. Штерчи уехал бы из нашего города тихо, в спокойный солнечный апрельский день, обдуваемый лёгким ветром – как уезжают отсюда десятки и сотни различных заез-

жих гостей, включая появляющихся раза два в год представителей от могущественных заморских правительств. Я не говорю уже о торговых делегациях и разнообразных экспертах по сотрудничеству, а также о делегациях городов-побратимов. Какая-то таинственная необходимость – то ли европейская почесуха и забота о нашем благоразвитии, то ли атлантическое злорадство, обшаривание руин павшей военной империи. Или просто перенаселенность, как в штате Юта, где юным мормонам уже негде проповедовать и они рыщут по свету, воплощая призвание служения. В нашу тихую гавань приводят их разные причины, уходят же они одинаково, улыбаясь глуповатой улыбкой, как Александр Македонский перед смертью, когда, наконец, понял, что греческая наука непоправимо ошиблась, мир неизмерим и совершенно не нуждается в греческой помощи. Свет бесконечной пустоты, разукрашенной аперiodически, как число ПИ.

Нашел бы Штерчи разыскиваемое сокровище, или нет – никто бы и не узнал. Курсовой автомат Маннхейма оставался бы лежать в крипте. Моё погружение в мир Штерчи осталось бы для меня чем-то вроде похода в зоопарк, если ты не стал потом ветеринаром; посещением скрипичного концерта, если потом изо дня в день многие годы – одна сплошная попса. Он, чужестранец, раскапывал трудолюбиво и старательно то непонятное, из чего оказался сшит подспудный, подпольный слой истории моего города. Неприятный, странно пахнущий и непонятный своим устройством, вроде внезапно разрытого жирного чернозёма наших речных пойм, где шевелятся целыми гнездами розовые кольчатые черви.

Мы всегда очень гордимся нашим чернозёмом и с детства умеем рассказать, что его можно намазывать на хлеб вместо масла и что немецкие оккупационные власти пытались вывозить его вагонами в Германию. Многим не нравится вид земляных кольчатых червей, особенно если они активно шевелятся, так сказать в трехмерном и цветном изображении. Штерчи со своей видеокамерой и шестью читательскими билетами библиотек нашего Города, будто исследователь чернозёма, засунул свою итальянскую походную хромированную сапёрную лопатку под пригорок и поддел, разглядывая тянущиеся нити.

Продолжаю болезненно фантазировать: итальянец, в давнем апреле 2035 года, с вежливой улыбкой уже устроился, отделенный от меня толстым стеклом, в кресле междугороднего экспресса. Автобус отбывает. Двинулся мягко. Штерчи делает мне прощальный жест, и затем летят годы. Он уехал, память о нем смягчилась, чувство утраченного постепенно ослабло. Слова, услышанные от него, остались бы непонятными, постепенно истирались из моей памяти, вытеснились бы процентными ставками и тонкостями составления таможенной декларации на оптовую партию свежемороженой рыбы.

Я расковыриваю дальше это ужасное фантастическое предположение, будто еще десятилетия могли протекать в несъедобном сиропе, обтекавшем со всех сторон нас, обитателей придонного слоя Великих Меотийских Болот. Прозрачный и непригодный для жизни смолистый сок здешней земли, из которого образовывается янтарь, и какой-нибудь любознательный коллекционер, по прошествии миллиона лет рассматривает тебя, окаменевшую комашку, пересчитывает лапки и через лупу еще раз, для точности измеряет изгиб хвоста. Он и так, без всякого определителя знает: КУЛЕКС*¹¹! Мой мозг и его эндокринные придатки, мысли и чувства, забальзамированные на виртуальном кладбище Интернета в скудных мегабайтах Obituary, и эта душераздирающая сцена воображаемого отъезда Штерчи от здания Харьковского автовокзала – таким вот образом я переламываю в себе несуразную, затаённую обиду на странные причуды двух весёлых стариков, моих дурашливых родственников, которые фигурируют в дальнейшем повествовании под именами Полковника и Доктора. Это же надо, как крепко во мне засели впитанные с раннего детства рефлекссы *филистера*.

.....

Полковник и Доктор уже несколько лет искали у себя во дворе клад, сокровище. Постараюсь описать всё спокойно, без злорадного комментирования. (Этого, конечно, вполне достаточно я мог наслушаться у нас на кухне. Про "этих двух старых дураков", про "деньги, которые выбрасывают-

ся на ветер, когда вполне можно было бы помочь родственникам" и про то что "некоторые очень подозрительно не женятся в свои пятьдесят лет, когда под боком такие вот ..." И далее следует описание всех достоинств четырех наших двоюродных и троюродных родственниц различной степени матримониальной зрелости).

Итак, Доктор и Полковник уже года три искали у себя во дворе клад, сокровище. Во дворе – это имеется в виду, сокровище помещалось где-то под тем старым двухэтажным домом, который перегораживал собой выходы с задов двора на заднюю улицу (ещё он называется "вторая линия"). Собственно, не "где-то", а достаточно точно, под каким именно из двух крыльев разлапистого крепкого дома, построенного лет двести тому назад на четыре семьи. Полковник знал достаточно точно, для этого он ежедневно осматривал Дом из окна своего кабинета.

Дядя (сделаю маленькое признание. Полковник придется мне дядей по материнской линии, и до отставки его звание – генерал-лейтенант) регулярно осматривал дом в бинокль, и уточнял свои расчеты измерениями на поэтажном плане. Такие документы нелегко раздобыть, но дядя умеет быть обаятельным. Я подозреваю, что дрогнуло какое-то женское сердце в Бюро Технической Инвентаризации.

.....

Я давно заметил это здание. В старину, лет пятьдесят назад, в нашем городе, покинутом оккупационным корпусом, кто-то долго и умело держал оборону. Всего лишь одного здания. Зачем? Старинная, позапрошлого столетия, красно-кирпичная кладка высшей квалификации запечатлела на себе протокол многочасового боя: бестолково разбросанные пулевые выбоины сгущались вокруг одного из окон первого этажа. Разведывательные группы наступавших с севера несколько раз прорывались в проходной двор, и каждый раз их неуклонно встречал точный огонь спокойного, расчётливого стрелка. Казалось, ему не причиняют никакого вреда ни осколки гранат, ни веерные ав-

¹¹ лат. *Culex*, комар, разновидность рода *Culicidae*. Возможно, намёк на одноименную юношескую поэму Горация.

томатные очереди отчаянно орущих перед смертью солдат.

Каждый раз, срезая дорогу через этот проходной двор, я машинально оглядывался. Вот оттуда, через единственный узкий проход, они выскакивали на безнадежно-гладкий асфальтированный двор. Одного за другим, гнали их на смерть честолюбивый командир разведки.

Пожалуй, это все (пока оставлю в стороне легенду о подвальных ходах) и перейду к описанию замечательного метода поисков. Вы полностью ошибетесь, если представите двух наших почтенных джентельменов с традиционными орудиями кладоискателей. У них нет ни металлоискателя, ни кирки, ни лопаты. У них другой метод. На полированном столике для шахмат появляется поднос с кофе, коньяк, сладости и сигары. Два гнутых деревянных кресла устанавливаются возле столика так, чтобы было удобно сидеть распрямившись, когда произносится созревшее соображение, или же, наоборот, сползти в глубину кресла и вытянуться всем телом расслаблено, почти лежа в изнеможении, когда соображение уже высказано, обмен репликами завершен, и наступает пауза. Одним словом, кресла стояли к столику боком, и в наступившей паузе рука легко находит, не глядя, самое нужное.

.....

Штерчи заканчивает съёмку. Чернотелки, должно быть, выплодились и нам пора собираться.

«— Каждый дошедший из древности обломок вазы, каждое украшение, фрагмент фрески — будут многократно сфотографированы, перепечатаны, перифотографированы с фотографий. Некоторых уже нет. Их украли. Или же разрушили во время войны. Кстати, о наших Помпеях — мало кто знает, что в 1945 году американцы многократно бомбили зону раскопок. Значительная часть сооружений, которые осматривают сейчас туристы, это уже воссозданные по фотографиям копии руин».

Видишь, как смело на бой устремляются кроткие ланни?

Видишь ли ты, какова ярость у робких зверей?

На смерть жаждут они сшибиться слабыми лбами.

Ланей ты хочешь сбересть, Цезарь? Собак натрави.

Марциал, кн.4, эп.74

Перевод
Ф.Петровского

ASPICIS:INBELLES:TEMPTENT:
QVAM: FORTIA:DAMMAE

PROELIA:TAM:TIMIDIS:QVANTA
SIT: IRA:FERIS

IN:MORTEM:PARVIS:CONCUR-
RERE:FRONTIBVS:ARDENT

VIS: CAESAR: DAMMIS: PARCERE
MITTE:CANES

MVM IV:74

Глава 7

КАЗА-дей-МОРАЛИСТИ (Дом Моралиста)

«– Каза-дей-моралисти, Дом Моралиста, – сказал Штерчи, разглядывая развешенные по стенам холла душеспасительные цитаты из художника А. Шеховцова. Мы только что вошли, вечереет, ноги гудят от усталости.

.....

Иммор-Тэм

Парвис конкур-Рэре Фрон

тибус-Ардепт

Вищць Чаззарь Даммис пар-чере

Мит. Тэка-Нэс

Получилось? Или, может быть, лучше вот так:

Вищць-Чаззарь Даммис?

Пар-чере

Мит-чэка Нэс!

Я несколько раз пытался записать в кириллице, как произносил Штерчи эти гортанные, щёлкающие и отрывистые *дистиха*, два стиха – завершение Марциаловых «Козочек». Напряжённые жилы на шее чтеца, то, как его руки свободно свисали вниз от ключиц над глубоко – вдруг – задышавшей грудью; постановка стоп, как у борца перед схваткой... Всё это было знакомое, недавнее, из какого-то фильма про средневековую Японию, чередование долгих и коротких слогов командирской речи самурая – вверх-вниз вдоль квинтового звукоряда общепланетной речи военных приказов: «наЛЕЕ-Бу!».

Штерчи, я так думаю, совершенно свободно мог бы прочитать марциаловых «Козочек» не в оригинале, латынью, а, скажем, на немецком или китайском языке. Роковое и злорадное *mitte canes*, «спускай свору» – после которого высвободившиеся псы, разбрызгивая слюну, полетят расшвыривать козлиное побоище – ведомые инстинктом, ненавистью, застоявшейся силой своих мускулов – звучит необратимо. *Mittékanés* досталось Штерчи по наследству вместе с долговой дощечкой и традицией чтеца. Это его плоть и кровь, в той же степени, как у бойцовой собаки – неукротимая ненависть, у гончей – звонкий голос, у борзой – догонистость и поимистость.

Наверняка, интонация и вся его фигура произвели основное впечатление. Мог ли в полумраке холла деревенский наглец-вымогатель разглядеть в руке Штерчи газовый пистолетик, из которого биологи и ветеринары метят пулькой-микрочипом с расстояния в несколько метров непослушных или опасных животных? Сомневаюсь. Даже такой момент. Спросите меня, когда появилось в руке у итальянца это безопасное для жизни приспособление? – Я смогу ответить только одно, Штерчи выстрелил уже уходящему, нет, не в спину, а в ягодицу. Любой хирург объяснит вам – это не только совершенно безопасно (в этой части тела нет жизненно важных органов или сосудов), но и очень практично. Маленькую электронную занозу почти невозможно найти в массиве мышечной ткани. Оставим в стороне вопрос о том, захочет ли какой-нибудь деревенский врач рисковать своей жизнью, раскапывая в ягодице непутевого земляка метку Красного Марсия.

.....

«—Ты знаешь, – сказал мне итальянец, и его дыхание было совершенно ровным – именно это четверостишие должен был выписать твой предок Роксолан из четвертой книги Мартья-Лисс. Здесь вся идея монархии, её апология

и её парадигма. Это не пошлое *divide-and-rule*¹², это те самые *holds-and-balances*, которые вам преподносят последние пятьдесят лет наши политологи». Произшедшее его совершенно не взволновало.

“—Утром быть готовыми к восемь-ноль-ноль. Завтрак в семь-пятнадцать” – сказал, повернулся и пошел наверх, как ни в чем не бывало.

Откровенно говоря, я ничего тогда не понял из его слов, запомнил только на многие годы, наперёд, впрок. В ту минуту, поздней ночью в сельском постоялом дворе, я весь дрожал от пережитого страха и возбуждения. Издали донёсся из монастыря полуночный колокол. Я тупо глядел в сторону, откуда шел звук. Далеко не сразу я сообразил, что гляжу не в окно, не в чёрное зеркало ночи. Там отражается лишь светящаяся стойка бара. Рядом с окном, на северо-восточной стене, висят одно под другим написанные маслом полотна – виды на монастырь и меловую гору именно отсюда, из Татьяновки, с правого берега. Написанные в разную погоду, в разное время года, пейзажи Александра Шеховцова собраны хозяином за многие годы, некоторые выкуплены уже втридорога, когда Святые горы вошли в моду. Хотя, если верить хозяину, его постоянный двор, а тогда – ещё небольшой пансион – и был тем местом, откуда знаменитый слобожанский пейзажист открыл никем ранее не виданный ракурс с правого берега. А ведь до него писали здесь свои этюды и Васильковский, и Репин, и Кокель. Впрочем, это местная легенда.

Хозяин дрожащей рукой крестится:

“—Господи, на всё твоя воля. Господи, страсти-то какие...” Из-за стойки мне видна только его лысая вспотевшая голова на фоне подсвеченной бутылочной пирамиды; он вытирается носовым платком и выставляет на стойку

¹² – трудно понять, почему итальянец произносит известную формулу римской политики *divide et impera*, «разделяй и властвуй», не по-латыни, а по-английски.

два стакана и хрустальный бутыль особой, вычурной формы.

—За мой счёт, – говорит он. – Я своей старухе скажу: такое не каждый день случается, чтобы кто-то наших дураков-ветеранов выпер. Пусть она не жметса. Я ей скажу: “нужно было выпить с хорошим парнем, который при этом иностранном чёрте состоит”. За мой счёт, я угощаю. И, знаешь ли, давай-ка мы с тобою выпьем по-русски, по-простому. Замучили меня москвичи приезжие, то им текилы, то им со льдом, то кубаниту делай, то мартини”.

Собственно говоря, можно ли назвать всё произошедшее схваткой? Рэкет в курортной деревне, неиссякающие традиции. Распахнутая пинком ноги дверь, отброшенный стул: так входят за данью крутые парни, насмотревшиеся кинофильмов о прелестях брутального поведения. Обиженные жизнью провинциальные придурки.

—Ты. Быстро давай сюда твоего учёного фраера. Поговорим. О поэзии, о ботанике, ха-ха”.

Громила больно выкручивает мне запястье. – Это изображается дружеское прикосновение к руке, и в опущенной между столиком и стеной руке клацает, то раскрываясь, то складываясь, нож-наваха, старательное чудо, изготовленное в ближайшей тюрьме отбывающим срок родственником.

.....

Мы пьём с хозяином постоянного двора, таверны, готель-бара, уже по второй, полной. Приобретенный мной медицинский опыт, как пить неразведенный спирт, очень помогает с этим шотландским виски, и в голове у меня опять и опять прокручивается событие. Хозяин льстит мне, угодливо наливает, повторяет опять и опять, что драгоценный скотч – за счёт заведения, что для него большая честь выпивать с таким замечательным и смелым парнем, как я, и как он мне сочувствует, что приходится зарабатывать на кусок хлеба при этом дьявольском иностранце, который даже на иконы не крестится. Я всё твёрже убеждаюсь, что

именно хозяин гостиницы навёл на нас местных вымогателей. Мысли путаются: впрочем, ведь Штерчи и вправду откуда-то знаком с этим, в пустынном камуфляже?

Примечание Капитана к записям Юнги

Я читаю и перечитываю сделанные мной тогда, тридцать лет назад, записи: всё не по порядку, всё перепутано, Мне теперь кажется, мало пользы от этого импрессионизма и постмодернизма, если невозможно установить при чтении простую последовательность событий. Дело же было очень просто.

Двадцать первого апреля, в субботу – был канун апрельского полнолуния – двое путешественников, наш Юнга и Штерчи-антрополог, вечерничали в пансионе «Привал художников». Оба порядком надоели друг другу за день выхаживания по холмам и урочищам заповедника. Наш юный соотечественник сидел в пустом холле, размышляя... да мало ли над чем. До начала курортного сезона оставалось еще три недели. Итальянец в своём номере наверху сортирует собранный за день материал, вписывает часы и минуты в путевой дневник, легенды к видеосюжетам, расставляет и нумерует на карте метки мест и ракурсы съёмки. По своей ленивой привычке наш юный положительный герой ускользнул от участия в этом скучном занятии – впрочем, итальянец и не настаивал. И так, юноша, как было сказано, сидел за остатками ужина в холле. Он то поглядывает в мерцающие за стойкой бара на экране телевизора фантастические сцены очередной «Лотереи счастья», перемежаемой рекламой. То пытается читать на стенах тускло освещённые цитаты, описывающие священный восторг художника Шеховцова, охватывавший его при виде Святогорского монастыря. В холле не было никого, кроме владельца бара, и он, как положено, был занят за стойкой перетиранием стаканов. Дверь внезапно раскрылась, вошли трое аборигенов. Один из них, постарше, лет двадцати пяти, одетый в камуфляж, уселся за столик нашего Роксолана и опустил локти на тарелку.

«— Когда мы подойдём к двери номера, – хрипло вещает полоумный ветеран-миротворец, голубь мира, и наваливается животом на столик, придвигая своё небритое лицо всё ближе к уклоняющемуся назад Юнге, – ты просто скажешь: Господин Штерчи, к вам пришли старые друзья поговорить». Лево́й рукой привычным приёмом он заворачивает руку юноши *на удержание*. В его болтающейся под столом правой руке, напоказ одному Юнге, щёлк-щёлк, выскакивает и прячется любовно отполированное стальное жало. Свою заранее приготовленную речь верзила завершает почти ласково: «— Тебе же совершенно незачем лезть в эти дела, городской птенчик. Береги свою шкуру и не делай глупостей».

Юнга с вцепившимся мёртвой хваткой аборигеном ковыляют по ступенькам. Через дверь из холла на лестницу, затем по скрипящим деревянным доскам наружной галереи-веранды. В его голове мелькали самые беспорядочные мысли: «откуда абориген знает имя приезжего? Где они могли познакомиться?». (Старинный воровской трюк «мы давно знакомы» всё ещё действует на таких простаков, как наш Юнга). Входит ли в его, Роксолана, обязанности по контракту защита иностранца от вооружённого нападения? Последние скрипучие ступеньки, три шага по истертому ковру в коридоре, ничего умного Юнге не пришло в голову, и он, как требовал ужасный ночной посетитель, постучал в дверь номера и произнес фразу «Господин Штерчи, к вам старые друзья...», после чего был отшвырнут в сторону, камуфляжная спина уже лезла в приоткрывшуюся дверь, заклинив щель тяжёлым солдатским ботинком. От наблюдения за дальнейшими событиями в номере Штерчи Юнгу отвлекает грубый рывок – один из бритоголовых юнцов, оказывается, поднимался следом, и теперь, выполняя намеченный главарем план, пытается тащить «фазана» вниз, в холл, прочь от двери. Такого нельзя спускать, внутри холодеет.

Юнга продолжает описывать события, как позволяют литературные возможности:

Внутри стало холодно, и я, ни о чём не думая, по заученному в третьем классе средней школы, резким рывком обвалился вниз, отверчивая предплечья из захвата; присев и согнувшись, прикрывая пальцами шею и лицо, ударил ботинком изо всех сил навстречу его футбольному маху – противник метил мне в пах ногой. Вначале я подумал, что выражение удивления на бледно-испитом лице подростка – это чисто физиологическое последствие быстро разливающейся поднадкостничной гематомы. «– Нет, не так» – решил я.

Вопреки всем правилам драки не удерживаюсь, поворачиваю голову вслед его застывшему взгляду. Герой-миротворец, ветеран зачисток и поклонник американской toughness мелкими шагами, пятясь, выходит из номера Штерчи, какой-то весь неестественно вытянутый, как будто он вот-вот поднимется на цыпочки, чтобы стать ещё выше и двигаться ещё тише. Покачивая головой, итальянец Штерчи, почти лицом к лицу следует за героем; какое-то неуловимое резкое движение, волна, взрыв, пробегают по телу Штерчи (думаю, это уже во второй или в третий раз он бьёт нашего героя под ложечку), и Штерчи ласково берёт пришельца за лицо, впивается своими длинными пальцами не то в ноздри, не то вглубь рта, и наклоняет голову того куда-то на уровень своих колен, медленно ведёт по коридору к нам, на тускло освещённый пятачок, с которого начинается веранда-лестница вниз. Сквозь нечленораздельное мычание посетителя, Штерчи своим резким и высоким голосом, нараспев произносит:

«— Как заяц дрожит, убоюсь тенет охотничьих, как лисица таится в зарослях, слышав гон псовый, как лебедь белая угонимая соколами летит к морю...»

Достигнув сравнительно светлого места (мы с бритоголовым, попятившись, отступаем в полумрак лестничного дощатого захолустья), Штерчи подносит ладонь левой руки поближе к запрокинутому лицу гостя, вытягивает и растопыривает как-то наизнанку пальцы, показывая что-то

неясное, небольшое в глубине ладонной складки, красный комок.

«—Вас трое суток будут разыскивать охотники, бегите» — завершает итальянец свой речитатив, и отпущенный на свободу Голубь Мира пятится задом, пошатываясь, находит наощупь перильца лестницы.

Наиболее странное, пожалуй, в событиях этой ночи — завершающая сцена. Уже в холле, отступив к дверям, посетители тупо ждут, пока Штерчи, картинно выставивший вперёд ногу, на возвышении мраморных ступенек лестницы, прочтет полностью четверостишие IV:74 «Dammae-Козочки». Покорно склонённые головы, затаённая злоба во взглядах, ужас и затравленность — такое впечатление они производят на меня, Если бы у них были фуражки, они бы держали их в руках. Наконец, звучит завершающее *Mittecane*s и они воспринимают это как разрешение убраться, бросаются, мешая друг другу, в двери, В этот-то момент Штерчи и выстрелил вожаку в ягодицу из своего газового пистолета. Меченый вздрогнул, но не обернулся, только ещё свирепее, чем пятнадцать минут назад, грохнули двери. Хозяин непрерывно крестится, делает в сторону Штерчи разнообразные знаки благодарности, даже слезу на глазах выдавил.

«—Благодарим вас, господин иностранец. Бедствие, бедствие какое. Что с людьми война делает, спаси нас господи. Был же этот Юрка такой мальчуган тихий, ласковый. У меня же сегодня как на грех касса несданная. Истинно господь вас нам послал, спасли вы нас со старухой, всё бы ведь окаянные забрали подчистую».

Едва только руку не лезет итальянцу целовать, скотина. Штерчи доволен: всё-таки аудитория (я, наверное, не в счёт), всё-таки подобие аплодисментов. Он поворачивается и уходит со сцены, и я слышу, как он что-то говорит в мобайл-фон, медленно поднимаясь по скрипучим ступеням веранды-галереи.

Именно в этот момент, после изгнания вымогателей, так и непонятных в их связи с прошлым итальянца Штерчи,

после горделивого и торжественного удаления со сцены самого главного актёра, прозвучал в ночи полуночный звон монастырского колокола, началась моя пьянка с неискренним хозяином готель-бара «Привал художников». Я быстро понял, что передо мной законченный алкоголик, человек, полностью погружённый в собственные страдания, замкнутый в них. После второй он перестал ходить туда-сюда между стойкой и моим столиком, с бутылкой и стаканами, уже без сервированных закусок, уселся рядом. Следующая фаза тоже не заставила себя ожидать, его перестало интересовать, выпиваю ли я каждый раз до дна. Мы расставили на столе банки с консервами, принесенные мной из номера. Две бутылки водки, запасенные мной в дорогу, тоже пригодились.

Он с удовольствием опрокидывал свой стакан, прикоснувшись стеклом к моему — большего от меня не требовалось — обводил рукой, показывая на стены: «Нравится? То-то. Всё собственными руками, собственными руками!» Таинственно постукивал пальцем по своему протезу и показывал пальцем на губах «молчание, тайна». Я был уже порядком пьян, и эта сцена, похоже, повторялась и повторялась, как надоевшая реклама в телевизоре. Ему очень жаль себя, жаль своей утраченной ноги. И всё же он, опытный алкоголик, постоянно подсчитывающий выпитое нами двоими, боится рассказать мне то, что ему хочется или рассказать или забыть — и нельзя ни то, ни другое.

.....

Для меня многое из непонятого прояснилось на следующее утро. После выпитого — честно сказать, не знаю, как добрался до постели — я проснулся рано, на рассвете, с чувством сильного беспокойства. Оно было какое-то внутреннее, вроде зуда, совсем не связанное с ночным происшествием. Клубок связей, интриг и тайн вокруг «моего туриста Штерчи» тоже был безразличен — это должно разрешиться без меня. В яркое весеннее утро загадки брата и сгущавшаяся вокруг него тревога тоже сейчас были далеко. Нет, это что-то чисто физиологическое, это

действие сивушных масел. Сердце бьётся часто и неровно, мне хочется куда-нибудь бежать, одновременно жарко и холодно, чешется кожа. Я начинаю тереть уши, вылезая из-под армейского одеяла и оглядываю приютившую меня палату. К счастью, я один, три пустые койки даже не застелены. Начинаю растираться мокрым полотенцем, отжиматься от пола, массировать затылок – весь испытанный арсенал утреннего проспиртованного пробуждения.

Завтрак в семь-пятнадцать и моя обязанность – проследить. В холле пахнет яичницей. Хозяина не видно, бутылки убраны, на одном из столиков сервированы тарелки и салфетки. Моё вмешательство не требуется, но я всё же пытаюсь заговорить с милой девушкой, хозяйничающей за стойкой – без результата.

Штерчи появился к завтраку как всегда вовремя, как всегда – в оболочке своей касты. Сосредоточенный приём пищи, манипулирование ножом и вилкой. Десять минут за чашечкой кофе – на полезную беседу. Здесь ещё раз прозвучало вчерашнее четверостишие.

«—Запомни», – сказал Штерчи.

Я заметил, что девушка за стойкой смотрит на нас с ужасом и любопытством, и пошел передать просьбу: можно ли иностранцу забрать на память веточку сосны из вазочки на нашем столе.

Было время выносить сумки, семь-пятьдесят-пять. Голова всё ещё кружилась, и дрожали ноги. Не знаю, почему это похмельное ощущение помогло не удивляться. В ярком утреннем свете, в дальнем углу асфальтовой площадки, как раз задними номерами на нас, стояла блестящая черная BMW, единственный автомобиль на стоянке. С крыльца готеля, сельской таверны, я любовался знаменитым пейзажем – разливом реки, меловыми горами, золотыми куполами. Надо думать и двое в чёрном авто были увлечены тем же. Минут через пять появилось заказанное с вечера такси, я укладывал в багажник сумки.

Хозяин гостиницы, ещё далеко не трезвый, стоял у меня за спиной; Штерчи, только что расплатившийся с ним, молча сел в такси: чёрное авто сдаёт задом, описывает на площадке полукруг и медленно проплывает мимо нас. На левой задней дверце, по опущенному почти донизу стеклу, поигрывает толстыми пальцами нестарая ещё, начальственная рука. На безымянном пальце блестит золотом толстой оправы тяжёлый перстень, на камне которого вырезан какой-то красный значок. Указательный палец делает короткий жест-распоряжение, как собаке, и машина плавно удаляется в узкий проезд обсаженный старыми липами.

«—Я немного подъеду с вами, мне по дороге... нужно... тут недалеко» – бормочет хозяин гостиницы, испаряя перегар. Судя по запаху, он успел с утра добавить.

«—Защитники ваши?» – участливо произношу я вслух первую глупость, пришедшую в голову, и он тупо смотрит на меня, открывая на своей стороне дверцу такси и ныряя в низкий кузов.

«—Поехали, командир?» – спрашивает таксист у Штерчи, и тот жестом отвечает «вперёд».

«— Не дай вам боже никогда таких защитников», – бормочет хозяин, когда нас с ним прижимает плечом к плечу на повороте, едва слышно сквозь гул мотора, только для меня. Он дрожит всем телом, его правая нога буквально подпрыгивает, и я слышу слабый скрип протеза.

«— Вот-вот зацветут абрикосы, – громко говорит таксист. – Красота какая!»

Глава 8

УТЁР НОС ПОЛКОВНИКУ

Рассказывает будущий Юнга

Et tuus filius tristis volens nolens
Cum concubino nocte dormiet prima

Я описываю в этой главе события, случившиеся на ..... день пребывания Штерчи в нашем пансионе. После нашей поездки с ним на природу, в старобельскую степь, прошло два дня. Ужас одного администратора гостиницы и невероятное смирение сельских уголовников не выходили у меня из головы. Всё привычное домашнее окружение моё, как оказалось, щетинится какими-то совершенно неизвестными ранее стеклянными обломками, реальность оказывается чем-то неожиданным. С чем это сравнить? Кажется, год назад вся наша улица была оцеплена военными. Обнаружилось вдруг, что в доме по соседству полный подвал боеприпасов, их случайно нашёл бездомный, ночевавший в подвале, и начал распродавать на базаре. Мы обо всем этом узнали в подробностях много дней спустя, из газет. Сегодня, в очередной раз (ровно месяц прошел после предыдущего) мать посылает меня "воленс-ноленс" к дяде, все с тем же самым "деликатным поручением". Стоя в ванной у зеркала (недавно начал бриться) я вспоминаю ночной сон. В нем непонятным образом будущее время стиралось в порошок прошлого, и глаголы путались. Был итальянец Штерчи, но он в наш город приезжать не хочет,

отказался наотрез. Шли годы, Доктор и Полковник продолжают свои "путешествия и приключения сидя в плюшевом кресле", ничего не меняется. Доктор насобирав всяческих цитат, выписок и умозаключений ещё на одну книгу – уже не об античности, а об эпохе Возрождения, про личного врача Летучего Голландца. Возможно, даже издал её. И в этот раз издатель не смошенничал, выплатил пустячный гонорар за познавательную книжицу. Нет, это неправильный сон. Я думал об этом, покуда меня одевают в недавно перешитый костюм, повязывают ненавистный галстук, вертят во все стороны, осматривая и сдувая пылинки. Неправильный сон, повторяю я про себя, пока меня расчёсывает тётушка, несмотря на самые громкие мои выражения возмущения (о последняя, степень унижения, выслушивать её возгласы о том, какие у меня красивые волосы, слегка вьющиеся, каштановые). Сегодня даже это неважно.

Я недавно помогал рентген-технику Погановскому. Его толстые ручищи всовывают толстый кабель в стеклянную глубокую вазу рентгеновской трубки, жужжание трансформатора прерывается толчком, как будто он – трансформатор – сглотнул тяжёлое. И вот на экранчике монтажного шкафа вдруг высвечивается костистая тень руки. Сегодня я очень важен, судьба вложила мне толстый кабель в каждую руку, каждый из них именно сегодня плотно привинчен к правильному собственному полюсу заряженной батареи. Ещё вот-вот, и полыхнёт синим огнём короткое замыкание. Яркий разряд тех дней осветил мою жизнь. К сожалению, брат оказался рядом, и его сильно ударило в голову.

Ноги сами несут меня знакомым маршрутом. Я напротив каменных львов, вход в парадное, и уже за мной медленно закрывается дверь подъезда. Толстая, с гнутыми югендстиль обводами фигурного матового стекла. Я неторопливо, стараясь оттянуть время, бреду по спиральям лестницы, вокруг сеток невостребованного мной лифта. Всё выше. Неуклонно приближаясь к площадке четвертого этажа, ташу в руках эту дурацкую коробку с пирожными,

обязанную предельно глупой, пошлой, серебристо-голубой ленточкой. Видели бы вы эту коробку, гордость моей матери. Фирменная коробка для пирогов, пирожных и тортов "Пансион и кухмистерская м-м Запольских", это девичья фамилия моей матери. В довершение моих страданий воротничок новой рубахи несуразно топорщится и трёт шею. А ведь я так люблю этот дом, больше всего на свете меня радует необыкновенный запах – всегда одинаково благополучный. В жару здесь прохладно, и всегда пахнет супом – грибным, телячьим, рыбным супом со специями, барбарисом, киндзой, хмели-сунели и каперсами, который умело варили на кухне генеральских квартир старинные домработницы. Зимой тепло и тоже пахнет супом, еще нужно добавить запах портвейна и сапожного дёгтя, форменного сукна и чепрачной кожи портупей. Какая досада, отчего я не могу, как в детстве насладиться подъёмом через эти запахи и мыслью об ожидающем меня удобном кресле, не говоря уже про зелёную лампу на столе. Почему всё заслоняет мучительный разлад, невозможность располагать собой по-хозяйски, глупая роль, которую я обязан исполнять. А ведь из этого же истекает и неприятное предожидание: дядя встретит меня радушно, но в уголках глаз радушного дяди я увижу иронию, и она будет вызвана именно моей незавидной ролью в этом спектакле, который называется "родственные отношения".

И все же, о да, запах толстых кирпичных стен, круглый-год-осенний запах военных благополучных квартир, запах полного счастья и забвения. (Я вдруг вспомнил слова Штерчи: «вы уникальный народ, одна из немногих наций без чувства вины»). Невероятными мне кажутся рассказы – нет, не про то, как исчезали ночами арестованные хозяева многих квартир, без малого сто лет назад. – Это несомненный факт. – А вот непонятно и невероятно как будто бы потом, еще через пять лет, здесь помещалась тюрьма гестапо. Совсем здесь не пахнет тюрьмой, нет нисколько.

Обыски и аресты продолжались в этом доме после той давней войны, они как-то вошли в привычку, следующий

длительный перерыв воспринимался как нарушение правил. Мальчик, друг моего детства, наставлял меня (нам обоим было лет по восемь или девять), как следует вести себя при обыске политической полиции. Главное, чтобы в квартире не оказалось никаких портретов предпоследнего министра государственной безопасности. «Если найдут...» – говорил мне умный и внимательный мальчик.

Армия всегда вне политики.

Вот я уже в дядиной квартире, за мной закрылась сухая и легкая деревянная дверь. Вручив злополучную коробку, прохожу по коврам в дальнюю комнату, здесь я должен подождать. В полумраке под потолком, мигая крошечными навигационными огнями красный-белый-зелёный, едва заметно покачивается в токах воздуха трёхметровая модель дирижабля.

Мне трудно понять, почему нужно так восторгаться красотой обводов этой невесомой серебряной рыбины, говорить о каком-то непостижимом аэродинамическом совершенстве формы. Впрочем, в угоду дяде я уже выучил, что это – классика воздушного корабля полужёсткого типа. Длина сто пять метров, газоизмещение девятнадцать тысяч пятьсот кубических метров. Конструктор Умберто Нобиле, тип N1 военный, год постройки 1924. Воздушная яхта короля Италии Виктора-Эммануила III, для прогулок и совещаний в воздухе. В задней части пассажирского салона есть небольшая каюта, где король иногда спал. На книжной полке дядиного кабинета, провожая отдаваемый в воздух дирижабль, разместился целый оркестр оловянных солдатиков в итальянской морской парадной форме. Для меня этот игрушечный воздушный корабль такое же украшение, как малиновые шторы и буафорские бронзовые подсвечники. Копии маловероятного. Любимые игрушки престарелого мальчугана. Так называют дядю наши женщины. Казалось, что издали доносится дядин голос.

.....

«– Мой дорогой доктор, – проговорил Полковник торжественным тоном, – вы должны прекратить ваши ученые

изыскания. Они уже вполне достаточны, и ничего принципиально нового вашими трудами открыть не удастся. Сокровище вон там. Он резким движением показал мундштуком трубки в окно. Прищурился, твёрдой рукой поводит янтарным стволиком, очерчивая наискось-внизу видимую ему мишень. Полковник продолжал:

«– Мы с вами знаем точно. Капса лежит именно здесь, где-то на этих двухстах квадратных метрах. Глубина расположения входа в кубикул примерно двенадцать метров». Он ещё раз, подойдя к столу, похлопал рукой сложенные стопкой пухлые картонные папки. Что-то распирало его, какое-то предчувствие, догадка о необходимом действии. Привычные шуточки лезли из него, как на вечеринке однокурсников тысяча девятьсот девяностого года выпуска. Ему не терпелось, и он сказал:

«– Вполне достаточно. Великолепно. Объект четырнадцать на четырнадцать метров, глубина бетонированного укрытия двенадцать метров. Хороший пилот положил бы туда бомбу "лазер-гайдед" с высоты шесть тысяч метров – запросто».

Доктор поморщился и сказал: «– Шуточки же у вас, господин Полковник».

«– Да, конечно, я понимаю. По вашим оценкам, аукционная стоимость рукописей может составить примерно тридцать миллионов долларов... И так, наша задача – типа "Файнд-энд-Рескью". Это спецоперация. И знаете, что говорит опыт? как решаются такие задачи? Как правило, – чисто случайно. Верхним чутьём. Такое есть слово – «нюхач».

.....

Я вздрогнул, по-видимому, начал засыпать, тело едва не свалилось набок, а книга так выпала из рук. Приблизались шаги, мой дядя, господин Полковник, возник из-за портьеры. Я чувствую себя уверенно. То ли из-за пролетевшего мимо сна, едва коснувшегося мягким крылом. Или это чувство после поездки со Штерчи: из настоящей вольной степи я попал в мирок игрушечной музейной мишуры и

почувствовал ее микроскопический масштаб. Мне пришло в голову, как, наконец, я завладею дядиным вниманием, проломлю тот ледок снисходительной иронии, который раздражает меня и не даёт вновь почувствовать спокойствие, знакомое мне в этой квартире многие годы назад. Не беда, что в прошлый раз мой рассказ о поселившемся необыкновенном иностранце не вызвал у дяди никакого интереса. Но сегодня – другое дело. Сегодня у меня козырь. Я знаю слово *чарта либельйорум*.

Представьте себе, правильным оказался мой расчёт, дрогнул-таки дядя. Я приглашён в кабинет, это значит, что моя новость должна быть доложена в присутствии господина Доктора, под перекрёстным лучом внимания двоих, чтобы не повторяться потом. И чтобы в дальнейшем их обсуждении, когда мой доклад уже *пойдёт в дело*, не было упущено ни одной детали. Дядины брови шевелятся, глаза блестят живо, весёлым охотничьим блеском. Для меня принесен кофе и звучит полупросьба, полукоманда: «– Расскажи-ка нам подробнее о ваших поисках травы ЕВШАН. Как там вы с итальянцем ... по имени ... Штерчи?»

«– Да, с приездом из Италии господином антропологом Штерчи»

«–... обследовали старобельский заповедник. И детально познакомились с монастырем в Святых горах, не так ли?»

«– Как раз наоборот, господин Штерчи сказал, что интересного там ничего не осталось».

«– Вот как. Так где же это интересное?»

«– Господин Штерчи сказал, что самое интересное ждет его».

«– Оно его ждет? Это как-то нужно понимать фигурально, это фигура речи?»

«– Он так сказал, "ожидает", я хорошо запомнил, как-то странно прозвучало».

«– И где же оно ожидает?»

«– Он не сказал, а сделал просто жест рукой, – по моему, в сторону нашего города».

Господин Полковник, мой дядя, возбуждённо-счастлив. Он откинулся назад в кресле, и две розетки растопыренных пальцев, похожие на два зеркальных отражения, сошлись к средней линии, встретились на поверхности этого невидимого зеркала.

«– Трава ЕВШАН, которая в древности не позволила нашему земляку, княжичу, засиживаться во дворце чужеземной красавицы».

«– Да. Единственное средство, которое заставило его вернуться. Запах».

«– В окрестностях монастыря вы делали фотографии и съёмки *для атмосферы*, и господин Штерчи сказал, что ему нужно для книги, нужно понять своей шкурой...»

«– Он сказал "через свою шкуру"».

Я опять подробно рассказывал, как бесцельно мы бродили по балкам вокруг байбачных нор, выгравались под горячим апрельским солнцем, спрятавшись от пронизывающе-холодного "Оста", как называл наш весенний ветер Штерчи. Я очень подробно описал руку, барабанившую пальцами по дверце автомобиля, увиденный мной перстень с печаткой, ужас одноногого владельца гостиницы "никому не желаю близкого знакомства".

«– А, Красный Марсий...» – сказал дядя и отстранил от себя жестом руки эту тему. Его волновало другое. Подавшись ко мне еще больше, он спрашивал об истории, которую начал рассказывать Штерчи – про год 97-й *анно домини*, про знакомство двух балбесов в городе Риме, и как один из них потом возвращается в степь, увозит с собой какие-то медицинские инструменты, перстень и несколько свитков со стихотворениями. В словах и вопросах дяди я чувствую глубокий, искренний интерес, и я решаю про себя: вот передо мной старческое измелъчание мотивов человеческих. Он, генерал, проникся ревностью к заезжему иностранцу, недавнему студенту, лишь за то, что тот тоже читает в подлиннике этого неведомого мне древнего поэта Мартья-Лисс. Конечно, ему, итальянцу, это дается гораздо легче – незаслуженно легко, просто он дал себе труд родиться итальянцем и знать с детства язык,

произошедший из латыни. Он ходил в итальянскую школу, где зубрят из-под палки эту самую латынь, и читают вслух Цицерона и Тацита. А вдруг бы ещё вдобавок выяснилось, что Штерчи увлечённо коллекционирует модельки дирижаблей. Вдруг у него есть какая-то из них, о которой наш Полковник только мечтает? Разумеется, именно это чрезвычайно важно: игрушечные дирижабли и стишки многовековой давности. Никого не интересует, что я видел и у Штерчи и у неведомого автомобилиста совершенно одинаковые перстни. Ведь здесь же явный сговор, тайна, что-то ужасное и преступное. Возможно, это одна шайка контрабандистов, торговцев наркотиками. От меня только отмахиваются. Очень важно только одно – господину Доктору, нашему Полковнику и приезжему итальянцу Штерчи одинаково интересно читать в подлиннике, как некий Килик залез в сад, хотел его обокрасть, а в саду ничего не оказалось, кроме деревянной статуэтки бога Приапа. (Древние римляне изготавливали этих Приапов в большом количестве, наподобие современных садовых гномов у немцев, только с одним отличием – у римского Приапа обязательно изготавливался из прочного негниющего дерева, из кипариса, огромный мужской детородный орган.) И вот Килик, вороватый Килик, чтобы не покидать сад с пустыми руками, тащит из сада этого самого Приапа с огромной мужской принадлежностью.

Ау, люди, ведь наша страна участвует в международном прогрессивном союзе против терроризма и организованной преступности, ведь здесь у вас под носом вьют гнездо тёмные силы кремлёвских агентов! А им важнее всего... Килик! Вот с таким вот (руками показывается размер) под мышкой.

Я обратился к господину Доктору с мучившим вопросом. «– Мы гадаем с братом: кто этот незнакомец. Брат говорит: либо посланец к нам с благой вестью, либо Агасфер, праздный скиталец, мучимый раскаянием. Косвенно, так утверждает брат, это также благая весть надежды, ведь Агасфер нашёл спасение в муках вечного раскаяния. Зна-

чит, он понял все-таки послание Спасителя. – Благодаря итальянцу Штерчи, – говорит мой брат – мы с тобой начинаем понимать душу породившего нас Дыкого Поля и нашу вину».

Я продолжил мой вопрос: «–... А мать и тётка говорят: не надо превращать живого человека в символ. Итальянец, как все люди, ест, пьёт и спит – правда, всего очень мало ("...и колется", добавил я про себя, "как мой брат")».

Доктор подумал и сказал: «– Да, ваши женщины мудрые. Живого человека нельзя превращать в знак или образ. С этого начинаются все преступления». Беседу продолжил Полковник:

«– Конечно же, это живой человек, хотя по описаниям, которые даёт, не скупясь на сравнения и краски наш юный друг, картина выходит и впрямь мистическая. А что метафизика? Он живой человек из плоти, и ему что-то нужно. Мотивы же его поступков, однако же, могут быть метафизическими. Пожалуйста, расскажи нам подробнее ещё раз, в чем же заключается на ваш взгляд с братом, эта магия».

.....

Я рассказал брату про впечатление, которое мой рассказ произвел на двоих стариков, и брат, покачивая головой и по привычке глядя в потолок, ответил мне двумя весьма неприличными строчками из стихотворения про старость, которые я вынес в эпиграф настоящей главы.

Глава 9 Итальянцу Штерчи угрожают.

Рассказывают поочерёдно Доктор и Юнга

В предыдущую Главу 8 «Утёр нос полковнику» господин доктор дописал такую вставку:

Наш уважаемый автор, тогда ещё не капитан, и даже не Юнга... (Если не ошибаюсь, впереди ещё несколько недель до нашего решения организовать дирижабельную экспедицию по голографической карте, обнаруженной внутри старинного курс-автомата. Этот уникальный прибор и составлял главную часть сокровищ генерала Маннхейма, извлечённых господином Полковником в грозовую ночь с четвёртого на пятое мая 2035 года из подвала здания N 100-бис по улице Сумской).

Так вот, наш будущий Юнга, по сценарию господина Штерчи – Роксолан-II, явившись в тот вечер на квартиру своего дяди, г-на Полковника, держался невероятно значительно. На молодого человека, несомненно, произвело сильное впечатление знакомство с господином Штерчи и его взглядами на жизнь нашего приграничного города. От итальянца в тот период жизни исходила удивительная энергия убеждённости. Для человека, слабо подготовленного, тех откровений и познаний, которые итальянец обрушивал при первом же знакомстве, могло хватить, чтобы

потом долгие годы восстанавливать психическое здоровье (с сожалением отметим, что некоторым так и не удалось добиться этого восстановления). Не стану отрицать и магнетизм личности итальянца, что-то в духе *Ancient Mariner* Кольдриджа. Согласитесь, что для юноши, прожившего почти двадцать лет с представлением о крайней малозначительности своего родного города, привычно иронизирующего на тему таких достоинств как "самая большая в Европе центральная городская площадь" и "заповедник архитектурного конструктивизма", может показаться очень впечатляющим, если приезжий римлянин заявляет с картой в руках, что планировка этого самого объекта вашей иронии, по какому-то удивительному стечению обстоятельств и причин, оказывается, в точности повторяет планировку древнего Рима. Холмов, правда не полное семихолмие, но такая же излуцина реки, такой же кремль и Палатинум именно над излуциной, и даже новый цирк (то есть построенный пятьдесят лет назад, в эпоху стекла и бетона) так вот, новый цирк размещается на том же удалении и с той же южной стороны от монастырского кремля, что и Циркус Максимус, выстроенный в Риме ещё при Юлии Цезаре. – Двое молодых людей разглядывали изумлённо две городские схемы, выполненные в одном масштабе. Добавьте ещё и необычное появление иностранца, на воздушном шаре. Добавьте его хищный профиль, глубоко посаженные глаза, ясный пронизательный взгляд, несомненное обаяние и умение расположить к себе собеседника, искусство красочно говорить и завораживать голосом... Одним словом, для нас с господином Полковником итальянец Штерчи, с его мозгом математика, образованием латиниста и широчайшими связями был не просто опасным противником, но противником опасным вдвойне, сугубо и трегубо, оттого что наши юные родственники, оба Роксолана, и старший, и младший, похоже, стали склоняться на сторону итальянца.

Господин Полковник старался внушить юношам: «Мы нашли это сокровище раньше. В нашей земле, на нашем дворе это сокровище лежит. Принадлежит оно нам, в этом

не может быть никаких сомнений». Но я видел – кое у кого (намекаю на обоих братьев) сомнения всё-таки зародились, а особенно кто-то (имею в виду старшего из братьев, того, кто, похоже, получал от заезжего господина Штерчи д'Авитс не только хвалебные отзывы на скромные поэтические опусы, не только деньги, достаточно большие по нашим городским масштабам, но также и просто наркотики, каким-то образом привезенные господами баллонистами), этот кто-то, вероятней всего, был полностью "на стороне противника", как выразился г-н Полковник.

Добавьте ещё и доводы дипломатики. Основываясь на тексте старой *вителлианы* (конечно, итальянец возит с собой только копию, но я не исключаю, что такая долговая расписка на вощёной дощечке, закрепившая право д'Авитов на рукописное наследие Марциала, действительно существует). Для нашей юриспруденции, выросшей из воровского советского оправдания бандитизма, такой документ, давностью тысяча девятьсот тридцать два года, не имел никакого значения в решении вопроса о правах владения. В сознании же молодых людей, с их природной тягой к правильному, а не к надуманным, за уши притянутым исключениям, этот довод Штерчи выглядел неоспоримым. Младший брат попроще, пооткрытей. В тот вечер в квартире Полковника он говорил следующее:

«– Я догадываюсь, что именно он здесь ищет и почему. Его тщательная разработка Святых гор наводит меня на мысль – мы бросимся туда, доберёмся до какой-то заветной дверки (там должен быть вход под гору с противоположной, западной стороны, не от реки), Штерчи наверняка знает секрет, как найти эту дверь. И на свет появится КАПСА РОКСОЛАНА, о которой я узнал из его повести».

Итак, наш Роксолан-II был глубоко разочарован тем, как происходила их экспедиция с г-ном Штерчи в окрестностях Святогорска. Молодой человек обиженно говорил: «– Складывается впечатление, что Штерчи просто прячется здесь, от чего-то отсиживается, отлёживается. И не зная чем занять себя, он сочинил целую историю».

С горы, куда мы поднялись по северо-западному, поросшему соснами, склону, был хорошо виден автомобиль БМВ, который медленно въезжал на заправочную станцию. Штерчи разглядывал автомобиль в бинокль, и мне показалось, что Штерчи боится.

Что же, он отсидит здесь среди нас положенный срок, из Москвы по телефону ему шепнут: «ну уже всё рассосалось, можешь появляться» – и он исчезнет из нашего города? Баллун не оправдывается? Я вижу, как брат с каждым днем становится всё тревожней.

Здесь от лица Доктора делается в прямую речь Юнги очередная вставка.

Конечно, поведение Роксолана-I определённым образом отражало сложные интриги, которыми оплелась вдруг жизнь юношей, но в гораздо большей степени эта напряжённость была обусловлена неумеренным употреблением наркотиков, не говоря и о том, что в некоторых случаях молодой человек употреблял наркотические препараты крайне низкого качества, включая даже технические растворители – об этом свидетельствуют радужные пятна, которые оставались по краю высохших на белой промокашке. – Этот листок мы нашли потом в рецепции клиники под стеклом. Медицинские подозрения о серьёзных психотических сдвигах начали закрадываться у меня ещё в начале марта, и в последующем события полностью подтвердили эту гипотезу.

Роксолан II, младший, рассказывал, кстати, что брат с крайне значительным видом хотел его о чём-то предупредить, намекал на некую опасность. «На дискотеке мне шепнули ...». С каждым днем он становился всё тревожней, ему чудится, что кто-то подслушивает и следит. «Несущая балка нашей жизни треснула», – говорил он, и предлагал спуститься в подвал, – дескать, там, в подвале, можно осмотреть эту балку воочию и убедиться, что вскоре всё в стране должно рухнуть.

«– Только там – маленький чёрный человек – таинственно добавлял Роксолан-I, старший, и прикладывал палец к губам: «Тайна».

А между тем младший брат в квартире господина Полковника, разговорившись, ободрённый очевидным интересом г-на Полковника, продолжает делиться своим разочарованием:

«– Рукописи? Какая-то сказка, болезненная фантазия, литературный образ. Этот итальянец, однако же, так настойчиво наращивает на эту тему детали и подробности. Мне начинает казаться, что в раннем детстве я где-то видел и даже держал в руках такие листы. Скверная, плотная бумага, во многих местах пропустившая чернила насквозь. Листы имеют неприятное свойство свертываться обратно в трубку, и кто-то говорит: «Пусть мальчик подержит свиток за пазухой, бумага помолодеет». И другой голос мечтательно добавляет: «А еще лучше между грудей молодой девушки *пуэлла уда*».

Полковник неожиданно прервал: «– К нашему итальянцу приехал из Москвы переводчик, представитель консульского отдела, они встречались в центральной гостинице Интурист. Гостиница построена ещё в советское время, там традиционно прослушивались все номера и...»

«– И у вас, кажется, есть транскрипт этого разговора?» – почти не сомневаясь, задал риторический вопрос Доктор. – Ну и....?».

«– И нашему итальянцу однозначно угрожают».

Фрагмент 196

Телефонная линия старинной правительственной связи
Харьков-Москва

Разговор итальянца Штерчи с неким влиятельным лицом
Среда, 25 апреля 2035 года.
Транскрипт

- Москва: Мне передали вашу просьбу. Вы хотите, чтобы мы продвигали во влиятельные Интернет-газеты Италии некоторые сочинения, что-то вроде путевых дневников странствующего по Малороссии иностранного авантюриста. Мне бы очень хотелось знать, когда нам рассчитывать на окончательное решение вопроса о наследстве генерала Маннхейма. Экспертиза ждёт. Мы ждём находку.
- Штерчи: Ваше превосходительство, публикация подготовит общественное мнение и вызовет интерес. Находка должна быть хорошо подготовлена.
- М: Находка должна, во-первых, состояться. Для многих ваша экспедиция невероятна и неправдоподобна. Кроме прочего, вы – дилетант в археологии палеографии. Пожалуйста, не нужно мне называть имя – Шлиман.
- Шт: Выше превосходительство, Шлиман. А наход-

- ка... Находка уже состоялась, именно здесь, в 1943 году. Маннхейм, ваше превосходительство. Вот ещё одно имя – генерал Маннхейм.
- М: Генерал Маннхейм такой же дилетант, как вы и как Шлиман. Во всех справочниках Вернер фон Маннхейм фигурирует только как основоположник кибернетики, математик и ракетчик. Мне нужна находка. Мне нужно ваше сообщение «капса и свитки находятся у меня в руках». Пресс-конференция, экспертизы. Кроме всего прочего, Интерпол продолжает вас разыскивать и ко мне поступают запросы. Я даю вам самое лучшее прикрытие. У вас сейчас есть всё, чтобы энергично вести ваши поиски в такой опасной стране, как наш Союз.
- Шт: Благодарю вас, ваше превосходительство. То, что вы называете прикрытием, это люди, готовые в любую минуту предать вас, убрать меня, начать самостоятельную игру. Как только они действительно поверят в существование рукописей античного происхождения, они полностью выйдут из подчинения. Я в безопасности, пока для них это только блеф. Мой и ваш блеф. Блеф непонятого богатого иностранца и московского генерала, парящего в заоблачных высятах международной политики.
- М: Господин поэт, вам не кажется ещё более опасным, если Я перестану верить в существование рукописей?
- Шт: Ваше превосходительство, ещё раз ставлю вас в известность, что степень вашего влияния в той зоне, где я сейчас нахожусь, оценивается

мною, как достаточно ограниченная. Я ставлю вас в известность, что ваш малороссийский филиал деморализован прямыми переговорами... обещаниями помощи.. через Атлантический союз. У ваших людей есть по-видимому двойная игра на вас и одновременно на Брюссель.

.....
(пауза)

- М: Если я начну публикацию ваших «Писем путешественника», у вас будет не более трёх недель времени до пресс-конференции.
- Шт: Меня волнует только одно: мой текст должен выйти гениальным. Я работаю над текстом, это сейчас главное. Три недели после последнего «письма путешественника».
- М: Я жду срочного сообщения о находке.
- Шт: Вы получите, ваше превосходительство. Срочно.

Полковник отложил плеер.
«-- Какое самообладание. Красивая игра» -- он побарабанил пальцами по столу. – «И ещё, Доктор, хочу обратить ваше внимание. Этот наш итальянец называет Его Высокпревосходительство - просто превосходительством. Для конспирации».

Глава 10

Первый сценарий авантюры: На Трейлере бы!

Записал Доктор

...Полковник, поёрзав в кресле, продолжал:

«– Вот вообразите себе, пожалуйста, например вариант. Мы отправляемся в экспедицию за сокровищами на эдакой сухопутной шхуне, на трейлере. Оборудуем, как в автобусе дальнего, международного следования. Узкий коридорчик вдоль кузова. Впереди, ближе к водительской кабине, рубка с аппаратурой, здесь у нас сидят гравиметристы, несколько мощных компьютеров просчитывают многомерный фэн-шуй. Знаете, что такое фэн-шуй? У нас, в военном деле, фэн-шуй даётся такое определение: ... Пространственно-временное распределение мистической энергии. (Здесь Полковник заговорил специальными терминами, и даже стал записывать на грифельной доске некие формулы, объясняя всё через грузики, укрепленные на вершинах пирамиды-тетраэдра. Я опускаю, поскольку ничего не смог понять).

В салоне у нас археологи и группа видеосъемки, эдакая богема, понятное дело. Среди них и окажутся главные злодеи, покусители на наше сокровище, да ещё какой-то внедренный агент впридачу. Да, у нас ведь есть кухонька - раз кухонька, то, стало быть, и дама-кок, высокообразованная искательница приключений. А? Каково? Где дама, там и неразбериха? Итальянец наш, Штерчи, здесь же, на борту. А куда же нам его девать, так гораздо лучше, когда

он с нами. И племянничек наш, разумеется, ему в пару, что-нибудь да сморозят эти два разгильдяя.

«– Знаете такое место *Камьяна Могыла*? Колесим мы эдак по ридной нэньке, от кургана к кургану, от музея к музею (примерно так, как сейчас Штерчи это пытается делать). Пыль, жарко, скучновато – экспедиция, одним словом. В каких-то захоронениях воинских копаемся. Археология с кинематографией. Хочешь - не хочешь, а среди молодежи, глядишь, кто-то и прихватил наркотиков с собой в дорогу.

«– Колесим мы эдаким образом, стараемся без дела нигде остановки не делать. Понятно, что люди в лучшем случае разбегутся. Хуже – до поножовщины дело свободно доходит в таких маленьких коллективах... И вот, глядишь, все-таки застряли. Солнце садится, полустанок, поезда не останавливаются. Воды в обрез, знаете наши края. Речечка не речечка, ставок, ракиты чахлые. А стемнело, и прохлада пришла. Под ракитами огонёк, музыка развесёлая. Археологи наши и видеосъёмочная группа – люди штатские, какая тут дисциплина, приказы им не интересны, это же не армия. Глядишь, туда и наш Юнга подтянулся, за бутылкой сбегали, механики, разумеется, само собой, сбредаются на запах. Места, оказывается, им знакомые, в прошлом году кино здесь снимали, "Гладиат-рикс". Есть и остатки амфитеатра (вы фильм этот видели? леса кубометров ...надцать туда вбухали, в эту самую натурную декорацию – честное слово, три вагона доски сосновой). Через два часа все не только пьяные, но и гораздо более того. И вот вообразите, наш Юнга в состоянии патологического алкогольного и наркотического галлюциноза куда-то скачет на коне, убегая из плена у кинаэйдов. Это уже под утро, после целой ночи безобразий в чисто античном стиле на территории этого самого бутфорского деревянного Колизея. Про девиц и их роль в этой истории я умалчиваю, можете сами догадаться. Кстати говоря, видеосъёмка ведётся всё время четырьмя камерами, и свет поставлен профессионально грамотно. Знаете эту публику: головой пьян-пьян, а руки дело пом-

нят. И вот картинка. Собаки там бродячие, местные жители, откуда ни возьмись, с вилами и тому подобное.

«— Такой вот фэн-шуй получается, что Юнга наш в психотическом состоянии устремляется прочь от этой античной цивилизации в родные степи. А Штерчи? О! Это же и есть момент истины. Для него важно, куда стрелочка компаса показывает. Его же интересует инстинкт, генетическая и топонимическая память нашего соотечественника, юного Роксолана. Наш поэт Стертиний, по его же книжке, провожает Роксолана до границы степей, до пограничной речушки, где ждёт застава с коньми. В аэрологии это называется "метод шар-пилота". Тест-баллун: отпусти его, и в свободном движении очень слабые струи потекут, увлекая, обводя мягко вокруг препятствий».

Полковник поерзал в кресле, довольный собой и своей выдумкой. Доктор спросил, достаточно иронично:

«— И в конце наш юный Роксолан окажется перед небольшой железной дверкой, за которой вход в подземелье?»

«— Именно. Вот там, на восточном, меловом, склоне нашего холма, под основанием городища. Где-то по нынешней улице Шевченко, вполне возможно – в подвале или погребке одного из старых одноэтажных домишек. Они лепятся под кручей, никто из археологов не раскапывал эти места. Оттуда идут ходы в основание холма, а мы – наверху. Ходим вокруг верхнего, вентиляционного входа в погребальную камеру, там, где проникли античные грабители. Основной, парадный вход, располагается именно там».

«— И чутьё приведёт нашего нетрезвого и малообразованного юношу точно к парадному входу?»

«— Вот именно. Он же теперь – княжеский сын, человек, принесший *хабар*, хранитель рукописи».

«— Да, красиво. Прямо как в кино».

Глава 11

Мне стыдно не знать Латынь

Будущий Юнга решает, что Меотийский дворянин обязан всё-таки немного разбираться в истории Древнего Рима.

Почему именно поездка со Штерчи в Старобельский заповедник, эти пять полусонных мечтательных дней среди трав, птиц и насекомых заставили меня почувствовать тревожную неуспокоенность, голод знаний? Голод исторических знаний, классической образованности, и даже очень узко и предметно – я решил, что не имею права вот так ничего совершенно не смыслить в истории города Рима эпохи раннего принципата.

Действительно, почему? Мой брат вдруг начинал рассуждать о взаимоотношениях между госпожой Поллой, её мужем Луканом и поэтом Марциалом... Его занимали тайные подробности заговора, приведшего к гибели императора-Кайзера Домициана — отражения в полированном камне, забинтованная рука постельничего (именно в повязке был спрятан кинжал от глаз подозрительного Хозяина), тайная роль госпожи Домиции, именно той, с которой император развелся, потом вновь женился — несомненный предмет эпиграммы Марциала (кажется, даже нескольких сходных эпиграмм):

Продал, отослал её от себя, служанкой
Назад выкупил, измученный, над собой госпожою

И ещё мой брат, проникновенно говорит мне, что каждый поэт должен научиться писать стихи *стилем* на вощёной

дощечке. *Стиль* – это вроде шариковой ручки, но вместо чернильного носика тонкая проволока с крючочком на конце. Он и вправду упорно тренировался. Я, кажется, уже описывал его упражнения. На пластмассовую пластину он намазывал тонким слоем пластилин и жаловался, что не ходил в детстве в римскую *люди-магистру*. Вот теперь в свои двадцать лет учится, чему положено быть уже вполне искусным лет в семь – каким именно слоем нанести крашенный воск, не толще и не тоньше положенного. Только поэт, пишущий слова на дощечке может понимать цену слова, утверждал брат. Он измерял секундомером, и у него получалось примерно в три раза медленнее, чем шариковой ручкой. Примерно такая же скорость, как если набирать SMS-ки с отключенным режимом T9. Только так можно понять цену слова, уверял брат, цену фразы, отучить себя от скороговорки бездумного повторения обесцененных литтер.

Да, когда всё это исходило от моего брата, это было для меня проявлением непонятого, лихорадочного прозрения. Он светился изнутри – это был пугающий меня внутренний взгляд, открывшийся у брата в последние месяцы, когда он почти перестал есть, очень мало спал и непрерывно делал записи. Не буду сейчас говорить о недавней его тревоге. Я чувствовал, что такая обострённость чувств неестественна, это не может продолжаться долго, в этом есть завораживающая обречённость. Я был уверен, что многим дальнейшим событиям причиной была чистая случайность, из-за которой отяжелевший взгляд брата остановился на корешке книжки Николая Дурново «Учебник и хрестоматия по латинскому языку». С похожей вероятностью забившийся, необыкновенно яркий пламень поэтического воображения Роксолана I мог осветить случайной вспышкой любое другое место и любую другую эпоху.

Так я рассудил о моём старшем брате. А господин Доктор, наш исследователь малоизученных тем у Марциала? Почему он занимается изучением *Sexualthemen* в поэзии эпиграмматиста I – II века Марк-Валерия Марциала, и, походя, вникает в технику античного книгоиздания? Здесь для меня совершенно очевидно пересекаются три мотива на-

шего почтенного эскулапа: во-первых, профессиональное знание латыни; во-вторых, врачебная привычка хладнокровно наблюдать самые различные проявления человеческой природы; и, наконец, в-третьих, тайная надежда господина Доктора выразить себя литературным трудом и заодно извлечь небольшую выгоду.

Похоже, он считает себя, андролога-сексолога, уполномоченным «привнести новый взгляд» в проблему. Ему мнится что-то в роде отзыва какого-нибудь известного профессора-латиниста: «значительный вклад в мировую марциалистику, сделанный украинским сексологом...» Звучит, не правда ли?

Господин Полковник, с его широкой образованностью, посмеивается над узким и случайным характером романофилии, над старанием во всём древнеримском видеть образцы для подражания, оправдать любой поступок ссылкой на античность, над формулой: «а древние римляне в таких случаях...»

Как раз эта ирония запомнилась мне из лекций г-на Полковника о погоне *гуманистов**¹³ за рукописями древних авторов, о самых неприличных подкупках и похищениях во имя обладания манускриптами. Полковник, помнится, тогда говорил о смехотворных попытках восстановить в XV веке *республика литтерарум* Италии XIV или XV века, среди всеобщего восхищения и преклонения перед Римской античностью. Услужливые генеалоги немало тогда потрудились, доказывая происхождение римских вельмож от древних римских родов. Фамилия Массими производила свой род от Квинта-Фабия Максима, фамилия Корнера – от рода Корнелиев и так далее.

Штерчи - он сам намекал очень прозрачно и не один раз - отождествляет себя с тем молодым аристократом из Римского орд'сенаторья, поэтом-дилетантом Стертини-д'Авит, которому в благодарность за покровительство маэстро Мартья-Лисс отослал свой портрет (или бюст?), о чем и гласит посвяtitельное вступление к книге X Эпиграмматон .

¹³ – *гуманисты*, в узком смысле, деятели .....

Интерес господина Доктора – это обычный конъюнктурный расчет: «Рим, древний Рим – неплохой товар для современного нашего рынка». Тут и определенный прицел на рынок Западной Европы, где многие знают латынь, о сексе принято говорить открыто, а мотивы гомосексуального секса окружены вуалью борьбы за права сексуальных меньшинств.

Интерес же моего брата (опять навязчиво возвращаются мысли к тревожащим меня симптомам) – это странная игра большого поэтического ума, уцепившегося за первую картинку, попавшуюся на глаза после второй дозы (я же знаю, как он способен в этом состоянии разглядывать ночное дерево, окружившее светящейся листвой одинокий фонарь; или же вымерять глазом пирамидальные пропорции растянутых на противоположной крыше антенн, рассуждая что-то про «в воздухе растворенный Египет», и прочее, тому подобное – хоть блеск бутылочного стекла, видящийся в первых заморозках на асфальте – «бутылочный бой, рассыпанный для истязания босиком ходящих», по его словам (это в ноябре месяце?).

Знаю я эти его счастливые застревания, открытие глубинных тайн на любой помойке, рассказы про непередаваемо яркие краски и запахи, которые ему откроются – обычно после этого следует предложение «тоже попробовать».

На мой взгляд, его влюбленность в известную особу – это такая же болезненная обостренность чувств, умноженная на молодость и наркотики.

Ни брат, ни господин Доктор, не способны увлечь меня за собой. Штерчи задел другие струны. Поиски Штерчи, его детальное знание – улица за улицей, год за годом, человек за человеком – из истории двух тысяч лет назад в его родном городе – породили у меня ревность другого рода. Я увидел в себе пробел знаний обязательных. Обязательных для того круга, к которому мы принадлежим. Мы с братом и господин итальянец Штерчи. Пусть это донкихотство, но мы – аристократы, джентльмены. Разорившиеся, разорённые, затравленные – однако это не имеет никакого значения. Мы живы: семейные предания и даже недомолвки, несколько фотографий, найденных в семейном альбоме (кто-то же их сберег?).

Мы догадывались с раннего детства, что мы из бывших, и чувствовали, какие многочисленные обязанности это накладывает на нас. Мы ответственны за своих ..., мы в скором времени должны будем их защитить, повести за собой, и они охотно помогут нам забрать назад наши заводы, наши леса, наши реки.

Среди прочих обязанностей – обязанность показывать привычки порядочного человека, они довольно просты. Выглаженная рубашка, умение пользоваться столовым прибором и правило никогда не пить спиртное иначе как из рюмки. Но как же я мог потерять еще одну, обязанность знать классические языки, хотя бы латынь? Знать в объёме гимназии историю, император-кайзеров.

В приезде итальянца Штерчи, несмотря на его потертый джинсовый костюм, очень дорогие рубашки и туфли, несмотря на его бейсбольную кепочку, мне виделся наш кузен, с которым полагается состязаться, перед которым мы должны открыть наши тайные богатства, превзойти его во всём – и в знаниях, и в богатствах, и в смелости.

Штерчи старше меня на шесть лет – и я догоню его, это мой долг. Мало ли что он учил латынь еще в начальной школе. Он ясно видит картины древней жизни внутренним зрением, легко ориентируется в *consecutio temporum*¹⁴, а я нет. Может быть и задевает, и будит азарт, и жжёт зависть – но главное, я чувствую долг, я чувствую, что прогулял важный для дела, предмет. Пусть и не по своей вине.

И вот я уже у господина Доктора, нашего «дяди Трифона». Что можно прочесть по истории Древнего Рима, с чего начать? Ах вот он, Санчурский ...

Привожу свои выписки. Свободно их может пропустить любой читатель, кто хоть чуть-чуть занимался своим самообразованием. Я не говорю о счастливицах, закончивших возрожденную после семидесяти лет разорения российскую гимназию. Да вообще любой средне образованный человек, кто потрудился развлечь свой досуг чтением Светония или Аммиана Марцеллина. Никому не удастся найти здесь для

¹⁴ (лат.) – грамматич. соподчинение времён в предложении

себя что-то новое, и нет нужды отвлекаться от тех событий, с которых началась замечательная экспедиция стремительно-китообразной воздушной «ГАДИТАНЫ».

Глава 12

Юнга, по примеру Штерчи, бессовестно пользуется тем обстоятельством, что копирайт Санчурского аннулирован за давностью лет

Окружный инспекторъ Н.Санчурскій

Господин доктор выщипнул с полки, бережно вскинул на руке тяжеловатый тёмно-синий томик: "Римскія Древности", окончательно взвесил на руке книгу, глубоко вздохнул (может, вспомнил невозвращённый братом учебник Дурново?) и протянул мне:

«– Вот, пожалуй, то, что тебе нужно. Краткий очерк римских древностей для гимназий, прогимназий и самообразования. Составил Н. Санчурский, бывший окружный инспектор Санкт-Петербургского учебного округа. Пятое издание, исправленное и дополненное. Рекомендовано Учёным комитетом министерства народного просвещения в качестве учебного пособия для классических гимназий и прогимназий и для фундаментальных библиотек реальных училищ. С.-Петербург, 1914 год».

«– Читай».

«– А что это вообще такое, римские древности?»

«– Да вот, читай же, в предисловии: «...комиссия признала полезным, независимо... составить учебное пособие по римским древностям – применительно к требованиям, выраженным в объяснительной записке к учебному плану преподавания древних языков в гимназиях и прогимназиях и согласно §69 правил об испытаниях зрелости... для изыскания мер к лучшей постановке преподавания латинского языка в учебных заведениях Санкт-Петербургского учебного округа...» Понятно?»

«– Нет, не очень».

«– Гимназистам давали представление... да вот в оглавлении погляди, всё ясно. Город Рим – его история. Она кратко изложена на пяти страницах, все три периода – цари, республика, императоры. Затем топография Рима тех античных времен, на восьми страницах, расположение реки и холмов.

«– Важнейшие памятники античного города Рима – целых тридцать восемь страниц. Палатин, Капитолий, Форумы, части при-Тибрские, северо-восточные и юго-восточные, места погребения, водопроводы, мосты, дороги (В предисловии к третьему изданию говорится: «описанию топографии Рима придан характер связного систематического изложения ... ввиду отсутствия русского хорошего компендия Рима»).

«– Государственное устройство – шестьдесят три страницы. Религия и культ – шестьдесят пять страниц. Сюда входят боги, богочитание, общественные игры, почитание умерших и похороны, а также – праздники. Кстати, именно в этом разделе ты найдешь разметку г-на Сухорукова, владельца книги должно быть, гимназиста в 1911 году, по билетам экзаменационным, с шестого по одиннадцатый.

«– Следующий раздел "Военное дело", сорок шесть страниц, тоже полагалось знать хорошенько (в экзаменационные входит пять билетов). Развитие военного дела, части войска, набор и присяга, вооружение и знамена, лагерь, поход, флот, дисциплина. Еще главы: Правосудие – девять страниц, финансы – одна страница. Частная жизнь – тридцать две страницы, в том числе интересующие тебя "письмо и книги". Ещё осталось: Объявления. Время и календарь. Деньги. Меры.

«– Вот так вот. Дерзай!» – напутствовал меня господин Доктор, оставляя в своём уютном кабинете-студии, куда мы поднялись по деревянной лесенке. Здесь было что-то именно от той, российской жизни: два мраморных бюста, резные накладки на книжных шкафах, зеленое сукно на письменном столе, настольная лампа.

Итак, я перечитываю выписки, которые сделал, сидя в кабинете г-на Доктора за столом зеленого сукна (не карточный ли это стол?), из книги г-на б. инспектора Н. А. Санчурского.

"Период республики завершился бурными событиями – борьбой крупных политических деятелей за единовластие и междоусобной войной (*bellum civile*). В 31 г. до Рождества Христова установилось единовластие Августа. Август считается вторым император-Кайзром (первый — Божественный Юлий).

Заголовочек вписан рукой Юнги: *Домициан¹⁵* Император-Кайзр Двенадцатый, последний из Флавиев. Рубеж веков. Флавии – династия Римских императоров: Отец Веспасиан, братья Тит и Домициан.*

«Считают, что Домициан стремился придать власти Римского императора окончательно самодержавный характер, отнять у сената (парламента) остатки власти. Домициан был консулом семнадцать раз – первый среди императоров. Также впервые в истории Рима Домициан стал единоличным (без коллеги) пожизненным цензором. Это позволяло ему исключать из сената любых неугодных лиц, запрещать, как неморальные, те или иные формы общественного поведения».

На этой же странице записной книжки я выписал из какого-то исторического труда комментарий историка-марксиста брежневской эпохи:

"Экономика Рима на рубеже I и II веков новой эры (то есть после Рождества Христова) не требовала больше массового захвата новых рабов, империя достигла предельных размеров. Продолжение завоеваний повлекло бы за собой усиление ар-

¹⁵ – Домициан, годы жизни 53 – 96 после Р.Х. Годы правления 81 - 96 после Р.Х.

мии (куда же больше, в Риме, где храм Януса не закрывался почти никогда?) и угрозу центральной власти. Между Римом и его постоянными противниками – Германцами (на севере) и Парфянами (на востоке) – сложилось равновесие сил. Объективно требовалась политика укрепления границ и обороны империи.

Римское государство состояло из провинций. Поддержание в них порядка и права, сбор налогов, строительство городов и дорог составляли весь смысл существования империи".

Государственное устройство Рима периода империи (из Н.А.Санчурского) Вот как говорилось в учебнике для гимназий Российской империи:

«Монархическая реформа Августа замкнула круг развития – от монархии при царях – через республику (Senatus Populusque) обратно к монархии (Imperatores). Республиканская магистратура была разделением единой власти царя. Власть [Римского] императора – это опять собрание (концентрация) республиканских магистратур в особе государя.

Фактически монархия была восстановлена после битвы при Акциуме (31 г. до Р.Х.): в руках Октавиана Августа сосредоточилась вся военная сила. В 27 г. до Р.Х. Октавиан получил от сената титул AVGVSTVS (досточтимый, священный), верховное руководство и надзор за всеми делами, право контроля действий остальных властей. Это был акт юридического (легитимного) восстановления монархии».

Схематически, по изложению в учебнике Санчурского, весь последующий период выглядит просто:

«...на этой основе постепенно выростала власть Римского императора, вплоть до Диоклетиана (285-305 гг., после Р.Х.), при нем она стала монархией в строгом смысле слова. Полнота власти сосредоточилась в руках одного лица, сенат и народ не играют уже никакой государственной роли».

Составными частями императорской власти являются: власть военная (IMPERIVM), власть гражданская (POTESTAS), власть духовная (PONTIFEX MAXIMVS). Очень пышно совершалось вступление императора на престол, пышно же справлялись похороны; после смерти император (начиная с Юлия Цезаря) причислялся к лику богов. Некоторые наиболее ненавистные (*Юнга: кому? сенату?*) императоры, – Калигула, Нерон, Домициан – не были удостоены этой чести. Сенат при императорах юридически стоял выше императора, именно от сената он получал свою власть. Фактически же сенат был лишен почти всякой самостоятельности. Постановления сената нередко были лишь утверждением воли императора».

Ну что же, в общем-то, понятно. Итак, история города Рима – это примерно двенадцать веков в жизни Европы. Вначале, в глухой заболоченной деревеньке – двести сорок лет правят цари. Потом почти пятьсот лет – республика, среди глиняных мазанок под камышовыми крышами. И, наконец, пятьсот лет императорской власти, мраморные колонны, несколько неплохих поэтов. АМФИТЕАТР. Пакс Романа.

Границы раздвинуты в непрерывных войнах, идёт романизация колоний, на местах упрочивается администрация и постепенно становится менее оккупационной, менее грабительской. Марциалову эру, переход от эпохи Флавиев к эпохе Антонинов (конец первого – начало второго века после Рождества Христова) советские историки описывали как эпоху "коренного перелома" и "больших перемен". Сейчас очень трудно разобрать, в чем была причина таких оценок. То ли это следование древней, со времен писавшего при Антонине Траяне историка Светония, то ли собственные предчувствия историков в брежневском СССР. Чем именно Домициан, "самый плохой из всех императоров", был в действительности хуже, чем "самый лучший из всех, Траян" — поди сейчас разберись. Скорее всего, как в анекдоте – "чем-чем? Чем Домициан!".

Итак, поэт, волнуемый моего беспокойного брата, занимающий нашего господина Доктора, и считаемый "фамильной собственностью" в сменявшихся, столетие за столетием, поколениях семейства приезжего иностранца Штерчи, родился в Испании в 38 или 40 году, в правление Гая Калигулы. В 60-м или 64-м году, в императорство Нерона поэт переезжает в город Рим (Урбс-Рома). Первую свою книгу *Либер Спектакулорум* - тридцать эпиграмм на освящение АМФИТЕАТРА (Колизея) - он обнаружил в 80-м году при Тите. Затем были написаны и изданы *Ксения* и *Апофоре́та*. Затем, в течение пятнадцати лет, выходят десять *Либри Эпиграмматон* – при жизни императора-Кайзера Домициана. После гибели Домициана, в 97-м году, в правление Нервы, находясь ещё в Риме, Марциал выпускает *Либр Ундечимс, Одиннадцатую*. По мнению господина Доктора, она, пожалуй, будет самой ядрёной. После этого поэт покидает город Рим, уезжает на родину в горы Арагона Испанского, в свой Билбилис. Пребыванием в Билбиле, годом эдак 102-м, датируют последнюю известную книгу Марциала, *Либр Дуодечимс, Двенадцатую*.

За время пребывания поэта в Риме произошли такие общеизвестные и достопамятные события, как пожар и казни христиан при Нероне - у тётушки в библиотеке мне попался роман Генриха Сенкевича «Камо грядеши». Извержение Везувия, повлекшее гибель городов Помпеи, Геркуланум и Стабии, случилось при том же императоре - Нероне. Затем происходила гражданская война, и был "год трёх императоров". В правление Флавиев была иудейская война, был разрушен иерусалимский храм, и золотые святыни из него пронесены в Риме в триумф Тита.

При Тите военнопленными иудеями построено по проекту Рабирия Римское масс-медия – Амфитеатр Флавиев, иначе именуемый Колизеем. Его ввели в эксплуатацию уже при Домициане, родном брате Тита.

В 96-м году Домициан убит заговорщиками, в 97-м году подняли мятеж преторианцы, и вскоре Нерва передал власть генералу Трояну. А между тем уже в Риме христиане, и апостол Павел прибыл по морю...

Глава 13
ПИСЬМО И КНИГИ В ЭПОХУ МАРЦИАЛА
Составил Юнга

Так, мы в целом разобрались с римской историей эпохи принципата. Теперь раздел «Письмо и книги», основной источник моих знаний - всё те же Римские Древности Н.Санчурского. Спасибо вам, г-н б. окружный инспектор, хорошую книгу вы составили для господ гимназистов.

«В обыденной жизни для письма служили *табула cerea, табула черата* – вощёные дощечки. Писали на них с одной стороны. Дощечки складывали по две или по три в подобие книжечек (*diptycha, triplices*). Чтобы при этом написанное не стиралось, каждая дощечка была оправлена в деревянную рамку. Каждая дощечка имела наверху отверстие, через которое продевался шнурок. Дощечки складывали – внутрь написанным – перевязывали крестнакрест, и узел запечатывали (*obsignare*) перстнем (*гемма*). На вощёных табличках писали острым концом палочки – *стиля* (*stylus*). Противоположный конец *стиля* делали плоским - для разглаживания воска.

Писчим материалом для книг служила бумага или пергамент. Бумага *чарта* (*charta*) готовилась из тонких полос сердцевины египетского папируса. *Чарта* поступала в торговлю или в отдельных листах, или готовыми свитками.

Древнейшим видом рукописных книг был папирусный свиток (*волумен, либер* – том, книга). Если сочинение состояло из нескольких томов, то свитки занумеровывались. Длина свитка могла составлять приблизительно от 70 см до 5 метров. Ширина свитка составляла сантиметров 25 ... 30. Писали только на одной стороне – очевидно, *чарта*

сильно впитывала чернила, и они проходили местами насквозь.

Здесь у меня вставлен рисунок – точно не помню, или из Санчурского, или с какой-то помпейской фрески я срисовал, как шли строки. Писали, располагая короткие строки "вдоль свитка", столбцами (у меня раньше было ошибочное представление, будто поперёк). Итак, вдоль свитка, страницами (*пагинай пагинае* – отсюда слово «пагинация»). Считается, что ширина такой страницы (столбца, колонки) равнялась длине гексаметра. Мне почему-то кажется, что это была ширина писчего поля таблички, то есть миллиметров шестьдесят – восемьдесят. Вот дальше, тоже очень интересно, конструкция книги:

«Узкий конец свитка приклеивали к палочке, на которую он наворачивался. Заглавие *титулус* в виде ярлычка наклеивалось на свиток снаружи или привязывалось при помощи шнурка к палочке, концы которой назывались *умбильчи*, и были эти *умбильчи* красными, черными или позолоченными. Отдельные свитки сохранялись в особенных кожаных футлярах, а по несколько вместе - в ящике или футляре (*канса*), или в стенном шкафу (*армариум*).

Пергамент называли *мембрана, пергамена*. Его готовили из тонкой кожи. Письмо на коже издавна применялось в Азии (изготовление пергамента процветало в городе Пергаме, откуда и пошло название).

Этот писчий материал дал жизнь новому виду книги: несколько листов пергамента соединяли вместе, составляя *кодекс*, наподобие современных книг. Пергамент позволяет писать с двух сторон – чернила не проходят на обратную сторону. Если хорошо потереть влажной губкой, то можно вообще стереть с пергамента текст, и после этого использовать листы для повторного письма. Это называется *палимпсест*.

«Инструментом для письма на бумаге и пергаменте служили перья из восточного тростника (особенно ценил-

ся – египетский). Такое перо называлось *каламус*. Их чинили, подобно гусиным перьям. Чернила (*атраментум*) изготавливали из сажи и камеди. Или же из сока каракатицы (*сепия*).

Литературные произведения распространялись при помощи копий. Потребность в них привела к книжной торговле. Одним из первых видных представителей книготорговли в Риме был друг Цицерона Атик. Чтобы одновременно получить несколько копий с одного экземпляра сочинения, текст диктовали соответствующему числу рабов, обученных писать хорошо и скоро. Для ускорения работы употребляли разного рода сокращения и значки.

Библиотеки имелись не только у отдельных частных лиц. Были публичные библиотеки как в Риме, так и в провинциальных городах. Первая общественная библиотека была устроена Азинием Поллионом в 33 г. до Р.Х., затем учреждены библиотеки Августом и другими императорами.

Глава 14

Разве это Галлюцинации?

Рассказ Будущего Юнги, Роксолана Младшего, прерывается вставкой от лица Капитана II ранга.

Принявшись за сочинение истории похода дирижабль-шхуны *Гадитана*, я почувствовал глубокую беспомощность в составлении текста, сопоставлении событий и их внутренних, тайных пружин. Чем дальше я размышляю, тем больше прихожу к мнению, что основными движущими силами являются туманные, клубящиеся в сознании (или подсознании) образы-эйдосы. И вот здесь, как только я дошёл до этого понимания, возник и вопрос, как их помещать на бумагу, в текст, размеченный простыми, телесными событиями: прыжок, мышечное усилие, автомобильная гонка? Меня, естественно, поманила мысль заимствовать какой-нибудь литературный прием, и я пересмотрел несколько романов, даже заглянул в Литературную Энциклопедию.

Ведь видения Роксолана действительно существуют? Я видел их и продолжаю видеть, это не просто ускользающий сон. Чем ближе вдумываюсь, начинаю записывать и переделывать написанное, тем чётче вижу детали. Я чувствую, слышу-обоняю запах травы *йевшан*, – так, как он защемил сердце в атриуме богатого дома Аэйлиана на Эсквилинском холме. Обостряется зрение, слух, обоняние. Ещё раз повторюсь – не смейте рассказывать мне сказки, будто такое можно купить в ампуле, бутылке или порошке. Да, я не верю в возможности наркотиков. Почему же это химическое воздействие возникает у меня в Части II (сце-

на с мисс Казэйлией в её баре "Красный манометр), и в Части III, во время феноменального маневра *Гадитаны* в воздушном бою над Мертвой Гаванью, когда в V отсеке мы на вантах гасили противобудар? Затрудняюсь ответить.

Вводить в текст видения из "прошлой" или "параллельной" жизни моих персонажей, из той жизни, с которой они связаны Леви-Брюлевыми нитями партиципации, под предлогом, будто это наркотические или гипнотические видения – я считаю нечестным и непорядочным. Это полная чепуха. Пробовали вы записать сон? Или хотя бы вспомнить его, не то, что записать? А пробовали вы записать сон, находясь при этом в нетрезвом виде, интоксикетед? В очень сильно пьяном виде, а?

Джек Лондон, если помните, крепко выпивая, положил себе правило: утром написать текст, пять тысяч слов (это примерно двадцать страниц машинописи), только после этого позволял себе первый за день коктейль, первую порцию виски.

Ментальный проектор – он и есть ментальный. Впрочем, не будем углубляться в эту тему – наркотики и литературное творчество. Среди писателей в достаточном количестве есть и наркоманы и алкоголики, согласен. Но я ни за что не поверю в творческую способность опьяняющего вещества. Никакой сок из мухоморов, на один алкогольный коктейль или ингаляционная наркозная машина не превратила внезапно бездарность в настоящего писателя. Не надо нам сказок. Видел я эти листики, исписанные моим братом *под кайфом*. Полная чушь, ничего интересного. И теперь вовсе он превратился в дебила. Я честно признаюсь: у меня внезапных озарений не было. Читаешь, слушаешь рассказы, видишь вещи (конечно, и в мультимедии я лазил, но там – вещи, электронные тени вещей) и начинает раскрываться *эйдос*. Другого, лёгкого пути нет. Штерчи давал мне одну книгу по истории города Помпеи. Исследователь, который просидел на раскопках в этом городе лет тридцать, пишет: «Жизнь этого ушедшего в историю города вы не увидите нигде в физическом мире.

Обнажённые из раскопов обломки зданий изучены самими раскопками и последующим пребыванием на открытом воздухе. В музеях рассеяны отдельные предметы, статуи, мозаики, извлечённые из этих домов – теперь уже зачастую неизвестно, что именно в котором из домов находилось. Так же немного дают и фрески на стенах, немногочисленные тексты.

Главный глаз – размышление».

Еще один литературный приём я отметил для себя – про генетическую память. Лет пятьдесят назад в русской литературе была такая струя – героям удавалось заглянуть в прошлое благодаря чудесным записям в клетках мозга. Со ссылкой на этнографа Тан-Богораза, писатель и учёный Иван Ефремов объяснял главы своего романа таким образом: "сновидения о прошлом могут относиться даже к палеолиту, потому что в их возникновении участвуют древние структуры мозга, сохранившие отпечатки прошлых времён".

Есть англоязычный термин "memory of generations", генетическая информация. Это, повторюсь, ещё один литературный приём, оправдывающий появление «чудесного окна», таинственно приоткрывающегося в прошлое.

О существовании поэта Марциала я узнал от моего старшего брата. А брат – из учебника Дурново, по которому стал изучать латинский язык. Господин Доктор очень досадовал сам на себя, за то, что этот учебник, в его представлении, был одним из последних камней, о которые споткнулся мой несчастный брат, уже летевший в эти дни в пропасть. Господин Доктор подозревает, что учебник потребовался брату всего лишь для того, чтобы подделывать аптечные рецепты на наркотические препараты.

В изложении г-на Доктора эта история выглядела так: Мой брат явился в приемную, по-видимому, это было в конце зимы, и спросил:

«– Дядя Трифон, у вас есть учебник латинского языка? Дадите ли? Я честное слово, не потеряю»

Г-н Доктор как-то неохотно пообещал: «– Ладно, я поеду в свой старый дом и поищу там в библиотеке. Кажется, был». Давать не хотелось, но и врать, – мол, нету, – было не с руки. Понадеялся, – забудет. Нет, не забыл, через неделю пришел за обещанным учебником. Уже стыдно было оправдываться. Но и вправду, не успел съездить в усадьбу. Извинился, пообещал молодому человеку твёрдо «через два дня приходи за учебником». Пришлось ехать в усадьбу.

В спешке, отыскивая, в пыльных стопках – не сыскалось простенького учебника Ярхо (а ведь точно был где-то), его было бы не жалко. Как назло, под руку попался как раз Дурново, блистательный, роскошный, остроумный, с большой хрестоматией, со вкусом, с Марциалисом. А вдруг, всё же, не придет? Пришёл.

«– На вот, А скажи, зачем тебе?»

«– Интересно – (Молодой человек сделал важное лицо) – А потом ведь в человеке должна быть загадка, должно быть необычное? Я, честно, не потеряю».

.....

Такой вот рассказ господина доктора про начало занятий моего брата латинским языком. Это был период лихорадочной, жадной погони брата за всем на свете, он догнал уходящий от него безвозвратно поезд. Так ему казалось.

Не знаю, что стало с учебником, не потерял ли его брат.

Недавно врач встретил меня на улице и обрадовался – так, наконец, у тебя всё в порядке? Уже здоров?

Нас многие путают, различают с большим трудом или вовсе не различают. К несчастью, наш молодой латинист уже совсем не похож на моего брата, стройного и дерзкого, каким он был в начале весны 2035 года. Во что он превратился в конце весны, таким и остается по настоящее время – безнадежно сгорбленным стариком, шаркающим инвалидом. Вся моя часть сокровищ ушла на его лечение, но всё без толку.

Глава 15 Грозовая ночь

Рассказывает Юнга

Когда я входил в гостиничный номер, занимаемый Штерчи, было уже около половины десятого. Мои мысли раздваивались между непонятными для меня, но очень твёрдо высказанными предупреждениями брата насчёт женщины, одетой в красное, и попытками осмыслить теорию Штерчи, относительно того, что, события сегодняшнего дня, 2035 года, тесно связаны с древностью восьмьсот пятидесятого года Ab Urbe Condita через проход в этрусских подземельях. Он, Штерчи говорил, помнится, в телефон: «Ещё Геродот писал о том, что в Донецких и Донских степях располагается вход в царство мёртвых. Историки-материалисты связывали это указание древнего автора с обилием курганов-захоронений в этих землях. Мог ли Геродот предвидеть, что земля здесь будет изрыта шахтами, загромождена терриконами?».

Перед тем, как подниматься в номер Штерчи, я ещё раз уселся за стойку рецепции, и минут десять разглядывал директорию телефонных номеров. В углу, поверх разграфлённой таблицы, были выведены рукой брата какие-то цветочки: по-видимому, во время ночного дежурства он вытягивал край директории и рисовал на нём. Может быть, он разговаривал в это время по телефону? «На обороте» – мелькнула у меня в голове догадка. Дрожащей рукой я

взял расчерченный плотный лист за обтрепанный угол и потянул из-под стекла...

«Кислород ___ 3-45», «Морг Малюта ___ 226-4435», «Прокуратура Сергей Николаевич ___ (зачеркнуто и затерто)», «Таможня Маргарита Николаевна ___***».

К месту или нет, но в дальней стороне листа мелким почерком значится следующее стихотворение:

*Сидела облачённая в порфиру
Багряную, блистая жемчугами
И золотом, и камнями драгими;
В ея руке была золотая чаша,
До края полная вином ея
Развертата; надпись на ея челе
Стояла: «Тайна, Вавилон великий,
Мать любодейства и земных развратов.»*

Мне казалось, что разгадка происходящего крутится под ногами, как дворовая собачонка. Брат, конечно же, всё понял; а я – не могу увязать разрозненные странички. Почему он говорит: «они там на третьем этаже убивают людей»? Неужели он имеет в виду нашего Доктора? Действительно, два дня назад родственники, приехавшие на запылённом автобусе, забирали из холодильника тело. Всё запутывалось сильнее и сильнее, мне нужна помощь, но её ждать совершенно неоткуда. Я посмотрел на часы. В холле царил полумрак, было довольно душно и жарко. Я взял дядину спортивную сумку и поплёлся было на лестничную площадку, но вернулся. От всего пережитого за эти непонятные недели я чувствовал сильную усталость; до такой степени, что физически не смог подниматься пешком. Вновь присев за столик рецепции, я пошарил в ящике, где обычно лежал лифтовой ключ. Рука не нашла его. «Он же всегда лежал здесь, ключ в виде большой буквы Т, со стандартной четырёхгранной ножкой» – подумал я и рука сразу вспомнила его удобную, отлитую из алюминия рукоять–поперечину. Куда же он делся?

.....

Прочитав переданную мной записку, Штерчи сделал странную вещь – в три приёма он съел её. Как? – Довольно просто, наклонившись над раковиной умывальника (вы же знаете, что два номера в нашей гостинице, выходящие на южную сторону, устроены таким образом: от входной двери справа -- фаянсовая раковина, зеркало, стеклянная полочка, вафельное полотенце). Штерчи, глядя в зеркало, отрывал длинные полоски от записки, прикладывал к губам зубную щётку и старательно жевал. И так три раза. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Твой дядя действительно участвовал в двадцать восьмом году в международных соревнованиях по люфт-яхтингу?». Я ответил искренне, что вообще сомневаюсь в правдивости рассказов о воздушных регатах, в которых будто бы участвуют тысячи баллунов-монгольфьеров и сотни дирижаблей.

«– Из тебя выйдет очень хороший бургер, мистер Роксолан. Ты, наверное, станешь владельцем этого отеля, расширишь дело, и у тебя всегда будут в достаточном количестве клиенты – сказал Штерчи. – Я бы хотел выпить за твоё здоровье, мы неплохо поработали». У него дёрнулся глаз, или это он подмигнул. Мне было трудно понять его. Казалось, он делает довольно дружелюбные жесты. Штерчи стал извиняться, что не может сейчас пойти со мной в ресторан, но это очень твёрдо запланировано. «Это за мой счёт, – сказал Штерчи, – отдельно от оплаты за работу. Давайте немного поговорим о деньгах».

Эта часть разговора была для меня привлекательной, понятной и очень существенной. Я твёрдо знал, что мне нужно через двенадцать дней иметь уже достаточную сумму, и взять денег совершенно неоткуда. Бумажечка с необходимыми расчетами была у меня заготовлена заранее, и я расписал по строкам, сколько Штерчи должен мне: «перевод -- ***», «сопровождение -- ***». «согласование вопросов -- ***»... и ещё что-то, не помню, но довольно правдоподобно. Внизу, в строчке «итого» всё сходилось на заветной для меня сумме в 4200 крон.

Штерчи посмотрел на меня внимательно, и опять у него дёрнулся левый глаз. «Пока мы немного подождём с этим

вопросом» – сказал он, и у меня внутри похолодело: «что он имеет в виду?». Штерчи сделал приглашающий жест – в гостиной был накрыт стол.

В окно дуло порывом ветра. За окном уже потемнело, сгущались тучи, вдали громыхнул гром. Штерчи посмотрел на часы.

«– Рим красивее всего во время грозы, это отмечают все путешественники. В XVIII и XIX веке грозы были ещё довольно часты. На рубеже I-II веков от Рождества, в девяносто седьмом году Anno Domini, лето было особенно грозное. Я читаю ещё немного из моей повести, ты должен, наконец, понимать, что ты есть – Роксолан (он произнес с ударением на ЧТО, и «Роксолан» было ответом на вопрос).

Глава 15 – фрагмент 2.
Роксолан и Стертиний в Риме

Повесть Штерчи – он сам называет произведение, над которым работает, «поэма-сценарий» – в оригинале написана на необычных, широких листах плотной бумаги. Насколько я смог рассмотреть, то, что итальянец читал, было записано в две, а то и в три колонки. Заполненная крупным почерком правая колонка даёт читаемый вслух, звучащий текст; в маргиналиях бисерным почерком впрессованы знаки действия, атмосферы, запахи и взгляды. Так издавались, в сложной вёрстке, поэмы XVIII века. Разумеется, в массовом издании, которое ты, читатель, держишь сейчас в руках, мы даём лишь бледный слепок.

**В священной роще видели огромного орла,
он сидел на опустевшем постаменте Чайзера
Двенадцатого.**

«– Говорят, сейчас в Урбс-Роме что-то особенно злое. Дядя обращался к этрусскому гадателю и тот провозвещает грозы – большие грозы. Сейчас год аб-урбекондита восемьсот пятидесятый. Тебе, Роксолан, это ничего не говорит? А зря. Великий Туллий – ты обязательно должен будешь хоть немного выучить из его речей, для развития твоего языка – был убит сто сорок лет назад. Тогда была гражданская война. За власть спорили божественные гиганты, властолюбцы, титаны. Помпей! Антоний! Божественный Юлий, наш первый Чайзр. Огромные военные корабли сошлись при Акции. И Фарсальская битва! – обязательно прочтёшь со своим учителем-ритором поэму Стаче «Фарсала».

Это – сто двадцать лет назад. И вот наконец Божественный Август, нашей любимой Рес-Публике, угнетённой заговорами и распрями, по приказанию Сэната-Поплюс-Кве Романских (Стертиний нараспев произносил священ-

ные для него формулы) – вернул наконец свободу-Либертас. Сорок лет длился золотой век спокойствия и благоденствия. Вергилий! Гораций! Меценат! Немного жаль сосланного Назона – но это была политическая необходимость. И, кроме того, он ведь вам... где-то там, у вас... (Стертиний сделал жест пальцами) Он же передавал вам, варварам, эстафету цивилизации».

Стертиний внимательно посмотрел на свой перстень, сравнил его с узором, вытканым по краю тоги, и добавил «Дядя говорит, золотому веку не вернуться. Серебряному веку цвести пурпуром». Затем Стертиний продолжил свою лекцию по истории города, в который они въезжали.

«– Сорок лет правил род Юлиев-Клавдиев. Ты говоришь, нашей Урбс-Ромой правили сорок лет развратные бабы, Агриппина, Мессалина, и помогала им Локуста? Ха-ха, откуда ты знаешь эти имена? Слышал? у себя в Скифии? Да нет же, это у вас на ваших болотах правят женщины-колдуньи. Я точно знаю. Об этом даже написано у Страбона. А у нас колдовство запрещено, и закон Юлия навсегда покончил с развратом. Мессалина казнена пятьдесят лет назад – вот здесь неподалёку, в садах Саллюстия».

«– Её тень видят здесь нередко – вдруг шёпотом добавил Стертиний. – Это всё колдовство иноземцев. Может быть чёрножопые сучки, Лампсакийские развратницы. Или нет, точнее всего – это виноваты иудеи, эти обрезанные пидары, нет ещё на них закона, всех бы их выселить. Собираются ночами под землёй, что-то там поют, и тревожат души казнённых...»

«Послушай, Роксолан. Что ты за чушь несёшь: «не будет Ромея, не будет Эллина, не будет Иудея» Ты наслушался в порту, в Брундизии? Какой-то Петр или Павел, приезжие из Иудеи, опять-таки? Роксолан, слушай. Только мы, Квиристы, потомки ахейцев, несём миру свет цивилизации. Мы несём свитки-либри. Ты послушай: Либертас-свобода. Прынчепс! Сэнатус! Поплюс-Кве!»

.....
«-- Па-Нэм – чиркен-Сэс! Па-Нэм – чиркен-Сэс!» – эти голоса приближаются со стороны Авентинского холма. Нужен ли специальный повод, чтобы затеять драку ночью, если ваша турба человек десять, не менее, и перед вами двое, одетые в хорошие, невытрепанные плащичерна? Разумеется, избиению должен предшествовать блатной спектакль*¹⁶

«Трес Агейос

.....»

.....

Описание уличной драки было дано у Штерчи в маргиналиях, очень техническими терминами, рассчитанными на кинематограф: «короткий выпад из третьей позиции», «трое нападающих делают типовой обхват», «пятая защита», «макроплан – рукоять кинжала» и т.д.

---

¹⁶ – *Штерчи довольно усердно штудировал русско-язычную литературу XX века и незачем удивляться его лексике

Глава 15 - Фрагмент 3

Грозовая ночь. Продолжение

Рассказывает Юнга

Штерчи закончил чтение. «– Вам это было интересно?», – спросил он. Я ответил правду: «— Интересно, но я не совсем ясно понимаю взаимоотношения героев. Почему они друг другу помогают?» Штерчи ответил: «Вы это начнёте понимать очень скоро». Он посмотрел на часы и погладил футляр, вынутый из дядиной сумки; затем отставил на тумбочку бутылки и бокалы, сдёрнул со стола скатерть и поставил футляр на стол. После этого он поднялся, вымыл руки, вытер их несколько раз углами полотенца, потом ещё раз об брюки, помахал ими в воздухе, достал из шкафа какой-то пакет, разодрал его и одел белые тонкие перчатки. Медленно он сдвинул с футляра плотно сидящую кожаную крышку, с непроницаемым лицом осмотрел содержимое, зачем-то поводит пальцем между бумажными валиками и, наконец, вынул один. Наугад. Уже известным мне по лекциям г-на Доктора жестом он медленно вывернул бумагу-чарту через «лобик» и сделал несколько витков. «Я вижу, кто-то у вас серьёзно интересуется Маркс-Валерийс-Мартья-Лисс», – устало сказал Штерчи. Секунду или две он сидел, вглядываясь в строки, и провернул валик ещё несколько раз, дальше.

С таким же непроницаемо-печальным лицом Штерчи вдруг резко поднялся. Стул отодвинулся, постоял на двух ножках и упал навзничь на ковёр. Штерчи высоко вскинул вверх обе руки, между ладонями которых за оси был зажат валик бумаги – *либрий*.

«-- О-о!» -- выдохнул Штерчи.

Он освободил одну руку и жестом скомандовал мне «Съёмка!», и ещё показал «сделай обход снизу». Я уже хорошо понимал его профессиональный язык и справился

с видеокамерой. Затем заезжий антрополог продемонстрировал, наверное, весь набор жестов итальянской пантомимы: он то прижимал футляр-*капса* к сердцу то целовал её, он одевал и снимал несколько раз крышку, он показывал в камеру содержимое только что раскрытой *капса* и пересчитывал пальцем свитки-либри, произнося громко: «Уно, Дос, Тре...» и так далее, до «Сеттимо» и показывал камере на пальцах: VII.

Любовно и бережно вынимал Штерчи *либель* из *капса* и садился в кресло, принимая позу с известной фрески «Пиндар» (Штерчи не поленился достать из своих чемоданов книгу и показал мне: Помпейя, аль-фреско, вилладей-Пиндар; показал и опять отдохновенно, свободно уселся в позу поэта, и только теперь я заметил, что у нас кресла точно такие как на фреске из Помпеи). Сколько времени это продолжалось? Не знаю. Как-то внезапно для меня, итальянец остановился.

Штерчи сделал мне жест «Баста, хватит» и разлил в бокалы вино. Неторжественно, буднично закрыл *капса*, поднял с пола стул, и уселся, как человек, выполнивший очень большую ответственную работу, как будто проводил на поезд опаздывавшего, и вот успели в последнюю минуту, и поезд уходит с принятым в движение человеком, Его глаза были печальны, смотрел он на меня с сожалением и интересом, чуть покачивая головой: «Так-так-так». И он прочитал.

.....

Он объяснил: «три поля жизни» – это три раза по двадцать два года. Глаза итальянца смотрели на меня взвешивающе, оценивающе. Звонok телефона прозвучал резко, длинно и настойчиво. Штерчи улыбнулся и протянул руку за трубкой:

«—Спасибо, мадам *** отдыхаю очень хорошо. О-о, никаких планов на вечер, просто отдыхать в своём номере, просмотреть отснятые сюжеты... Совершенно ничего нового. Однако очень сильная надежда и положительные данные за находку самым ближайшим временем». Разговаривая по телефону с неизвестной мне дамой, он жестами командовал мне: «К шкафу. Взять сумку, поставить на кровать. Не так, переставить чемоданы, сумку туда, сумку сюда». Как-то между делом, по ходу суетного переставления, возле ног итальянца оказался дядин подарок, необычно тяжёлая кожаная сумочка.

«—Извините, мадам***, я должен на минуту прерваться, хочу сделать распоряжения в ресторан» – и Штерчи протянул мне деньги. Опустив к ноге руку, глядя на меня, он пошарил, из сумки появилась и легла на пол чёрная однорогоя коробочка, наощупь он нажал на какую-то кнопку и, после короткого шипения, послышался голос: «Что он делает?».

Послышался треск, шипение и затем внезапно чистый голос сказал: «Отдаёт какие-то распоряжения. Только что читал стихи на каких-то свёрнутых листах. Хранит из в каком-то футляре вроде кастрюли. Скакал, как сумасшедший. Похоже, уже принял свою дозу».

Женский голос, где-то в другом конце города, отвечал наблюдателю: «Законченный кокаинист. Как нам трудно работать».

.....

Я стоял на самой нижней, подвальной площадке лифта и глядел вслед маленькому черному человеку, удаляющемуся вдаль подземного коридора. В одной руке у меня лежал лифтовой ключ, второй я прижимал к уху радиостанцию воки-токи. Штерчи был прав, отдавая мне однорогою коробочку. Понять содержание переговоров было довольно сложно. По голосам и манере речи, впрочем, я уже начал их различать: Мадам, Наблюдатель, Гончий и два Волкодава. Тогда я мало знал жизнь своего города, меня породил и выкормил тесный благоустроенный мирок

и окружали страхи. Пугали все «они» -- чужие, чужаки, без различия градаций. Сейчас я слышу в переговорнике, как к оставшемуся в одиночестве, засыпающему Штерчи подкрадываются трусливые, хищные, дерзкие упыри. Этих, никогда не виданных мной, я представлял обряженными в полный маскарадный набор second-hand, заимствованный на складе телевизионного бутафора: чёрные очки, чёрные автомобили, чёрные костюмы, чёрные пистолеты с длинными глушителями. Их лексикон – оттуда же. В моём тогдашнем сознании всё было смешано, я даже совсем не умел различать разновидности небогатой фауны наших Меотийских болот, думал что это -- Сила. Случайные оборванцы, ограбившие меня, в стельку пьяного, три месяца назад, безжалостные карьеристы, избивавшие в подвале моего брата, какие-то тени из дремучего прошлого, развороченного итальянцем-антропологом. Те, кто умело связав жертве проволокой запястья за спиной, одновременно с выстрелом из револьвера в затылок, пинают обмякающее тело, пока оно ещё стоит на ногах, сапогом в поясницу – чтобы жене не приходилось слишком часто стирать гимнастёрку.

Что я смог разобрать? У Мадам Ву – ей подчинялась вся свора -- хватало ума понимать, что сам Штерчи нужен им в такой же степени, как и рукописи. Её образование коммерсанта давало представление о той колоссальной разнице в цене, которую определяет *бренд*, происхождение товара и его подача. Версия о том, что Штерчи является законным владельцем и наследником копии-коллажи, искусно выполненной Вернером фон Маннхеймом сто лет назад с каких-то древних рукописей, имеющей сугубо научную и фамильную ценность, не более того – вполне их устраивала. Как они рассчитывали действовать после пересечения границы Бархатного Занавеса? Как сохранить власть над Штерчи к моменту, когда рукописи будут признаны подлинными и выставлены на аукцион?...

Наверное, эти вопросы пришли ко мне уже позже. Тогда, готовясь перейти мостовой переход через Шпитальный переулок, из старого корпуса в новый, я лишь замечал

где-то в углу сознания, какие паутинные соображения спасают Штерчи от сиюминутной гибели.

«—Не беспокойтесь, мадам Ву, возьмём его тёпленького, как иисусика», -- это звучит юный самонадеянный голос Гончего. Через верхний срез светового окна (когда-то тротуар был на метр-полтора ниже, чем сейчас) видно, как сильный ветер нёс откуда-то сухой тополиный лист (апрель!) и в зеленоватом ртутном свете фонаря лист омертвел и засиял, будто была осень. Из невнятных слов Наблюдателя угадываю: Штерчи лежит у себя в номере, упав грудью на стол, делает руками плавные, необычные движения в круге света под зелёной лампой, и пытается записывать словами неведомое никому. Механизм часов микрометрически незаметно придвигает всё ближе и ближе к тёпловкровному итальянцу вечно-голодные тени в капюшонах.

Не дождётесь.

.....

Ботинки. На что же я надену ботинки «Кэмел»? Я гляжу на муляж «голова-грудь», уложенный на каталку. Годится. Ниже. Акушерский фантом. Укрываю одеялом, сверху простыня – получается довольно похоже на лежащего человека. Издали, из переулка, когда я покачу каталку по переходу. И вот -- на тебе! – всё пропало, полный СТОП с этими ботинками. Без ботинок это не пройдёт. В нашем городе любой узнал бы итальянца издали, в полумраке, в свете уличной ртутной лампы, падающем через переплёт больших окон в стиле конструктивизма, по его шикарным, сверхдобротным, на толстючей вездеходной подошве ботинкам «Кэмел», и как раз с этим у меня заело. Всё шло хорошо, как-то легко, само собой. Бегом вниз, в учебную комнату, где теснятся муляжи; затем в обнимку с ним наверх, в расширителе перед переходом укладываю его на каталку (вторая каталка, точно такая же, стоит в коридоре возле гнойной операционной – я бегом туда и обратно, убедился)

Впечатлённый рассказом Штерчи, я поправляю себя. Это будет не цирковой номер; не *цирк* и не *тхэатер*,

это будет *АМФИ-тхэатер*. Мой номер в *амфи*- я назову «проход малого с ботинками перед носом Гончего», что-то полукомическое, вставка между гладиаторскими побишцами.

Я представляю себе, какой он, этот Гончий, там, в автомобиле, в узком Кузнечном переулке, на позиции, отсекающей северную сторону нашего Гостевого двора от Нового Шпиталя. Наверняка на коленях у него лежит карабин с глушителем, ведь расстояние небольшое и винтовка – излишне мощное средство для такой дистанции*. Через щель между шторами мне хорошо виден автомобиль в переулке. Ветки угловых деревьев ещё не укрылись листвой по настоящему.

.....

Удача. В лихорадочном мельтешении мыслей блеснуло хромированным металлом: «в операционную». То, что мне нужно – в операционной. Точнее – в предоперационной, в стеклянном шкафу слева. Мы называем эту штуку просто: «гинекологическая операция».

«—Что подать?» «—Гинекологическая операция».

* Меня удивляет, как молодёжь того времени была падка на рекламу, которой *gun lobby* – торговцы стрелковым оружием – умело насыщало голливудские и мосфильмовские ленты; вот и сам я тогда с интересом и трепетом изучивал технические характеристики и матчасть никому не нужного металлического хлама – пистолетов, пулемётов и винтовок (Прим. Ка-II-ранга, 2065 г.)

Глава 16
«Дирижабль, борт ВРМ-64»
«5.V.2035 1.00 – 13.00»

В деревне Юнга продолжает составлять отчет о событиях грозовой ночи.

За окном – среднерусское лето, и полным ходом идет подготовка к экспедиции. Полковник и приехавший из Санкт-Петербурга офицер-подводник сутками пропадают возле курс-автомата, извлечённого из подземелья во дворе дома «Сумская сто-бис»,

Моё задание – писать подробный отчет об экспедиции и её предыстории; и вот после завтрака я усаживаюсь за стол, выкладываю бумаги и предыдущие черновики. Итак.

В ту ночь итальянец Штерчи, приезжий охотник за баснословными рукописями Марциала, был взят Люфтгайстом, дружески вознесен, мягко взвинчен в нижние, быстро летящие клочья многоярусной облачности. Там, уравновесившись, он нашел покой -- нижний ветер дул ровно -- и ушел от обложившей его плотным кольцом стаи. Прощаясь со мной на крыше, Штерчи сказал:

«– Вы должны стряхнуть эту солнечную истому. *Штмуди!*»

«– Не беспокойся за камеру», – сказал я ему. Штерчи поправил на груди лямки подвесной системы, махнул рукой и умело оттолкнулся: вначале ногами, из глубокого приседа, будто в китайской гимнастике. Его подошвы отделились от крыши, и я увидел, как разложенный во всю длину хлыст-удочка (у аэронавтов это называется *стимул*) продолжает толчок, сообщает еще дополнительное

движение, и Штерчи уходит вверх все быстрее: это будто бы полет на рапире из каких-то мистических книг, или из забытых сновидений. Необычная темнота, затопившая весь наш район, не удивляла в эту ночь – на город обрушился ураган и было много обрывов проводов. Автомобильная мощная фара-искатель из переулка скользнула по краю здания, нащупала в воздухе Штерчи: всё быстрее уносимый ветром, он успел-таки. Итальянец потряс в воздухе *капсу*, затем закатил выше локтя правый рукав и сделал в адрес невидимого прожекториста неприличный жест «нако-ся!», известный, оказывается, не только одним нам славянам, но также и итальянцам, наследникам великой Урбс-Ромы. Мог ли он знать, что в эфире стоит сплошной треск разрядов, и загонщики остались без распоряжений?

Наш, роксоланский ветер спрятал итальянца Штерчи, как ночь, степь и конь -- унесшие в его повести Роксолана.

.....

Alone, alone, all all alone
Alone in wide wide sea

Кто вам сказал, что в грозу небо безлюдно? Довольно скоро уже метка воздушной шлюпки появилась на экранах учебного дирижабль-корвета. По счастливому стечению обстоятельств на пятые сутки учебного похода борт ..... должен был выходить на «Линию Михаила Булгакова», как называют воздушники этот юго-западный угол.

Воздушные корабли – дирижабли, гордые парусники неба, возродились из недавней истории. Они зареяли над материковыми воздушными морями Евразии, как зримый символ свободы, экологического мышления и обновления. Одно-два десятилетия спортивного люфт-яхтинга, юбилейные соревнования и регаты, несколько телевизионных сериалов. И вот уже аэрологические шхуны-дирижабли стали излюбленным местом службы возрождающегося российского имперского дворянства. Фамилии со славян-

скими, немецкими, шведскими, киргизскими, татарскими корнями – перечислишь ли всех, кому нелегкая и опасная служба воздушника открыла дорогу к вершинам власти, бизнеса, или военной карьеры?

Штерчи, неплохой спортсмен-аэронавт, плавно и чётко выполнил подъём на установленный ему в полетном задании уровень-горизонт полета 620*¹⁷, и стоило видеть как он стабилизировался. Его тренированный мозг математика превратил отсчёты вариометра и высотомера в серию слабеньких, едва заметных хлопков клапанной верёвки, как пианиссимо смычка. Это был очень экономный маневр, ведь Штерчи не известно, на сколько полетного времени ему придется растягивать запас газа и балласта. Огни города уже давно уплыли из-под ног, размытые низкими облаками в слабо светящееся пятно. Может быть, именно сейчас Штерчи твердил вынесенные нами в эпиграф строки из Кольриджа, что так нравились русскому поэту Гумилеву. А может быть, сидя в петле-лямке, один среди стихий и элементов, он вбирает в себя поэтическое переживание, стараясь отлить его в слова - и жалеет, что нет средства почувствовать это ещё острее.

Корабль уже давно видел Штерчи. Аппаратура первого отсека составляет едва не четверть всего полезного веса на люфт-корветах дальнего наблюдения; ею корабль ловит импульсы множества диапазонов, фильтрует эти сигналы через огромную память бортового компьютера. Бесшумно парящий в облаках дирижабль-невидимка накрывает своей защитой воздушное пространство размером с небольшую европейскую страну. Старший радист-наблюдатель первого борта покачал головой, ещё раз подстроил приборы, и уверенно сказал в борт-связь:

«– Справа по носу прЭдмет! Наш эшелон, двенадцатый. Воздушная скорость ноль».

¹⁷ – горизонт задан по анероиду, в миллиметрах. «Подъём на каждые сто метров соответствует уменьшению давления на 11 миллиметров рт. ст. (Справочник воздушника)»

Отданы команды из центрального поста: рулевым, машинному отсеку, прожектористу. Прозвенела в отсеках, волнуя курсантов, учебная тревога. Корабль накренился, ложась в циркуляцию. На мостике правого борта, сдвинув бескозырку, прильнул к стереотрубе вахтенный сигнальщик*¹⁸ и возле него, конечно же, двое курсантов, в гордом восторге от своих новеньких цифровых биноклей.

Промигал сигнал узким синим лучом, туда, в темень, где скрывается крошечная воздушная шляпочка, баллон-прыгун. У воздушников – это средство индивидуального спасения, вроде надувной лодки на море. Штерчи, уже порядком промерзший и измученный болтанкой, блуждает мыслями по безлюдным полям украинского Апокалипсиса (какими были они, лежащие там внизу пашни, сто лет назад). Луч никому больше не видим – одному итальянцу он принес сигнал на языке общем для моряков и воздухоплатвателей: "Вас вижу. Иду на помощь".

Швартовка удалась с первого захода. Итальянцу хорошо виден в отсветах далеких грозových вспышек тусклый борт дирижабля. Он медленно и неуклонно приближается, из-под него чёрной тенью скользит "рыбка-лоцман", беспилотный мини-дирижабль. Красный фонарик его левого навигационного огня все глубже обходит баллониста, заводя причальную растяжку; и вот уже Штерчи зацепил невидимую нить хлыстом-удилищем, подтянул и держит лесу в пальцах. Ещё одна связь с кораблем, теперь уже осязаемая – тяга, дружеское тонкое усилие. Это уверенность. Такая же, как давеча на крыше, когда пальцы Штерчи застёгивали титановые пряжки-замки подвески, когда он сматривал стропы, уходящие вверх к заполняющемуся га-

¹⁸ – Сигнальщик – матрос или старшина на дирижабле, выполняющий обязанности по ведению наблюдения и сигналопроизводству. Наблюдение за наземной и воздушной обстановкой (по всему горизонту, или в назначенном секторе) сигнальщики ведут визуально, с помощью биноклей, стереотруб и др. оптических средств (Воен. энциклопедия)

зом баллону-прыгуну. Мельком просмотрел он тогда стандартную армейскую укладку: радиомаяк, фонарик, высьтомер, нож, верёвка, компас, планшетик с полётным заданием. «Порядок».

... Корабль ещё не полностью погасил скорость. Чтобы избежать опасного рывка, Штерчи отдаёт балласт и уходит всё выше, лесовая нить причальной растяжки скользит в его чутких пальцах: Как рыбак, на хребте корабля, в красном свете фонарика стоит, широко расставив ноги человек в каких-то галошах-снегоступах. Через его руки уходит нить растяжки, и он начинает знаками показывать Штерчи: "притормаживай, эй-эй!". Да вот уже он выбирает нить, притягивая к себе баллониста, и делает приглашающие жесты "Сюда! Давай-ка!"

Далеко не всем посчастливилось хотя бы раз в жизни *ходить на люфтах* (мой вам совет: в кампании воздушников, люфتمانов, не стоит говорить *плавал по воздуху* – вас могут поправить, и не в самой деликатной форме). Такой, или такая, обделённые, не могут себе даже представить, какой уютной может быть ночью кают-компания дирижабельной шхуны. Это помещение, казалось бы совсем небольшое – всего лишь сто восемьдесят сантиметров в ширину – располагается на нижней, пассажирской палубе. (Она у средних дирижаблей, как известно, располагается внизу, в гондоле, выступающей вниз из-под киля воздушного корабля) Оно способно вместить... Да впрочем, вы сами через несколько часов увидите, сколько человек способна вместить кают-компания среднего дирижабля, когда сюда набьются на рецитацию Штерчи все свободные от вахты гардемарины – воздушные курсанты. Так вот, в гондоле, позади ходовой рубки с её мостиками и штурманским столиком, и размещается кают-компания. Это вытянутое в длину помещение, два метра тридцать сантиметров высотой, шесть метров двадцать сантиметров длиной – если считать от кевларовой переборки, разделяющей рубку и пассажирскую палубу, и до маленькой дверцы в

хвостовой части гондолы, за которой, как известно каждому, галюн и запасной трап в киль.

Может быть, эти строки читает человек, бывавший на дизель-подлодках. Да, действительно, габариты помещений практически те же самые; но там, пожалуй, сильно давит окружающая толща воды. Здесь же – широкие иллюминаторы, само ощущение огромного воздушного пространства, живого газового моря, начинающегося сразу за тонкой дюралеевой стенкой. Здесь – возможность (конечно, если вы новичок и вам всё такое в охотку) бесконечно любоваться меняющимися видами. Сейчас Штерчи сидит на диванчике за столом старших офицеров, как раз в самом уютном углу, возле камбузного окошка, и перед ним на подносе кофе, бутерброды, шоколад. Закутанный пледом Штерчи разглядывает дубовую отделку стен и стоек, и пытается в тусклом свете красного ночного фонаря (ведь на учебном борту порядки, как в настоящем боевом походе и глаза всех вахтенных должны быть готовы к осмотру темного пространства, обтекающего со всех сторон воздушный корабль) разобрать названия на корешках книг, так плотно наставленных в прозрачных ящиках под потолком. Отложил бы он до завтра это безнадёжное занятие. Ноги Штерчи, засунутые в унты, отогреваются всё сильнее, его клонит в сон, и проносятся счастливые мысли. Слова в голове складывались окончательно, правильно, и он видел, наконец расчисленной, завершённой свою поэму "Харон Танайский". Итальянец достал блокнот, включил настенный ночничок и, устроившись поудобней, стал быстро записывать. Подкрадывающийся сон может вот-вот безнадёжно разрушить хрупкую вязь слов.

Опустим описание знакомства, приветствия и взаимные представления – стандартные события, окружающие новоприбывшего на борт. Тем более, если это спасённый. Скажу только, что приведенный в кают-компанию Штерчи с нескрываемым (пожалуй, даже нарочно наигранным, преувеличенным) удивлением слышал славянские буквы на-

грудной нашивки старшего боцмана, и табельную бляшку на своей подвесной системе, из которой он наконец освобождился. И здесь и там стояло одно слово.

Штерчи прочитал вслух: «Смелый», - и посмотрел в глаза помощнику. «– Конечно *Смелый* – отвечал помощник. – Спасибо от имени и по поручению командира корабля, за возвращение штатного имущества на борт». Так довольно казенно заговорил вначале старший помощник, и затем, переходя на нормальный человеческий тон, сказал:

«– С хорошим подъёмом вас, господин...» – и он замаялся.

«– Штерчи д'Авитс, антрополог».

«– Ещё раз добро пожаловать на борт *Смелого*, господин антрополог. Боцман, примите у господина антрополога возвращённый на борт штатный инвентарь».

Человек необычно низкого роста, с тёмно-загорелым лицом и орлиным носом индейского вождя (был бы там мой брат, он сразу бы узнал этого человека) значительно и степенно подошёл к сидящему за столом старших офицеров, внимательно посмотрел в глаза и с уважением пожал руку.

«– Вот тут и вот тут распишитесь, пожалуйста. Your signature, please.»

Штерчи, порядком укачавшемуся за полтора часа ожидания *на горизонте*, там, в тесной петле-лямке шарапрыгуна, стало казаться, что продолжается счастливый сон. Он дописывал торопливо всё, что сложилось в голове, самые главные, недостающие в поэме главки.

*«СССР В-3» посвящается
Советский дирижабль над Святыми горами
Люфт-яхта Харона.*

*Капитан уже привык читать в газетах некрологи
недавних своих пассажиров.*

Вакхическая ладья в залитом лунным светом мире.

*Патроны в нагане, который
лежит под расшитой узорно –
пуховой подушкой в охотничьем доме.*

«Перевези нас на тот берег.

«В ничейную степь, в ковыль, stipa ukrainica.

«Ох йевшан-трава, трава памяти

«Горький запах твой, Дыкае Поле».

Год тридцать третий, сто лет назад. Антропология:

Communistae Ukrainicae

Poetae U.

Nauarchi aeolii U.¹⁹

*Умершие от голода фермеры. Выжившие каннибалы.
Ещё четыре года, и корабль уйдёт на север, в неизвест-
ность. В неизвестность канешь ты, командир воздушной
яхты.*

*Пока, сегодня утром, прочитай и распишись, что озна-
комлен: Газета "Правда", пятьдесят восьмая-прим, па-
раграф "Бэ":*

*«Перелетевшего через границу (родительный надеж ко-
го-чего)*

Невозвращения семью,

*Детей включительно с двенадцатилетнего возраста
Высылать в Сибирь на десять лет».*

*Историк назвал эту эпоху "тридцатилетняя европейская
война". Среди тысяч человеческих трагедий того време-
ни события в Дыком Поле выделяются необыкновенной
чистотой рисунка и первобытной простотой декораций:*

¹⁹ – (лат. антропологич. термины) «украинские коммунисты», «украинские поэты», «украинские командиры дирижаблей»

*ночь, луна, меловой обрыв, Река и за рекой – пустыня. На
восток уходит тенью огромный и комфортный дири-
жабль ЭльЦет-127 "Граф Цеппелин", в кругосветное
воздушное плавание. Корабли отдали друг другу салют
флагами, и курсы их разошлись.*

Штерчи поглядел через иллюминатор в ночную темень, в
отдаленные сполохи утихшей грозы. Где-нибудь среди об-
лаков покажется мираж, тень давно прошедшего здесь
воздушного гиганта. От бывалых люфт-манов можно ус-
лышать сколько угодно таких историй. Ему оставалось за-
писать последнее, костяк завершающего раздела.

*Огромная волна инверсии – удушливое одеяло тяжелого
воздуха от подмосковных пожаров – накрыла всю эту
страну. Мироощущение христианское ушло на дно, как
затонувший город.*

*Из ладьи, усыпанной цветами, опавшими лепестками роз,
Усевшись на борту гондолы, как на подоконник, глядят
обнаженные вакханки вниз на монастырь.*

*Крепкий, лысый – владелец яхты –
растегнув китель, с обнажённой татуированной гру-
дью, грузно оперишь на бедро своего юного адъютанта-
зазнобы велит, чтоб передали в рубку капитану:*

"Ищи! Ищи, найдется обязательно то место

*Откуда мы увидим, что монахи живы
вернулись все из Соловков и служат
и молятся за нас за грешных."*

Наутро будут найдены в лесу, в охотничьей избушке

Два трупа обнявшиеся: лысый и его зазноба-хотий.

*Партийная газета объяснит: ушёл из жизни, совершил
акт малодушный – запутавшись в своих антисоветских
связях.*

*Свetaет. Яхта-дирижабль снижается, и из тумана
всплывают золотые купола монастыря. Всё ближе грунт
и выше монастырь.*

.....

Штерчи с особым удовольствием произнес, вроде про себя, но шевеля губами: «ушёл, запутавшись в своих антисоветских связях». Он поднял голову от блокнота, и посмотрел на входящего старшего помощника. Тот уже успел в очередной раз обойти корабль – от самой кормовой, палубы мотористов, через длинный килевой коридор, мимо балластных и топливных ёмкостей, поглядывая на провода, тросы и растяжки, прислушиваясь к гулу винтов и скрипу шарниров фермы – до самого центрального поста. Ловко спустился с перископной площадки в рубку, поговорил с рулевым и сигнальщиком – и вошёл на пассажирскую палубу. Переборку, как полагается, он закрыл за собою ключом, как железнодорожник тамбур, или как мы с братом на дежурстве лязгаем стальными дверями нашего злополучного лифта.

«– Господин старший лейтенант, – сказал закутанный Штерчи, ласково поглаживая блокнот и полированное дерево стола, – я ушёл, – и он показал пальцем, как вьётся вверх дымок, – запутавшись в своих антисоветских связях». Штерчи и вправду вспомнил с тяжелым огорчением всю болотную живность, налипшую и присосавшуюся к нему в нашем городе.

«– Да господин антрополог, бывает там такое на грунте, заводится. – Старший помощник протянул Штерчи бумаги. – Это ваше временное удостоверение. Это месседж из Москвы. А это распечатка-план нашего похода на текущие сутки. Идём на Тор-Солёный, господин Штерчи, там очень красивый монастырь. Многие иностранцы мечтают о такой прогулке».

«– Как жаль. То есть я счастлив, но моя камера осталась там, – от волнения и досады он не мог подобрать слово и показал пальцем, – ...на дне».

«– На грунте» – подсказал старпом.

«– Да, на грунте».

«– А у нас на дальних номерах знаете ли, оптика "Кэнон". Ваши репортажи из Бразилии и Афганистана все у нас смотрели, вы же камерамэн от бога. Отвизируете с мости-

ка, а мы вам копию бортовой съемки на сидючок-то сбросим и готово, получите сувенир со *Смелого*. MPEG-двенадцатый у нас пишется в бортовой архив – устроит вас такое качество?»

Штерчи заметно повеселел, хотя, наверное, не до конца ещё поверил в такое свое счастье. Вдруг ему в голову пришла мысль, и зажгла честолюбие поэта:

«– Я бы хотел сделать маленькое представление для ваших курсантов, когда завершится облёт монастыря».

«– Будет доложено. Учебный поход, пятые сутки, обычное время для депрессивных реакций. Угасает мотивация. Думаю, командир одобрит. Ещё кофе?»

Итак, в ночь пятого мая, накануне новолуния, итальянец Штерчи плыл по воздуху к меловым обрывам Святых гор. Дирижабль-корвет нёс мягко, острым телом пронизывая весенний воздух. Это был тот самый, знаменитый маршрут мистиков "Летите из Москвы на юг".

Уже полдень.

А теперь обещанное зрелище: кают-компания тесно заполнена. Курсанты-воздушники, все десять человек здесь, по распоряжению командира корабля. Сам капитан и старпом скромно выглядывают в открытую дверь из рубки, и мотористы здесь тоже, за исключением вахтенного²⁰, теснятся в кормовом кармане кают-компании, позади крошечного камбуза. Люфт-мичманá, гардемарины – юноши и девушки, зубрившие до одури тригонометрию и векторную алгебру, истиравшие пальцы вязанием хитроумных узлов, отдежурившие не один десяток ночей в бараках швартовочной команды, где в любую минуту дня (а гораздо чаще ночи) громкоговорители вдруг выкрикивают то самое, что будет сниться потом годами: Groundhandlers to duty!²¹

Всё для того, чтобы удостоиться высшего счастья -- пойти в настоящую "автономку" (учебный поход-дежурство

²⁰ – шхуна идёт малым ходом под одним винтомотором

²¹ – (англ.) «Швартовщики на поле!»

на максимальную продолжительность). Сон по два-три часа между вахтами, литр воды на человека в сутки, и будь внимателен не оступись на килевой тропе, когда идёшь с риггером на осмотр клапанов, вентиляторов, баллонетов и штуртросов. Вообразите себе, у некоторых особо счастливых даже отрастает особая походная щетина, то что они называют между собой "Das Boot".

Вот для этой кают-компании романтиков, честолюбивых и образованных молодых офицеров, мичманов-гардемаринов читал по памяти итальянец Штерчи записанный ночью текст на русском языке. Желанный гость, таинственный незнакомец. (Как все догадывались, состоящий в какой-то, не требующей именованя службе к командованию, раз был принят так необычно на борт этот ночной прыгун). И вдобавок – авантюрист, поэт, отпрыск аристократического рода, отважный спортсмен. Конечно же, свой для этой кают-компании. Счастливая рецитация в благодатной аудитории досталась итальянцу в награду. Похоже, капитан доволен, он считает, что это подарок для курсантов. Штерчи раскраснелся от аплодисментов, благодарит прижимая правую ладонь к сердцу, делает жест старпому, шепчется и получает добро. Штерчи на "бис" читает, тоже по памяти - с интонациями, играя голосом, "Чужестранец" Бодлэра, по-французски...

Пожалуй, пора заканчивать эту главу. Скажи, Штерчи, можно я закончу её вот этим твоим четверостишьем?

Умывшие свои лица чистым спиртом.
Для них самый верный наркотик, сильней и крепче
От него никогда не отвыкнуть, не забыть
Свободный полет в ночи

Господин доктор дописал, по своей обычной педантичности: «Обычай применять для гигиенических целей спирт был заведен еще на германском подводном флоте в первую мировую войну – вода, как и на дирижаблях, расходуется у подводников крайне экономно, в основном только для питья».

Мясника мне,
трактирщика и
баню
Брадобрея и ка-
мешки с доскою,
Да немного моих
любимых кни-
жек,
Друга, лишь бы он
был не полный
неуч
Безбородого маль-
чика-подростка
И лобезную маль-
чику девчонку, –
Дай мне всё это,
Руф, хотя б в Бу-
тунтах,
И бери себе термы
ты Нерона.

MVM II:48, перевод
Ф. Петровского

COPONEM:LANIVMQVE:
BALNEVMQVE
TONSOREM:TABVLAMQVE:
CALCVLOSQVE
ET: PAVCOS:SED:VT:ELIGAM:
LIBELLOS
VNVM:NON:NIMIVM:RVDEM:
SODALEM
ET:GRANDEM:PVERVM:
DIVQVE:LEVEM
ET: CARAM: PVERO:MEO:
PVELLAM

HAEC:PRAESTA:MIHI:RVFE:
VEL:BVTVNTIS
ET:THERMAS:TIBI:HABE:
NERONIANAS

VXOREM:NOLO:TELESINAM
DVCERE:QVARE
MOECHA:EST:SED:PVERIS
DAT:TELESINA:VOLO

QVOD:FELLAS:ET:AQVAM
POTAS:NIL:LESBIA:PECCAS
QVA:TIBI:PARTE:OPVS:EST
LESBIA:SVMIS:AQVAM

Глава 17

Ладья Харона Танайского
Фантазия итальянца Штерчи на тему украинской
истории 1930-х годов

Открывая пир «между берегами», на дирижабельной ладье, качающейся в эфирных волнах, председательствующий читал и сегодня, как всегда, восьмистишие о радостях скромного благополучия: «всё есть у нас, всего в достатке...» – переводил он с листа. И ухмылялся: «а знали бы вы, какие тут дальше сразу за этим идут стишки, сорок девятое – эх...! А вот ещё, пятидесятое!...»

Были на борту прогулочного дирижабля-яхты несколько других книг, кроме Марциала. Но именно все подобранные в духе этого стихотворения, замечательного прозрачной чистотой детского гедонизма «...и лишь несколько, но избранных мной, книжонок» (II:48, 3). Две или три книжечки поэтические начала XX века, серебряный век русской поэзии. Французские – наверное, Бодлэр и Верхарн. Расин, что странно. Жуковский – отдельное издание “Странствующего Жида”. Евангелие и несколько украинских поэзий – кажется, Агатангел Крымский.

И Гамарник любил кататься. И Постышев тоже хотел покататься над вольными степями – уже готовили дирижабль к подъёму, когда его вызвали в Москву. Не успел.

Хозяином воздушной яхты, дирижабля В-3, красивой американской игрушки, когда-то был товарищ Скрипник, старый большевик, избалованный

в национализме и потворстве национал-уклонистам. Широко образована людына, еще по царской гимназии блестяще владеющий латынью, товарищ Скрипник и завёл здесь эти порядки.

Теперь вот Любченки заказали готовить яхту к воздушной прогулке – сам Панас, его жена, дочь-студентка. Любченко, бывший боротьбист, разделявший взгляды Власа Чубаря, был худеньким человеком с редкой бородой. Лицо, по описаниям, одухотворенное, интеллигентное. Проявил непоколебимую твердость во время коллективизации.

**по Роберту Конквесту,
выписки сделанные Штерчи в местных библиотеках**

Значительная часть украинской Коммунистической партии составила из бывших эс-эров. Их головная организация на Украине имела национальную окраску и называлась «Боротьбисты». Эта партия была распущена в 1920 г. и её члены вступили в Компартию.

В июле 1923 г. главой Совнаркома Украины стал Влас Чубарь. В 1925 г. первым секретарем ЦК КП(б)У назначен Каганович; в июле 1928 г. Сталин его снимает, «чем подкупил украинцев». На место Кагановича назначен Станислав Косиор – «низкорослый лысый долгоголовый поляк, беззаветно преданный Сталину вплоть до периода ежовщины».

В марте-апреле 1930 г. в Харькове НКВД проводится так называемый «процесс над Спилкой вызволения Украины». По этому делу проходили сорок два ведущих деятеля культуры Украины.

«Только старый большевик Скрипник, возглавлявший Наркомат образования Украинской республики, все ещё оставался защитником остатков украинской культуры»

В связи с войной, которую Сталин проводил против крестьянства, высшее партийное руководство Украины было поставлено в безвыходную ситуацию и не могло оказывать сопротивление Москве, как это позволял себе Скрипник. Очевидно, эти руководители, беспрекословно

выполнившие в республике приказы Сталина о коллективизации, почувствовали себя ошеломленными и опустошёнными. В начале 1933 г. были сняты с должностей трое из семи секретарей обкомов, три члена Политбюро и Секретариата ЦК КП(б)У. С неограниченными полномочиями из Москвы прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Постышев.

8-11 июля 1933 г. в прессе проведен «критический залп» в адрес Скрипника, затем – ещё одна газетная компания, с обвинениями в национализме. 7 июля 1933 г. Скрипник совершает самоубийство. Его протеже писатель Хвильовый совершил самоубийство незадолго перед этим.

В 1934 году на Украину пребывает новый руководитель ОГПУ Балицкий. В начале 1937 г. «Постышев устарел».

В августе 1938 г. в Киев прибыла комиссия в составе Молотова, Хрущёва и Ежова, в сопровождении значительных сил спецвойск НКВД. На пленуме Украинского ЦК Молотов предложил снять с должности Косиора, Петровского, Любченко и других, и выбрать первым секретарём Хрущёва. В конце концов, после претирательства, Молотов предложил украинскому Политбюро отправиться в Москву на объединённое заседание с Политбюро ЦК ВКП(б).

30 августа произошло коллективное самоубийство семьи Любченко.

Основную часть библиотечки на дирижабль-яхту принес именно Скрипник. Особенно выделял он вот эту рукописную книжечку, богато иллюминированную, какую-то азиатскую по роскошному оформлению. Больше всего он потешался над происхождением книги. Получалось так, что такие как эта, миниатюрные «флорилегии» снимались монастырскими переписчиками с какого-то очень древнего манускрипта и служили отцам-настоятелям чем-то вроде непреходящей валюты на протяжении последних восьми столетий. В частности, по преданию, татарская осада 1735 года была снята только после того, как отец

настоятель твёрдо пообещал (а слово его было золотым) крымцам «ромейскую книжицу ругательную против скопцов, фелляторов, и вообще женского пола» для ханской библиотеки.

«– Ото бисови диты наши пращуры булы: знали воны и як Хрыстови молытыся, и як шаблею бытыся, и як з пышщчали палыты, але й добре зналися про паганську ромейську поезию, з якої єсть пишов весь украинський та російський общентиарный²² сэмиокоплэкс» – в очередной раз впадал в национал-уклонизм образованный старый большевик.

По рассказам наркома, старого большевика, в архивах ЧК-ОГПУ, после ликвидации в 1920 году Святогорского монастыря, «как оплота монархической реакции, кулацкого бандитизма и оголтелого церковного мракобесия», оказалось три таких книжечки. Комсомольцы уничтожать их не стали, поскольку это не иконы. Потом только узнали легенду про великую ценность книжечек. А один поляк-католик, служивший в ЧК, подтвердил, что книжечка действительно про блядей и блядунов.

Районный уполномоченный ЧК пошутил тогда: «видишь, мы не татары. От нас такой книжечкой не откупишься. Мы всё разорили начисто. Кого из монахов здесь не расстреляли, те сидят в Соловках и ждут очереди».

А ещё была легенда, рассказывал кто-то из сельских грамотеев. Копии-то действительно снимали со специального «правила» очень древней работы, но была (были?) и ещё древнее, того же автора, «листами кручеными книга» (а может быть – книги), запрятываемая где-то в самых глубоких пещерах, там где хоронили наиболее отличившихся своей святостью. И будто бы та книга ещё скоромнее была, с картинами писаными, окромя буков, и будто до этой книги монахи доступ давали только раз в

²² – (лат.филолог.) *obscentiarius* – «похабный, нецензурный»

шестьдесят шесть лет, а уж кому – то тайна наивеличайшая.

.....

Здесь на яхте-дирижабле книжечка *Эпиграмматон* стала, по воле первого хозяина, чем-то вроде устава. Находились и после Скрипника, после его самоубийства, пассажиры воздушной ладьи, кому образование позволяло прочитать в оригинале, вот эти, задравные строки:

Копо-Нэм, лани-Умкве, бальне-Умкве
тонсо-Рэм, табу-Ламкве, кульку-Лоскве
этпав-Кос седут-Элигам ли Бэллос...

И далее в том же духе, вплоть до строки – «...и забирай себе тогда термы Нероновы».

«– А насчёт величайшей тайны, – сказал жизнелюбивый нарком – у меня есть, впрочем, одна весьма фривольная догадка. Мне пришлось бывать в одном православном монастыре в Черногории, там тоже хранятся какие-то очень древние рукописи, будто бы на папирусе, сочинения первых христиан. Так вот, поверите ли, в соседней деревне мне рассказывали, будто бы...» – Он обхватил обеих красавиц за талии, привлек к себе, и, поворачивая голову то налево, то направо, шепчет в стыдливо отворачиваемые ушки что-то весьма, весьма соблазнительное.

Одна из них, та, что считает себя более красивой, слегка отталкивает его рукой, отстраняется, прогибаясь назад: её глаза расширяются от восторга, она капризно требует: «– Ну расскажите же ещё, расскажите всё очень-очень подробно». Она забрасывает руки за голову, выпячивая ещё больше свою красивую грудь, атласно светящуюся под прозрачной накидкой...

Глава 18

ГИБЕЛЬ АРХИВИСТОВ

Рассказывает Доктор

Я внимательно прочёл предыдущие главы. В записях будущего Юнги сделана попытка разложить в линии текста клубок событий грозовой ночи.

В Ерно вот это место в описании. Яркий разноцветный баллун-монгольфьер плавно проплыл над городом в безоблачной лазури. Из окна операционной нам его тоже было видно, но недолго. Это был свежий, радостный апрельский день. Я хорошо помню, как поразило меня несоответствие в палате умершего пациента – разве можно умирать в такое радостное утро. Санитар, вытащив пинцетом из мёртвого тела уже ненужные трубки катетеров, снял резиновые перчатки, сложил их вместе с пинцетом в эмалированный лоток и раскрыл настежь окно, чтобы хоть немного выветрился запах гноя и едких мазей. Ветер ударил навстречу, завил флагами шторы, и комки ваты летели от окна, будто ворвавшиеся посланцы весёлых ярко-белых кучевых облачков – *кумулюсов*, разбросанных в прохладной лазури.

Отметим, однако - логика событий была иной. Повесть о нашем воздушном походе за рукописями Мартья-Лисс должен начинать именно я, врач, и начинать самым не-

приятным образом – рассказом о двойном убийстве архивистов. Это случилось именно в моё дежурство и старший их братьев, Роксолан Первый, был дежурным фельдшером нашей кареты – так по старинке называют наши водители свою «коломбину», старенький санитарный автомобиль клиники. Именно глазами юного фельдшера мы увидели сцену трагического происшествия, и с его слов я записал подробности.

Позже, под утро, в клинику приехал упитанный молодой следователь. Он был мил, улыбчив и задавал вопросы. Повествовательные фразы в его устах тоже были вопросом, провокацией – что ответит, как поведёт себя собеседник. Впрочем, это сугубо профессиональное качество. Никто его не винит.

Повторюсь: наш юный друг неплохо описал антропологические поездки итальянца Штерчи по нашему краю, его исторические изыскания путешествующего дилетанта. Но, по правде говоря, это – всего лишь предыстория, знакомство нашего Юнги с хорошо всем известными фактами.

Как вы уже знаете, тогда же в апреле нашего фельдшера Роксолана Первого, брата Юнги, постигла медицинская катастрофа. Намеки, которые звучат в записках Юнги, будто бы умственное расстройство фельдшера как-то связано с латинистикой, или же с поэзией Мартия-Лисс, или же с демоническим влиянием итальянца, – разумеется, это полная чепуха. Я бы сказал, что влияние итальянца Штерчи на фельдшера следует признать настолько же дурным, насколько оно было хорошим на Юнгу. Роксолан-младший оказался прочнее, и весенние события вывели его из самодовольной спячки. Для Роксолана-старшего этих же событий и впечатлений оказалось достаточно, чтобы подтолкнуть его к давно назревавшему юношескому саморазрушению.

.....

Итак, я возвращаюсь к нашим несчастным архивистам. Эти люди, хранители неудобных кусочков, остро-колючих обломочков прошлого, всего лишь неделю назад впервые

появились в моём сознании. Эти фигуры стали складываться из скользящего упоминания Юнги о визите итальянца Штерчи в офис на Сумскую сто четыре. Потом был рассказ Полковника о трех тысячах расстрелянных польских офицеров, и ворох газетных статей, подписанных одним и тем же псевдонимом «Архивист».

Оба пострадавших были доставлены санитарной машиной в нашу клинику. К сожалению молодой Старчевский, как я вынужден был констатировать, заглянув в салон, был уже без признаков жизни. Мы проводили непрямой массаж сердца все положенные пять минут, и даже чуть больше. Я хорошо помню, что мы сменялись раза два. Эта довольно неэстетичная процедура нередко может вернуть жизнь, но не в таком случае, когда у человека вместо затылка рука врача нащупывает безобразно-ужасное, тёплое *ничего*. Да, мы сменились два раза, и переломы рёбер у трупа – это уже наши медицинские *sequelae*²³: так делать массаж меня научили ещё когда я сам был фельдшером. «Рёбра целые – массаж считай, не делали».

Старший Старчевский был жив, но без сознания. Он дышал очень глубоко и неестественно медленно, будто нарочно; будто он делает мистическую дыхательную гимнастику, устанавливая гармонию дыханий во Вселенной. Его седая коротко остриженная борода в двух местах зияла проплешинами и отвратительно пахла жжёной шерстью и обгорелой кожей. Всех телесных повреждений я не буду описывать. Пощадим нервы читателя, даже если он судебный медик. К чему это? Передам только слова моего напарника по дежурству, анестезиолога. Я записал их тогда же, третьего мая (точнее, утром после дежурства, четвёртого мая) в мой дневник, дословно. Анестезиолог Игорь произнёс эти слова, ещё не войдя в реанимационный зал. Пострадавший уже лежал на железной широкой кровати с рычагами, она почему-то называется функциональной, и медбрат реанимации уже ждал команд, наладив капельницу. Анестезиолог, спортивного телосложения

²³ – (лат.-англ.) суд.-мед. «телесные повреждения»

бородач, остановился в дверях. Он ещё стоит в предоперационной, он потирает пальцами шею, выворачивая голову вверх, к чистому воздуху. Растянув инстинктивно разрез футболки – то ли глубже вдохнуть, то ли коснуться рукой открывшегося на волосатой груди золотого нательного креста, сказал:

«—Опять поработала опущенная девятка».

Анестезиолог Игорь Святославович всегда удивлял меня своими познаниями уголовного мира. Я чувствовал, что эти знания он черпает совсем не из телевизионных сериалов. Этому знанию учит отвратительная жизнь, изо дня в день, как, например, сейчас. По телевизору вы не узнаете, как взаправду пахнет безнадежная и мучительная, абсолютно не нужная смерть человеческого существа. Обгорелыми волосами, осаднёнными кровоподтёками, мочой, и потным предсмертным страхом. Ко многому привычная карета скорой помощи привезла в наше дежурство этот запах ужаса. Анестезиолог Игорь Святославович дежурит в клинике по ночам гораздо чаще меня, и он безошибочно определяет по приметам. Я понял смысл его высказывания так, что на эту страшную работу способны только профессиональные палачи-вымогатели, отверженные даже уголовным обществом.

И было ещё в эту ночь изречение, из уст Деда Серёжи, старшего по ночной смене санитара. Кстати, легенды гласят, будто бы Дед Серёжа точно ставит диагноз, оценивая, как машины скорой помощи проезжают через дамбу (это километрах в трёх, на подъезде к клинике).

«— Шо вы там робытэ?» – спросил Дед Серёжа, заглядывая в реанимационный зал, и его складчатое личико индейского вождя скривилось капризной гримасой. – «Та то ж девятка скурвлэна. Попрацювало...» – и Дед Серёжа клеил замысловатое нецензурное выражение. – «Вы тринадцяту ножову шукайтэ».

Вот эти слова, также занесенные мной в служебный дневник, выхрипел старший ночной санитар Дед Серёжа,

и уполз куда-то, ковыляя. О эти *пойиздныки* «сутки-трое»! Из каких недр появляются они здесь в городе? Назад, в глину размякшую, размешенную сапогами и копытами, к корням поближе ввинчиваются назад поутру, исчезают. Откуда этот дед мистический, из народа, что ли вышел?

«—Из кислорода он вышел, дед Серёжа» – в рифму моим размышлениям говорит анестезиолог, уже стоя в головах операционного стола – «от баллонов этот дед сто пятьдесят атмосфер».

Мы помолчали. Игорь Святославович, расчётливо выждал секунды, когда введенный тубокурарин начнёт действовать на мышцы пациента, и его могучие руки привычно и умело вставили в гортань резко обмякшего тела клинок ларингоскопа, и в считанные секунды мастерски заинтубировал пациента, и вот уже искусственное дыхание раздувает, распирает изнутри грудную клетку пострадавшего. Рёбра поднимаются, и тут мы услышали то самое, знакомое, неприятное шипение, предвещавшее нам бессонную ночь.

«– Придётся тебе ещё и лёгкое ушивать?» – из вежливости полу-спросил, полу-подсказал Игорь, и ткнул пальцем, указывая два ранения на грудной клетке справа, где начала вылезать розовая пена.

.....

«—Ножевых отверстий действительно должно быть тринадцать» – опытный Игорь Святославович присоединился к пророчеству деда Сергея. – «Это не карточный долг. Карточный долг – десять».

Описание того разгрома, который застали в квартире архивиста полицейские и медики, мы услышали от нашего фельдшера, Роксолана-старшего, в охотку вызвавшегося ассистировать на операции – как раз во время ушивания первых восьми ран, видимых на передней части грудной клетки. Рассказ фельдшера время от времени подправляла операционная медсестра (откуда они всегда знают раньше всех?). Весь ужас уютной квартиры, превращен-

ной в пыточную камеру, куда врачебная бригада входила вслед за полицейскими – буквально след-в-след, чтобы не вступать в лужи крови на полу. И разговоры, которые вели между собой полицейские, такие же ночные трудяги, разгребавшие изо дня в день... Эти издерганные и бледные, ночные полицейские, работавшие на месте преступления, были откровенней и открытее, чем утренний, пришедший в клинику, чисто выбритый и пахнущий косметикой. Основное, что осталось у меня в памяти из этой болтовни в операционной – образ исполнителей преступления, их тупая нечувствительность к чужой боли. Слова. Какие слова? Обычные слова в таких случаях: «исполнители, псы, привыкшие к крови псы, мясники, психопаты. Откуда такие берутся».

«– И колются, и бьются и режутся. А властям, видно, выгодно».

«У-у? – Уу!... У-у? – Уу!... У-у? – Уу!...»

Машинный ритм аппарата искусственного дыхания, его вдох и выдох, гармоника вверх – гармоника вниз: ответы без вопросов и вопросы без ответов. Обычное ночное дежурство в хирургии.

.....

Гостеприимная квартира Полковника, как всегда, охватила меня уютом, домашним теплом и благополучием – после белых кафельных стен операционной, холодного металла, блестящих трубок и стеклянных перегородок, – наконец, душа отдыхала среди полумрака, мягких покрывал и тёмных портьер. Меня охватывает запах полированного дерева, запах кофе и табака постепенно вытесняющий – какое счастье – из моих ноздрей застоявшийся вкус хлора, лекарств, повсеместный запах больного человеческого тела.

«– Гибель архивистов, гибель архивистов», – пробормотал господин Полковник, сделав ещё один неторопливый

маленький глоток кофе из чашечки неопикуемой красоты. Он ткнул, будто бы раздраженно, рукой в лежавшие на столике утренние газеты. В его взгляде, сквозь обычную радостную улыбку младенца, проступала озабоченность. Следующая затяжка сигарой была уже рабочим, сухим жестом, как на совещании.

«– Тринадцать ножевых ранений?» – ещё раз переспросил Полковник. Позволю себе «литературщину». На меня уже смотрели отнюдь не прежние глаза скучающего отставника-душки. Происходила перемена, я был свидетелем того, как решается наша будущая, полная приключений, экспедиция. Следующая затяжка курильщика была жадной, изподлобья на меня устремляется взгляд упрямый, цепкий. Вот так решился поход нашей красавицы – воздушной шхуны «Гадитана» (тогда ещё смутно маячившей силуэтом на горизонте моего воображения).

«– Да, господин генерал-лейтенант», – впервые я обратился к нему по настоящему, до отставки, воинскому званию – «и тринадцатая такая подленькая, незаметно-тоненькое входное отверстие возле пупка, а само ранение – проникающее в брюшную полость, затем через диафрагму в полость перикарда. Сердце к счастью, было ранено только поверхностно, не на всю толщину сердечной мышцы. Но кишечник... Три часа. Вы не представляете, что это за морока – ушивать одно за одним входящие и выходящие отверстия на петлях тонкого кишечника».

Эти медицинские подробности, я уже видел по глазам, совершенно не интересовали моего собеседника, и вообще этот вопрос был данью вежливости, речевым этикетом, а я ведь вот никак не могу остановиться, из меня сыплотся медицинские термины, подробности, подогретые ночной бессонницей, возбуждением операции, разговором со скользяще-вкрадчивым, непонятным и подозрительным утренним следователем.

«– Господин Доктор, это же тот самый архивист!» Полковник (генерал-лейтенант) на мгновение захлебнулся, он сглатывал, и глаза его ещё больше выпучивались. Неуже-

ли такой человечисше может волноваться из-за чьей-то гибели?

«— Тот самый архивист, мой милый доктор, который хранил все эти годы материалы по делу о чекисте-изменнике П***. Он каким-то образом (я догадываюсь — через доктора Пшевальского) заполучил документы Маннхейма. Он был найден нашим туристом итальянцем Штерчи, законным правопреемником. Он оформил, или собирался оформить для Штерчи вступление в наследство архивом Маннхейма, как имуществом, оставленным в нашем городе на хранение в 1949 году. Мы на сегодняшний день не знаем, были выполнены все формальности или нет — но, впрочем, для Штерчи в принципе достаточно самого факта осведомления. А этот факт таки имел место. Беседа была, и наш юный друг, кстати говоря, был одним из двух свидетелей» — Полковник прервался.

«-- Второй свидетель — наш Юнга. И вот наш архивист стал жертвой организованной преступности. Очень хорошо организованной, поверьте мне. Настолько хорошо, что следствие ничего не даст. Вначале будет дело по обвинению в покушении на убийство, потом откроются новые обстоятельства, следствие будет тянуться и тянуться. Данные экспертиз и показания свидетелей — всё более запутываться и противоречить. А в итоге окажется, что архивисты сами убили друг друга. Да и вообще были очень хорошими людьми и состояли в криминальном сообществе, так что по заслугам. Кстати, молодой архивист, умерший, как вы рассказали, ещё в машине скорой помощи — это и есть первый свидетель вступления в наследство».

Повторюсь, я далеко не всё понимал из построений Полковника — мой мозг был отуманен ночным ярким светом операционных ламп, отражающимся в чёрном окне; отвратительным запахом крови, кишечного содержимого и ожоговых поверхностей. И чувством тяжёлой отвратительной растерянности перед проявлением — в очередной раз — жестокости реальной, не телевизионно-театральной.

Полковник бросал резкие слова, я его уже совсем не слышал, и сквозь мой полусон профессиональных впечатлений — яркий свет, неудобные края узкой раны, в глубине которой я должен накладывать множество шовчиков и узелочков. Мы накладываем шовчики и узелочки, кропотливо, неудобно, напрягая мышцы, напрягая глаза, тонюсенькой иглой — по тому месту, где живого человека била ножом в живот какая-то мразь. Длинным узким металлическим лезвием, изготовленным на большом и красивом заводе по производству штыков-ножей. И эта мразь ходит, или скорее ездит, разъезжает по тем же самым улицам того же самого нашего города.

Я увидел, разглядел из моего марева только вот эту точку в конце последней фразы, завершение абзаца:

Полковник, глядя на меня умными понимающими глазами, сделал последнюю затяжку и аккуратно, жёстко, медленно раздавил в пепельнице тлеющий сырой сочный уголь сигары.

«— Доктор, пожалуйста, ещё не засыпайте. Вы слышите меня? Сейчас, через две минуты вам постелят чистое бельё, вы должны поесть, и будете спать в моём кабинете. Я вас умоляю об одном — сейчас же звоните электрику-аварийщику».

Я потряс головой — совершенно отупевшей — и посмотрел на него, напрягая зрение.

«— Ну же, вспоминайте, вы рассказывали мне несколько раз. Тот ваш пациент, который всегда привозит к вам на осмотр свою больную жену в автофургоне «Аварийная контактная электросети». Вспомнили? Сегодня ночью я буду вскрывать крипту, и мне нужен этот человек, вся его бригада и его машина. Ваша работа — только один этот телефонный звонок. Звонок, и вы в отгуле до завтрашнего утра. В крипту полезу я один, но мне нужно подключение к силовому ящику, и нужно прикрытие. Поверьте, я вполне смогу договориться».

www.thelatinlibrary.com/suetonius/vespasianus

XXI. **O**rdinem vitae fere tenuit. In principatum maturius semper ac de nocte evigilabat; dein perlectis epistolis officiorumque omnium breviariis, amicos admittebat, ac dum salutabatur, et calciabat ipse se et amiciebat; postque decisa quaecumque obvenissent negotia, gestationi et inde quieti vacabat, accubante aliqua pallacarum, quas in locum defunctae Caenidis plurimas constituerat; a secreto in balneum tricliniumque transiliebat. Nec ullo tempore facilius aut indulgentior traditur, eaque momenta domestici ad aliquid petendum magno opere captabant.

Божественный Веспасиан

...

21. Образ жизни его был таков. Находясь у власти, вставал он всегда рано, ещё до свету, и прочитывал письма и доклады всех чиновников; затем выпускал друзей и принимал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с текущими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц; после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был всего добрее и мягче, и домашние старались этим воспользоваться, если имели какие-нибудь просьбы.

Перевод М.Л.Гаспарова.
По изд.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Наука, 1966 (Литературные памятники)

Глава 19 Сундук Мертвеца

В этой главе только вскользь упоминается операция по извлечению сокровища, давно и тщательно спланированная Полковником, и успешно осуществлённая в грозовую ночь. Вот что было потом, наутро в субботу, 5 мая 2035 года. Рассказывает Юнга.

Утром после дежурства, этой бредовой каши из рассказов про древний Рим, беготни наперегонки с вооружёнными людьми и воздухоплавательного побега Штерчи, я чувствовал себя очень плохо. Бессонная ночь оставила во рту металлический вкус, голова гудела от возбуждения, я опасался, что засну, лишь только присяду на что-нибудь не очень жесткое. Направляясь в квартиру Полковника, я чувствовал себя уже служащим, служивым, зачисленным. Я иду с рапортом. Утро было солнечное, прохладное, душистое – всё начиналось заново; мне предстоит очень многое выучить, я прочитаю всего Мартья-Лисс, всего Ювенала и Светония в подлинниках... Неприятное предчувствие «где брат?» лишь едва-едва саднило в глубине.

В квартире Полковника пахло свежесваренным кофе – настоящим, по-турецки, в джезве, в раскалённом песке. Я знаю этот запах, так варит кофе моя мать для «выгодных» постояльцев с Кавказа. Полковник сказал:

«– Очень удачно я спустился. Был ещё один ящик. Остался в подземелье. Золото, килограммов семьдесят. Золото. Стоматологическое, церковное, нательные золотые украшения». Лицо Полковника брезгливо поморщилось...

В гостиной воздух пропитан ощущением праздника. Будний день, но работать не нужно, и впереди целый день общего приподнятого, возбуждённого, беспричинного настроения. В комнате уже был наведен предусмотрительной рукой непривычный порядок, мебель протерта воском, экраны всех компьютеров погашены, бумаги убраны со столов. Полковник сидит в кресле, как-то необычно покойно, и под локоть подложена особая, бархатная подушечка. Круглый стол пуст – только графин, вазочка с цветами, маленький серебряный поднос с кофе, и крошечные рюмки с орешками и цукатами.

«—Вы знаете, Доктор, вот он, этот необыкновенный *оттиум* – помните, мы с вами читали в жизнеописании Веспасиана? – когда существенные дела завершены, солнце поднимается, можно поговорить, прогуляться в парке, а затем и поспать.

«—Так вы думаете ещё раз спуститься в подземелье, за вторым ящиком?» – спросил Доктор. Полковник усмехнулся наивному вопросу.

«-- Что вы. Там, в подземелье, сегодня ночью ведь побывали ещё, кроме меня. Ещё люди. Штерчи хорошо подыграл нам и задержал их порядком, но всё же они появились. Я слышал, как второй ящик утащили».

«—Ещё люди», – сказал Доктор – «это сразу заметно. У вас рассечена бровь».

«—Всё в порядке?»—выпалил я; мою голову распирало от каши впечатлений, и я бессвязно выложил:

«—Штречи пишет глубокую, философскую повесть про нашего Роксоланского заложника в Урбс-Рома; он хочет найти траву *евшан*, хочет понять свободу Евразийской степи. Какой потрясающий человек! Он математик, историк!»

Полковник поднес к губам тонкую рюмку, сочные губы сложились в улыбку удовольствия и покоя. Он сказал:

«—Математик и историк. Наркоман и авантюрист. В довершение списка – хакер, разыскиваемый Интерполом в связи с причастностью к взлому банковской системы».

«—У вас кровь» – повторил Доктор. Он сидел на тахте, поджав ногу, свободно откинувшись на жесткие подушки.

Прошло ещё немного времени, льющаяся из динамиков скрипичная фраза закончилась. Полковник вздохнул и, протянув руку, щёлкнул выключателем. Он продолжал:

«— Математик и историк, в стоворе с нашей почтенной Таможенницей, планирует незаконно вывезти из страны уникальные палеографические памятники. Как? выдав их за копии-коллажи. Штерчи вовремя понял опасность и решил сотрудничать со мной. Его московские покровители приняли мой план и дали нам в прикрытие аэрологический борт».

.....

«— Итак, ты сидел, выслушивая повествование о событиях девяносто седьмого года, происходивших в Урбс-Рома с нашим земляком, и обеспечивал итальянскому антропологу *алибай**? А теперь послушай, что происходило тем временем в подземелье, соединяющем подвалы известного тебе здания №100-бис с подвалом расположенного поблизости здания №102, в котором с позавчерашнего вечера срочно начаты ремонтно-строительные работы в полуподвальных комнатах, арендованных неким мало-российско-итальянским предприятием».

Пирамиду непонятных предметов, загромождавших один из стульев, венчал шахтерский шлем. Полковник, улыбаясь, взял его в руки, погладил поверхность и положил на кофейный столик рядом с коньячным графином. Доктор протянул руку, с разрешения полковника поднял шлем, осмотрел его и возвратил на место, издав неопределённый звук. Полковник опять погладил повреждённый затылок шлема, и они выпили ещё по одной рюмке, махом.

И вот начинает раскрываться тайна маленькой пирамиды, сооруженной на стуле. Полковник жестом фокусника приподнимает и сбрасывает блестящий оранжевый плащ – чем-то заслуженный плащ, раз эта испачканная вещь, равно как и простецкий шлем, допущены в комнату и, мало того – выставлены здесь, в роде сентиментальной релик-

вии. Шлем на инкрустированном дереве столика, плащ на толстом персидском ковре. Вставший на ноги Полковник, крикнув, поднимает за боковые выдвижные ручки обнажившийся сундук-футляр. Почему я сразу решил, что эта вещь сработана в Германии? Наверное, такие аккуратные угловые металлические накладки, такая идеально-ровная кожаная черная обтяжка, способная выдержать десятки лет в подземелье, и так тщательно продуманная конструкция удобных ручек – всё это напомнило детство, уроки труда в школе, когда хорошие станки, добротные слесарные инструменты и измерительные штангели – всё оказывалось трофейным, немецким. И уроки биологии, когда все надежно работавшие микроскопы оказывались маркированы «Карл Цейсс Иена». Вот этот футляр, настоящей немецкой старой работы, кожаный, армейский-морской-космический – с помощью Доктора водружён на прочный четвероногий обеденный стол.

Полковник облегчённо выдохнул. Свисавший сбоку на кожаном шнурочке чехол с ключиком раскрылся сам собой. Двое стариков застыли перед черным ящиком. Наверное, их, как и меня удивило, что всё выходит само собой.

«– Знаешь, что» – сказал Полковник, надевая защитные очки, – «сходи, что ли на кухню, приготовь нам чаю. Вы, Доктор, станьте вот туда, за шкаф».

.....

Когда я вернулся с кухни, на столе уже были разложены несколько необычных предметов и Полковник, сложив руки за спиной, будто в музее, стоял перед столом, раздувая ноздри и тяжело дыша.

«– Так где же рукописи?» – не удержался я.

«– Рукописей нет» – сказал Доктор.

«– Я ничего не понимаю, как они могли оказаться у Штерчи. Я видел собственными глазами, сегодня ночью, в его номере. Он вытащил из сумки, которую вы передали мне вчера. И кожаную капсу, и семь свитков рукописей...»

«– Из моей сумки Штерчи извлёк имитации, изготовленные нашим уважаемым Доктором месяца три тому назад,

в ходе его неутомимых экспериментов» – сказал Полковник. Он поднял в руки матовый тяжелый параллелепипед и пошел по комнате, держа его перед собой, чуть покачиваясь, как по волнам, и сделал несколько поворотов, – по моему, это был танец самолёта.

«– Вот всё и кончилось, какой-то большой кусок отпал» – сказал Доктор. Я дремал на тахте. Меня накормили уже во второй раз, под пледом я согрелся и, наверное, проспал час или полтора. Смутно помню, что включались экраны, крутился знакомый значок Интернета, шли переговоры какого-то очень технического характера. Полковник и Доктор, по указаниям невидимого, за экраном и в трубке, что-то, переставляя ручки, измеряли на ящике.

На мгновение в очередной раз я полу-проснулся.

«– Итак, вы абсолютно уверены?» – продолжал Доктор.

Он смотрел на Полковника очень внимательно, и от ответа зависело многое, большое.

«—Абсолютно».

Я заснул снова. Когда я проснулся окончательно, в комнате было холодно, как будто окна долго оставались открытыми нараспашку. Дневной свет пробивался сквозь щели между штор. Старики, укутавшись, сидели в креслах, звучал скрипичный концерт и Полковник мусолил незажжённую сигару.

«– Не терпится» – сказал Полковник. – «Как вы думаете, уже можно?»

Доктор подвинул поближе к себе чёрную настольную лампу и довольно долго, очень внимательно разглядывал срез её абажура.

«—От пяти до пятнадцати пылинок на дециметр кубический, так вот. Примерно» – сказал он, подводя итог наблюдениям, и голос его звучал глухо сквозь салфетку, которой он плотно закрывал рот, будто операционной маской.

«—А он?» – кивнул в мою сторону Полковник. – «Забыли? Одеяло!» – и он сделал в мою сторону угрожающий жест «сидеть тихо».

Доктор, присев на краешек тахты, объяснил мне, как следует действовать; я ползком выбрался из-под одеяла и стал там, где мне было указано.

Таинственное безмолвное ожидание продолжалось. Доктор опять изучал освещённую пустоту под колпаком настольной лампы. Вот он кивнул, наконец, и поднял ладонь. Только сейчас я сумел оторвать взгляд – гипнотически прикованный, я весь сосредоточился на этих зловредных пылинках, которые никак не хотели оседать. Меня рассмешило, как странно движутся руки Полковника, и я отвернулся.

Он идёт к извлечённому из футляра параллелепипеду, перешагивает через лежащий на полу автомобильный насос и, положив локти на стол, начинает отрпетированное в голове механическое колдовство. Откинулась металлическая дверочка, выпрыгивают навстречу собранным в щепотки пальцам обеих рук заводные головки ключей. Чуткие пальцы поворачивают, проталкивают, подтягивают...

Полковник с красным, будто он подавился, лицом, внезапно поднимается, быстро выходит из комнаты и нам слышно, как он натужно кашляет в коридоре.

«—Вот же гадость!» – слышим мы его голос.

Наконец Полковник накашлявшийся, напившийся воды, накурившийся на лестничной площадке, возвращается на своё место, и колдовство продолжается. Мне кажется, что это будет продолжаться бесконечно. Я стою неподвижно, и мышцы всего тела одеревенели, будто я ассистирую на многочасовой операции, конец которой самому оператору кажется безнадежным.

«— Here we are!» – вдруг говорит Полковник, повернув к нам голову, и я пытаюсь понять, что же означает его указательный палец, упирающийся в нижнюю часть боковой панели таинственного «страусинового инкубатора» (именно так Доктор назвал курсовой автомат-вычислитель, из-за огромного стального яйца, выпиравшего сквозь стенки параллелепипеда). Полковник отодвигается, по-прежнему

указывая; он поднимается со стула, глядя на нас, и его палец соскакивает.

Полковник уже стоит, один из нас, трёх зрителей у стола с удивительным объектом и лишь теперь, сопровождаемая звонком крошечного колокольчика, из нижней части чёрного ящика выезжает металлическая полка, отблёскивающая радужно-чёрной поверхностью. Я догадываюсь: именно эта блестящая, идеально-ровная доска из чёрного стекла и есть то, что мы хотим увидеть; то, что так боится пыли и микроскопических воздушных капель разговора.

Как описать следующие, короткие, минуты моего знакомства с картой Маннхейма? Кто-то из двоих поднял и переставил лампу, свет упал под нужным углом, и голограмма засветилась. Радужная чернота прояснилась, открывая утопленную под пластиной матово отблескивающую бугристую поверхность, в которую неведомый мастер врезал, ближе к правому краю, два причудливой формы зеркала. Запомнилась радужная мелкая-мелкая гребёнка по левому краю, и ещё какие-то причудливо изогнутые многочисленные линии. Эти линии были разными: серебряно-белыми, копчёно-чёрными, спирально-витыми, изящно-пунктирными. Вели себя они также по-разному. Одни змеились по самому дну, сантиметрах в трёх под поверхностью пластины. Другие то выныривали из плоскости стекла, то заныривали вглубь и там вонзались в бугристое дно. Несколько пучков торчало загадочным образом на несколько сантиметров вверх, далеко за материальные границы, очерченные окном-прорезью, из которого выдвинулась пластина. Я видел несколько раз голограммы в музее, и что-то осталось в памяти из школьного курса физики, но всё равно зрелище казалось невероятным. Медленно подняв руку, я провёл ею над пластиной; никто меня не останавливал. Проходя сквозь линии и непонятные облачка, рука не почувствовала ничего.

Последующие одна-две минуты были очень насыщенными. Доктор передвинул меня на своё место и жестом показал, под каким углом нужно посмотреть. После этого мы вдвоём отошли на несколько шагов назад. Полковник,

затаив дыхание, выдвинул рамку с волшебной пластиной на всю длину, быстро осмотрел её, низко наклоняясь и прижимая к глазам увеличительное стекло. Затем рамка уехала вглубь, звякнул звоночек, Полковник разогнулся и перевёл дыхание.

«—Доктор, вы должны немедленно бросить вашу жалкую практику» – улыбаясь, произнёс он, завинтил ключики, зажал каким-то замочком дверку и добавил: – «В наших руках карта сокровищ».

.....

Автомобиль мчал нас по вечернему проспекту, тучи летели быстро-быстро, клубились, и было видно, что скоро опять начнётся гроза. Настроение праздника не отпускало меня, мне льстил интерес, с которым Полковник и Доктор наконец-то слушали рассказ об исследованиях Штерчи: Урбс-Рома, Роксоланы, рукопись Мартья-Лисс. В супермаркете на окружной дороге Доктор купил необыкновенно большую коробку шоколадных конфет. Пахло очень свежим, необычным. Начинка попадалась то ананасовая, то кокос, то кофейная с ромом. Я смотрел, как взрослые мужчины важно, сосредоточенно надкусывают, разглядывают, кому какая начинка досталась, едят... ещё и ещё. Автомашина мягко мчалась. Жестами то один, то другой показывали мне – не стесняйся, мол, help yourself!

Доктор вынул, как будто нарочно, чтобы меня подразнить, из портфеля ещё – детские игрушки. Протянул Полковнику на переднее сиденье какую-то разветвлённую, рогатую стрелялку; вынул ещё, положил себе на колени, протянул мне гранаты (заученное в школе щёлкнуло в голове – «РГД») одну, вторую. Неожиданно, вместо пластмассовой лёгкости, руку вниз потянуло, отрезвляя, холодное тяжёлое боевое железо. И не глазами, слухом, я почувствовал, как двое принялись за дело, как туго пошли в масле и защёлкали детали – проверка на отбой курка, магазин... щёлк-щёлк. В окна уже всю хлестал дождь.

Водитель вдруг грубо переспросил что-то на незнакомом языке, поправляя в ухе микрофон и отчаянно вслуши-

ваясь. Машина резко затормозила, и Полковник совал ему, поудобней, светящуюся карту-дисплей бортового навигатора, показывая пальцем.

.....

Сцены нашего петляния по переулкам предместья, проезд на красный светофор через железнодорожный переезд и прочие action описывать не буду, читатель вдоволь насмотрелся этого добра в кино.

.....

Метрах в двухстах-трехстах впереди были сквозь стену дождя видны красные габариты машин по нашей полосе, пригашенные фары медленно движущихся навстречу... Мы съехали на обочину. Опять защёлкало железо – отсоединяли магазины, выбрасывали из стволов досланный патрон. Водитель-чеченец протянул раскрытый инструментальный кейс, собрал туда оружие, туда же положил снятую с головы шапочку, поцеловав значок, и кейс щёлкнул. Потом он протянул руку, осторожно взял у меня одну гранату, спрятал куда-то к животу, внутрь жилета, потом ещё раз, точно так же, вторую – оба раза я почувствовал тёплое прикосновение его рук.

«—Уже всё закончилось, проскочили» – сказал чеченец. Полковник и Доктор попрощались с ним за руку, он вышел из машины и пошёл под дождем куда-то в поле, за посадку. Доктор открыл дверцу, перешёл на водительское сиденье, зажглись фары и мы медленно тронулись в сторону ярко освещенного здания таможенного терминала.

.....

Из-за дерева на шоссе шагнул человек. Крашенные волосы, затянутые в пучок, рука протянутая знаком «СТОП» и закинутые за спину вещи показали знакомыми. Штерчи был облеплен насквозь мокрой футболкой, на его лице блуждала улыбка вынужденного дружелюбия, и он отводил руку с вещами вверх-в сторону-назад международным жестом «у меня ничего опасного».

«—Открывай ему дверь» – сказал мне Полковник».

Глава 20 ВАШИ ГУРОНЫ

Разговор происходил где-то между 7 и 10 мая 2035.
Записано Юнгой в начале июля, в гостинице "Красный Ма-
нометр"

"Зачем распинаешь раба, язык ему вырезав, Понтик?
То, о чём он замолчал, весь разглашает народ".

Марциал

Штерчи, откинувшийся в плетёном кресле, был рад нашему интересу. Он чувствовал себя свободно и спокойно. По-видимому, литературная рецитация была нужна ему для настроения, для тональности. Это был *класс* – хорошее вино лишь пригублено, речь собеседников сложна, ритмична и богата синонимами и ... – одним словом, как в популярной игре *without deviation, hesitation or repetition*. Тест был пройден, настрой достигнут, и можно было перейти к делу. Штерчи сказал: "–Я чувствую угрозу сейчас, то есть на близкие месяц-два. Это люди, связанные с коллекторами^{24*} Вашингтона и Парижа".

«—Очень большие деньги. Деньги, политика, милитари-бизнес. У вас такие глаза, – продолжал Штерчи – вы Алани, Роксолани, вы есть степь, люди из *Маре сибирика*. Вы совершенно не понимаете и поэтому не боитесь».

Итальянец обвёл нас глазами. Полковник слушал вежливо, но суховато, держась отстранённо, ему это было не очень интересно. Мы с Доктором переглянулись, нас это занимало, и мы напряжённо старались вникнуть в малопонятные излияния упорного иностранца. Полковник всё-

---

²⁴ * – он так и сказал «связанные с коллекторами». Снова начиналась игра филологии. Он имел в виду коллекционеров? *Юнга*

таки больше был занят собакой, настоящей русской псовой борзой, лежавшей у его ног. Штерчи не осуждал. Сам в яловых сапогах и меховом жилете, он чувствовал себя «помещщик русс». Все три последних дня выхаживал в поле с борзыми не хуже Полковника. Все специальные борзятнические слова записал, выписал и заучил с хозяином усадьбы, нашим главным компьютерным экспертом. Наизусть повторял прочитанную на лугу табличку «Выгул, натаска, нагон, и притравка собак запрещены». Отрепетировал главное слово «Отрыш-щ!».

Штерчи продолжал, переведя взгляд с собаки на нас: «Это такие механизмы», – он для наглядности сделал нам пантомиму «часы»: поднял перед собой руки и развёл локти. Скрюченные пальцы обеих рук изобразили зацепленные шестерни. Несколько секунд Штерчи демонстрировал, как работает зубчатая передача, переводя взгляд по кругу – хорошо ли мы его понимаем. И, прикрыв глаза, лицом показал: шестерни массивны, неумолимы, могучи. Пантомима продолжалась, тяжёлые зубья въезжали в промежутки зубьев, зацеплялись, тянули – и чудом, нераздавленная, между ними лежала раскуренная сигарета. Ай да Штерчи, ай фокусник!

Штерчи опять внимательно смотрел на нас, и произнёс, наконец: «Тутта ля вита». Показал на себя пальцем и затянулся сигаретой. «—Так родился, так вся моя жизнь. Очень маленький промежуток свободного пространства».

Он помолчал, прислушиваясь к звукам деревенской жизни: пение петухов, ржание коня.

«—Я приехал снимать фильм, и сразу в гостиницу пришли эти люди. Они объявили: вам нужна наша помощь, вам нужно секьюрити (он нарочно произнёс это последнее слово с выпяченным славянским акцентом). Это сила, которая вечно декларирует благо и приносит вместо этого разрушение, stats das Gute sagt und stats das Bose shaft. Только разрушение и хаос. Смерть, организованный хаос».

«—Тщательно спланированный хаос» – вставил Доктор как-то механически, эхом, глядя в сторону. Штерчи, не отвлекаясь, продолжал:

«—Если вы читали Фенимор Купер, это – *гуронс*. Это ваше племя напоминает мне гуронс из книг Фенимор Купер. Они тщеславны, любят угрожать, легко продаются, садистски жестоки. Хороший инструмент для колонизации. Колонизация eastward. Вам не нужно воспринимать это обидно. Я не хочу кого-то задеть. Здесь во время второй мировой войны они участвовали в дженосайд» – он опять подготовил губы для трудной славянской буквы и процитировал вычитанную в библиотеке фразу – «отщепенцы из органов гос-безопасности» У нас ведь тоже было много анти-джуишь, противожид... иуд... Atrocities. Я не нахожу никакой национальной корреляции. Это кластерный феномен».

Полковник отвлекся от игры с собакой и, улыбаясь своей обычной улыбкой огромного счастливого ребёнка, процитировал:

«Скучно жить на свете, Евгений
Куда ни странствуй,
Везде жестокость и тупость воскликнут:
Здравствуй, вот и мы!»

Штерчи подтвердил: «Да-да, это Бродский, ваш классик. А вот ещё наш Марчиале: Фингис..., – он запнулся, и процитировал русский перевод:

«Что распинаешь раба, язык ему вырезав, Понтик?
То, о чём он замолчал, весь разглашает народ.

Ты хахалю, муж, лицо испортил:
Обкорнал ты ему и нос и уши...
И такое может иррумаре»

Полковник опять принял сухой тон светской беседы:

«—Ну, это философия и поэзия. Конечно, очень хорошо, но мы отвлекаемся. Кто эти люди, вы можете нам сказать?». Штерчи отвечал снова непонятно. Меня просто

убивают эти грамматические ошибки, которые он расставляет в самых интересных местах. Итак, Штерчи сказал:

“– Я думаю, эти люди в прошлом имеют связь с государственными структурами региона Украина. Они очень умело делают мимирию, и ваши ситызен (он заглянул в словарь, уточняя) – мешщчане – они не умеют говорить преступник от plain-clothed police²⁵. Они боятся одинаково, и определённый период меня это вполне устраивало. Как якудза в Токио. Это элемент гармонии ландшафта. Вы понимаете?... Мне было всё равно до тех пор, пока я не испытывал помехи в моей работе».

---

²⁵ – (англ.) «полиция в штатском»

Глава 21

Бранные подвиги отца настоятеля

Заметки путешественника по Восточной Украине

Статья», опубликованная в интернет-газете "Стампа онлайн" 26 апреля 2035 г. за подписью «Штерчи»

I.

"Кто оное святое жительство изобрёл и в горе сей св. церковь и келии устроил и начал жительствовать ... не обретохом".

Святогорская Успенская общежительная пустынь. Одесса, 1902

...
В местной историографии я бы отметил три главные черты: славяноцентризм, оборонительный уклон, военный поэтический гиперболизм. Такая особенность прослеживается достаточно однообразно на протяжении большой исторической традиции – не менее

трехсот лет. Удивительный психологический комплекс местной государственности - полное замалчивание своих татарско-калмыцких корней, вполне очевидных любому внешнему наблюдателю. Из одной местной книги я выписал курьезный абзац, иллюстрирующий это загадочное психологическое явление:

"Восточным славянам, в том числе населявшим Придонцовье, приходилось сдерживать натиск многих кочевых варварских племён, которые беспрерывно вторгались в причерноморские степи из Азии". Автор, таким образом, бородатых славян волшебным образом переводит в антиварвары. Впрочем, оставим эту тему, она бесконечна.

Применительно к нашему проекту палеографических розысков славяно-татарская тема имеет существенное значение вот каким образом. *Верси сальтеи*²⁶ оказываются бесценны в такой пожароопасной дипломатии. Это объясняет особое отношение местной церкви к рукописям из наследия Роксолана. Взаимодействие и противодействие двух укладов и речевых систем – лесостепь versus степь – происходило весьма систематически именно здесь, в зоне среднего Придонцовья. Торговые, дипломатические контакты и нередкие военные стычки (чаще, однако, просто вооруженное противостояние, переглядывание, обмен угрозами и оскорблениями) стабилизировались в XVII - XVIII веках по линии Святогорск – Тор-Солёный. Нестабильное равновесие пограничной полосы, Дыкаэ Полай, Бордерлайн, Крайна, Укрейн, Ывв-Крэйи (стараюсь найти фонетический эквивалент). Оставлю в стороне наиболее очевидные литературно-исторические параллели: Стори оф бордерлайн Ф. Купера, Хроники Иво Андрича из Боснийской Крайны, поэзию Киплинга Бордерлайн-Пешавар.

Я хочу восстановить в моём воображении ту моральную силу, которую даёт вооруженному переговорщику,

²⁶ – (лат.) «солёные стихи»

стоящему на крепостном валу, и переругивающемуся с гарцующим конником – ту силу дипломатии, которую даёт *симпличтас романа*²⁷, высказанная безостановочно, сильным и привычным к молитве голосом ритора, на двадцать четыре строки романского текста. Тюрк-толмач перешёптывается с толмачом-русинем, кое-где смягчая, а иной раз и вовсе обходя особо сильные места, – но всё равно, при каждом колене текста конник взвизывает на дыбы, без перевода догадываясь.

«– Вот ведь какой учёный человек, уважаем тебя» – с ненавистью шипит он.

Святые отцы, настоятели Святогорского Успенского монастыря, были людьми грубоватыми, и не чуждались рукоприкладства ни с братией, ни с мирянами. Это вполне понятно и объяснимо, учитывая обстоятельства непрекращающейся угрозы, неурожаи, нашествия саранчи и разнообразных грабителей - татарских, российских и запорожских. И, наконец, last but not least, эпидемии чумы. Первая вспышка чумы в этом крае датирована 1718 годом, цифры смертности неизвестны. Однако историки цитируют указ консистории от 1728 г. с дисциплинарным взысканием настоятелю монастыря иеромонаху и духовнику о.Антонию, из которого, якобы "видно, что святогорские монахи предались безудержному разгулу". Следующие две вспышки чумы – в 1738 и 1739 году, – опустошили монастырь полностью. "Все иеромонахи, иеродиаконы и монахи померли, осталось только два монаха простых".

АННО ДОМИНИ 1735 еще жив был о.настоятель. Должность обязывает, и этот достойный мужчина умеет торговаться не хуже заезжего судакского армянина, владеет основами фортификации и караульной службы не хуже наёмного французского инженера, но сквернословит гораздо лучше всех, на нескольких притом языках. Глубинный источник невообразимых словосочетаний монахи скрывают весьма тщательно, храня в самой потаённой,

²⁷ – (лат.) «римская простота нравов»

дальней келье. ЛИНГВА ФРАНКА сквернословов-мастеров на этом перекрёстке торговли и войны – наш язык Августа и Трояна, почитаемых и поминаемых.

Сокровище Роксолана, *Либри чартеи Мартья-Лисс Эпиграмматон**²⁸ в этом контексте бесценно. Это *хабар**²⁹, крохи которого в своей памяти уносит кочевник – посмеиваясь, он повторяет про себя одну или две строки *верси лашичиви**³⁰: вот ведь до чего додумывались язычники, непросвещённые светом Корана. Нет-нет, да и пустится в дальний путь ученый человек из Закаспия, наслушавшийся таких пересказов: привезёт целый воз драгоценной лечебной травы для скота и начнет с монахами длинный и мучительный торг. Монахи хитры и неуступчивы, норовят обмануть и всучить *Либр Октавус**³¹, тот что годится даже *Ad Usam Delphini**³². Учёный человек наденет очки и будет долго уличать монахов, показывать самое лучшее качество своей травы, и просить, чтобы сделали списки *тех самых*. Мы с тобой их очень хорошо знаем, это известные во всем мире

VII-67 “*Pedicat pueros Tribas Philaenis*”

XI-21 “*Lydia tam laxa est*”

VI-93 «Так от Таиды несёт...»

I-34 “Ты с отворённой дверью отдаёшься...”

VI-39 “Семь сыновей все не твои...”

IV-4 “То, чем пахнет стоячее больто...”

XI-78 “*Utere femineis complexibus, utere...*”

²⁸ – (лат.) «книги-свитки на папирусе Эпиграмм Марциала»

²⁹ – (казахск.) «новость, весть»

³⁰ – *versi lascivi* (лат.) «похабные стихи»

³¹ – (лат.) «Книга номер Восемь»

³² – (лат.) «Для пользования Дофина»

II.

« Донец был направо, в ста шагах от меня, в огромной глубокой долине... и чайки кричали так слабо и странно, и вся меланхолия этого пейзажа так гармонировала со всем тем, что, казалось, ещё незримо веет здесь из глубины веков».

И.А.Бунин «На Донце»

Среди местных торговцев книгами мне удалось записать предание, что ещё пятьдесят-шестьдесят лет назад, в семидесятые годы двадцатого века, охотники за старинными книгами проникали через руины церкви, расположенной на склоне левой горы, мимо "святого захоронения" сиятельных особ, в пещеру и тайный ход, ведущий в подземелья правой меловой скалы. В некоторых замурованных кельях сквозь решётку были видны лежащие на полу книги и рукописи. Многие хотели мародёрствовать, но не решались. В те годы служителей церкви здесь ещё не было.

Историки советского периода, стараясь оправдать безжалостные расправы над монахами и священнослужителями Святогорского монастыря, приписывают им некие злодеяния – большинство из них не называется, но подразумевается, точь-в-точь, как это было в сочинениях нашего Тацита. "Неизвестно, сколько безвестных жертв было сброшено в пучину Донца из тайного подземного хода". Или вот ещё: "существует предание о том, что одновременно с меловой стеной были ликвидированы и все те, кто участвовал в строительстве церкви". Служителям церкви приписываются практически все отличительные признаки советской бюрократии: безжалостные убийства, манипуляции "организованными массами" и тайные оргии.

... Я стараюсь описать тебе то преоригинальное место, откуда поздней зимой 1942 года Маннхейм извлёк бесценные *либри чартей**³³ излюбленного нами с тобой Мартья-Лисс, Святогорский монастырь с примыкающей усадьбой князя Потёмкина и неподалёку расположенный дирижабельный порт Тор-Солёный.

Начну с того, что в довольно крупном городе, где я сейчас нахожусь, среди молодёжи вообще мало кто знает об этих местах, а если и знают, то скорее как о природном объекте: густые леса, изгиб реки, красивые горы. Культурно-мировое значение этого заповедника им непонятно: даже не подозревают, что их любимый Толкиен описывает именно эти края как последний оплот "зелёного мира", к востоку от которого начинается изрытый шахтами мёртвый мир индустрии.

Расстояние по прямой от Харькова до Тор-Солёного всего лишь сто пятьдесят километров. Оставляю сейчас в стороне хорошо нам с тобой известные работы XIX и начала XX века, на которых основывались розыски Маннхейма первоначального этапа.

Познакомившись достаточно глубоко с документами, ранее неизвестными в мировой маннхеймиане (большинство из них не опубликовано и находятся в секретных файлах Харьковского партийного архива), я совершенно по-другому начал понимать происхождение классической статьи Маннхейма "Изоглоссы и изосеманты южнорусского обшентного языка и их суперпозиция с геоморфологическими структурами Приазовья: Где нам следует разыскивать реликтовые памятники романской палеографии" (Philologus, vol.98, 1935, pag. 78-94)

Для меня теперь очевидна принципиальная методологическая отличность эпох «Маннхейм I» (1918 - 1928, аналитическая работа с архивом Хереус) и «Маннхейм II» (1929 - 1934, полевая археологическая работа в СССР в

качестве прикомандированного к ГПУ эксперта по палеографии).

Должен тебе сообщить вот ещё. Нам с тобой уже были известны исследования (разумеется, наследия Марциала), выполненных здесь в Чарькове преподобным Филаретом (Гумилевским) и работы приват-доцента Николая Андреевского. Кстати, мне удалось снять полную копию с этой недоступной у нас работы - абсолютно оригинальной, свежей по мысли и точности языкового выражения, исключительной не только в русской марциалистике, но и в мировой вообще. В профессорском зале университетской библиотеки нашёлся единственный в мире экземпляр этого труда, не прошедший цензурной кастрации - в наличии те самые страницы 31-32, 49-50, 57-58 и 83-84, которых мы с тобой были лишены, изучая экземпляр библиотеки Конгресса США.

Вот моя вторая новость - здесь в Чарькове я отыскал следы марциалиста-дилетанта, доктора медицины, хирурга Бориса Пршевальски. Это оригинальнейшая личность. Достаточно хотя бы посмотреть на фотографии породистого, уверенного в себе человека с заслуженным положением в обществе. В его библиотеке, по сведениям местных архивистов, были не только старопечатные книги на латинском языке, но и некие рукописи.

Поверь, что эти факты имеют самое прямое отношение к нашим поискам. Однако сейчас я хочу донести до бумаги одну главную мысль; она проявилась у меня при разработке второй линии, линии соперничества Маннхейм-Бартини в области управления летательными снарядами. Эта мысль относится к экологии культуры, и она такова. Историзм, культурная традиция и насыщенность среды обитания артефактами предыдущих цивилизаций есть некий фактор, сравнимый с микроэлементами в пищевых цепях. Оптимальный диапазон весьма узок, а зона избытка и зона недостатка одинаково губительны. Тебе хотелось понять, почему линия дирижа-

³³ - (лат.) «книги-свитки на папирусе»

бельного маршрута вытягивается из Москвы, через Курск и Харьков, в Тор-Солёный (Славянск), именно к Святым горам? Подобно щупальцу, магнитной стрелке, подобно усикам светлюбивого вьющегося цветка, она протягивается сюда, в единственное место на планете, где сохраняются, как святыня, творения нашего поэта, обсцентные через два на третье. И я нашел это объяснение: голод тайны, эдакий квази-Ангстлюст.

Новоявленные правители Московского кремля и их харьковские сюзерены в такой же степени чувствовали голод к таинственным культурным артефактам, как мы с тобой чувствуем пресыщенность ими. Достаточно сказать тебе: сам Иосиф Сталин на старости лет принялся изучать латинский язык и стал покровительствовать возрождению классической филологии в Советском Союзе. Для тебя и меня, которым уже в тринадцать-четырнадцать лет становится отвратительной вся наша древность, благодаря настырным стараниям наших учителей, и завязшие в памяти длинные периоды из Тацита и Цицерона это просто какая-то неистребимая заноза, – все эти восторги неофитов кажутся наивным и немного странными, но я вижу, что для обитателей скифско-татарской степи в этом есть глубокий смысл.

Сто лет назад какой-нибудь "товарищ" Петрофски, писатель Хвильовы из Харькова, культуровед Серж Чемоданов из Москвы или красноенком Тухачевски, военачальник крупной части под Тулой – быстро наскучивают обыкновенным пьянством в бывшей дворянской усадьбе, скажем, под Рьльском. Таких радостей, как собирание грибов или гребля на лодочке - тоже хватает ненадолго. И возникает как мечта тот плавный, сладостный, мягкий полет на юг, к меловым скалам, к открывающимся в глубине за обрывом остроконечным башенкам, описание которого мы с тобой столько раз перечитывали у модного писателя Михаила Булгакова.

III.

"Мы на правом берегу Донца. Прямо перед нами высокая скала. Отверстия келий меловой церкви противник приспособил под амбразуры пулеметов. От огромного строения монастырской трапезной после жестокого боя остались лишь стены да кое-где крыша".
"Красная звезда", 12 августа 1943 г.

Вернёмся на десять лет назад, в 1933 год. Как приятно было плыть в гондоле дирижабельной яхты, вровень с самыми верхними садиками, дубами и вековыми соснами, нависающими друг над другом наверху белоснежной скалы, и успокаивать очаровательную спутницу, шепчущую в ужасе: "А что там, в этих страшных подземельях?"

Конечно, их устроил бы и полет в свои владения, скажем, на Рейн или в Тоскану. Но это виделось в будущем, с развитием мировой революции – серии военных походов на Запад. Пока что новоявленным властителям советской России и их малороссийским вассалам в Харькове, маняще сиял этот самый восточный форпост западной культуры. Не забывай, как процветала в эти годы *Америка-лини*³⁴ наследников Цепелина, какие роскошные ланчи подавались на борту воздушного корабля ЭльЦет-127 в туристических рейсах над Средиземным морем. Сколь заманчиво оказалось для ком-дворян это предложение нашего дженераль Нобиле – воздушным корветом прогуливаться над своими советскими владениями, подобно нашему королю Виктор-Эмануилу III, любившему проводить совещания высшего командования на борту дирижабля N1 военно-морского флота Италии. В их представлении, разумеется, стояли и задачи представительские – пока что почетными гостями были деятели Коминтерна, но велись и переговоры с окружением высочайших домов Европы.

³⁴ – (нем.) Amerikalinie

Доплыть мягко, в салоне, наслаждаясь тишиной и чистотой воздуха, часов за пять-шесть и очертить рукой: «вот сюда за золотым руном, за покоем от Ватикана и Константинополя, добирались месяцами по воде, на ручном ходу вёсел, монахи».

Так строился дирижабельный порт Тор-Солёный, рядом со Святогорским монастырем, монахи которого к этому времени были все до одного расстреляны чекистами в Соловецком концлагере. То, чего нам с тобой ещё в юности досталось почти в несовместимом с жизнью овердозе, для этих "комдворян", "комкнязей" и "комархимандритов" становилось объектом беспамятной погони. Ты, выросший у Тирренских волн, можешь ли представить, что здесь когда-то торговали солью. Пещеры, тайны расстрелянных монахов, непонятный христианский бог и страх перед ним – это была такая же культурная соль, без неё блюдо власти и роскоши оказывалось мучительно пресным. Кстати, этот комплекс генеалогии проявлялся и ранее у здешних еще дореволюционных владельцев. В двух или трех знаменитых парках на Украине существует даже архитектура руин. То есть искусственно строили имитацию разрушенных от времени древних зданий, по рисункам нашего Пиранезе.

Но скажи, что же ищем здесь мы с тобой? Пространство как таковое, гектары земли и кубо-километры воздуха? Лебенсраум³⁵?

---

³⁵ – (нем.) Lebensraum, «жизненное пространство»

Глава 22
КУРСОВОЙ АВТОМАТ
Лекция г-на Полковника

Полковник чуть подался вперёд, распрямляя спину. Головой он сделал привычное движение и поискал глазами что-то, которое должно было находиться у него за спиной, видимое краем глаз и откашлялся.

«— Извините меня за лекторский тон, но это действительно материал, который мы преподаём курсантам. Какой вид вооружения против наземных целей составляет доминирующий сектор огневой мощи супостата?»

Правильно, круиз-снаряды, так называемые крылатые ракеты. Когда этот вид вооружения стал решающим фактором новой военной доктрины? Только, когда появился искусственный интеллект. Журналисты ещё называют эти ракеты «акулами-убийцами с дипломом PhD»: очень точные, очень хитрые и осмотрительные. Мозг такого круиз-снаряда это современный курсовой автомат, очень совершенный бортовой компьютер с большой памятью. Естественно, у них есть органы чувств и при том очень разнообразные: оптическое зрение, инфракрасное зрение, компасы трех видов, тончайшее магнитное и гравитационное чувство, сродни обонянию у собак. Эта электронно-ракетная тварь меняет свой маршрут, как только обнаруживает опасность перехвата. Нырять на сверхнизкие уровни, или уходит вверх в облака, совершая противозенитный маневр, и на этих новых курсах и уровнях опять находит новый кратчайший маршрут к цели и заходит на атаку.

«—Вы хотите сказать, что машина Маннхейма...»

«—Вот именно, машина Маннхейма запрограммирована на отыскивание Маннхейма. А там, где Маннхейм, там и рукописи Марциала».

«—Действительно, очень просто. Нам достаточно сесть верхом на крылатую ракету, вставить ей вместо бортового компьютера «Моторолла» курсовой автомат Маннхейма... и, после головокружительных виражей с нечеловеческими перегрузками в 25g нас разобьёт в лепешку как раз об то место, где до этого находился Маннхейм с рукописями. Воронка будет нашим...»

«—Так-так, кое-какое зерно уже просматривается. Но должен вас огорчить, машина Маннхейма 'Genesis' не обладала необходимым быстродействием. Маннхейм построил её именно как универсальное программируемое счётное устройство, и она служила ему для разнообразных целей. Скоростное решение навигационных задач для ракет «Фау-1» было возможно только путём большого ограничения параметров: курсовой автомат для «Фау» создавался путём усечения машины 'Genesis'. Курс-автомат первой в мире крылатой ракеты был чем-то вроде современного контроллера, а вот машина 'Genesis' — это уровень хорошего современного персонального компьютера. Быстро лететь по карте Маннхейма не получится — наш маршрут обязательно должен просчитываться в пространстве двенадцати измерений. Не меньше».

«—Просчитываться в пространстве двенадцати измерений? Двигаться, я надеюсь, мы будем всё же в обычном, трехмерном пространстве?»

«—Есть ещё и четвертое, не забывайте. Время»

«—Да, время... Но ладно, оставим это пока, и будем решать вашу загадку, как нам отыскать в облаках этот фарватер двенадцати измерений. Нужно лететь медленнее ракеты, медленнее самолёта... Вертолёт?»

«—Дорогой доктор, вы, должно быть, на ваше счастье, мало летали на вертолёте».

«—Совсем нисколько».

«—А я — достаточно, и никакого желания путешествовать таким способом не испытываю. Грохот и жуткая тряска».

«—Воздушный шар? Но это уже какая-то фантастика, Жюль-Верн. И чисто с практической точки зрения — вы же

говорите, нужно отыскивать какие-то точки в пространстве...”

“—В пространстве-времени” – быстро вставил Полковник.

“—Итак, оказаться в нужное время в нужном месте, где-то между небом и землёй... Кстати, с какой точностью?”

“—С точностью плюс-минус тридцать метров, а по времени некоторые замеры должны синхронизоваться до одной-двух секунд”.

“—И в этом нужном месте, в нужное время, выполнять необходимые замеры, тут же рассчитать следующую точку, успеть переместиться к ней, и так далее. Воздушный шар просто плывет себе по ветру, им можно управлять только по высоте. Необходимо выпускать с упреждением на ветер в каждой точке десятки воздушных шаров с приборами, быстро считывать их показания, затем выдвигаться к следующему пункту.

“—Нет, доктор, мы не будем так мучить себя. Мы с роскошью поплывём в воздушном океане, перемещаясь беззвучно и мягко со скоростью ста тридцати километров в час, мы будем ложиться в дрейф и выполнять измерения. Мы будем наслаждаться восходами и закатами, любоваться оптическими феноменами... Вы знаете, какие они бывают, гало, кресты, gloria и миражи? Мы будем стоять на капитанском мостике при “малом вперёд” двигателей и пить шампанское из хрустальных бокалов. Короче, мы отправляемся в экспедицию на воздушном корабле, на дирижабле. Я – владелец шхуны и начальник экспедиции, вы – судовой врач. Тебя, племянник, я беру юнгой. Ты станешь настоящим люфт-маном. облачным волком. Мы подойдем к сокровищу мягко и неслышно, где бы оно нас ни ожидало”.

Доктор не сдавался, он был в настроении поспорить.

“—Но позвольте, Полковник, это же какое-то ненастоящее предложение. Запуск шаров с экспедиционного трейлера – это ещё можно представить. А дирижабль... Что-то сказочное. Когда-то раньше они, может быть, и ходили. Но сейчас их просто нет, от них давно отказались”.

“—Вы не верите в дирижабль? Вы ничего о них не знаете и они, поэтому, не существуют? Но ведь всего лишь месяц назад, до того как его брат украл у вас латинскую хрестоматию, наш Юнга (Полковник значительно и ободряюще посмотрел на меня, и мне начало казаться, что всё это не совсем игра) – наш Юнга слыхом не слыхивал, кто такой Марциал, на котором, оказывается, построена вся русская матерщина и, соответственно, вся русская ментальность. А вы, Доктор, ничего не знали о курсовых автоматах Маннхейма к ракетам “Фау”, из которых выросли круиз-снаряды, и о машине ‘Genesis’ – прототипе персональных компьютеров”.

Полковник прошелся по комнате.

Он посмотрел на меня приглашающе, делая какой-то знак бровью.

“—Вот” – Полковник положил ладонь на толстую папку – “Докторово исследование о Марциале” – Полковник показал на меня пальцем. – “Он ничего ещё не знал, а вы уже написали большое исследование (Доктор сделал протестующее движение, изображая скромность и смирение, мол, ещё до настоящего исследования далеко)

Да-да” – сказал Полковник, “вы уже написали, и мы его опубликуем, и вот он” – Полковник снова указал на меня – “будет его читать и перечитывать. Вот так”.

Он взял пухлую папку двумя руками, прошёлся и опустил докторов труд на таинственный “сундук мертвеца” – “А вот это” – сказал Полковник торжественно, – большой курсовой автомат Маннхейма, в программировании которого принимали участие тайный советник Хергеззель и господин старший шеф-пилот Хьюго Эккнер. Это тот самый, знаменитый курсовой автомат воздушных кораблей Цепелина, который приведёт наш дирижабль к подлинным древнейшим рукописям, *аутентам* Марциала.

.....
• ...научные и промышленные наши разработки в об-
• ласти систем управления, автопилотов, -- словом,
• электроники, были тогда в хвосте, если сравнивать с
• зарубежными (...)
• В апреле 1945 года я был направлен в Германию,
• чтобы продолжить изучение немецкой ракетной тех-
• ники. К лету того же года в Тюрингии, где ещё не-
• давно находился большой подземный центр гитле-
• ровцев Нордхаузен, мы основали так называемый
• Институт Рабэ* по изучению трофейной техники.
• Вскоре приехал и Николай Алексеевич Пилюгин,
• ставший главным инженером института. Он, что на-
• зывается, на всю катушку углубился в изучение того,
• что было достигнуто учёными Германии. А надо от-
• дать должное, рейх, мобилизуя и свою, и всю евро-
• пейскую науку и технику, достиг многого.
• Я имел возможность уже тогда увидеть особенности
• метода работы Николая Алексеевича. Есть описа-
• ние, есть перевод, есть немецкий специалист – изу-
• чай, спрашивай... А он [предпочитал работать по
• своему].
• По возвращении в 1947 году домой наши пути ра-
• зошлись.
•
• Б.Е. Черток.** Вижу цель. Космос: малоизвестные страницы.
• Воспоминания о главном конструкторе акад. Н.А.Пилюгине
• .....

*-- Raketenbau (нем.)

** - Член-кор.АН СССР В.Е. Черток, р.1912,
за работы по автоматике, системам управления
летательных аппаратов удост. Ленинской и
Гос.премии.

Глава 23

ЛЕГЕНДА

К КУРСОВОМУ АВТОМАТУ «ДЖЕНЕЗИС»

Составил Полковник

«Сон был такой. Я находился один в незнакомом двухэтажном доме. Это был «мой дом». Я оказался на верхнем этаже... потом мне пришло в голову, что я ещё не был внизу... я подошёл к тяжёлой двери и открыл её. Я обнаружил каменную лестницу, которая вела в подвал. Спустившись по ней, я очутился в красивом старинном сводчатом зале. Осматривая стены, я заметил слой кирпича в кладке; в строительном растворе тоже были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были построены ещё при римлянах...плита приподнялась, и я снова увидел каменную лестницу, узкие ступени которой вели в глубину».

Карл Густав Юнг.

Воспоминания, сновидения, размышления.

Вернер фон Маннхейм, год рождения 1910;
год смерти (предположительно) между 1979 и 1990.

Фон Маннхейм – гениальный математик, ученик Гильберта. Значительная часть научного наследия Маннхейма, относящаяся к работам 1932-44 годам, была в последующем развита работавшим в США Джоном фон Нейманом*

(* Дж.ф.Нейман, р. в 1920 г. в Венгрии. Историками кибернетики Нейману приписывается честь изобретения идеи программируемого вычислительного автомата, разделения хард- и софт-вара).

В ранних математических работах Маннхейм разработал универсальный подход к «системам прогнозирования систем». Применял свою методику расчёта к самым разнообразным областям знания, таким как метеорология, филология, навигация летательных аппаратов, геофизика. Культурологическая работа Маннхейма об артефактах иерархической педерастии (1935), в которой был спрогнозирован расцвет приапической тематики в субкультуре СССР в тридцатые-восьмидесятые годы XX века, а затем – в субкультуре англосаксонских стран в шестидесятые годы XX века – по тридцатые годы XXI века, воспринимавшаяся в качестве курьёза, в дальнейшем сыграла роковую роль в его карьере.

Офицером Генштаба Германии в начале тридцатых годов Маннхейм работает на территории СССР. С дирижабельной базы в г.Славянске (дирижабельный порт Тор-Солёный) он проводит геофизические и метеорологические исследования в направлении на Каспий, гораздо менее, впрочем, известные, чем практически одновременные исследования на Советском Севере с дирижабля LZ-127.

Мыслящий независимо, скрытный и гордый, Маннхейм вступает в нацистскую партию в 1929. Разумеется, он не разделяет восторгов последователей Гитлера, он видит

действительно глубже других. Однако, тонко владея искусством лицемерия, он раньше других сделал выбор.

Удалён из Генштаба в 1942 г по обвинению в «моральном разложении», как сторонник линии фон Бломберга и Фритша. Направлен на Восточный фронт.

Была ли случайной находка libri Martialis Маннхеймом в меловых пещерах Меотии? Так могут считать только дилетанты, совершенно незнакомые с историей германской марциалистики.

.....

Почему же Маннхейм оставил открытое им сокровище здесь, к востоку от тридцатого меридиана? Как раз эту загадку решить довольно несложно. Двадцать третьего августа 1943 г., вслушиваясь в перерывах между стрельбой в гул прогреваемых моторов ожидающего на площади транспортного самолёта «Дорнье», Маннхейм сидит здесь, на Сумской 100-бис, за своей гениальной вычислительной машиной «Дженезис», и просчитывает варианты политической истории Европы на вторую половину XX века. В смежной комнате сохнут только что отфиксированные фотографии с рукописи – их он заберёт с собой в Германию. В рабочем журнале Маннхейма находим идилические строки:

«23.VIII.43–Сейчас я переживаю, очевидно, самый счастливый миг моей жизни; не постесняюсь сам себя сравнить с Рене Декартом, записывающим свой бессмертный Discourse – вокруг меня разрушенный войной город, на душе у меня, наконец, тихо и спокойно, и я могу полностью сосредоточиться на основной мысли».

Полковник продолжает. Небольшое отступление. Один мой сослуживец, много старше меня, рассказывал воспоминание из раннего детства. Ему пришлось пережить оккупацию здесь, на юге Малороссии, в районе Сталино (Юзовки). Это было перед Сталинградской битвой. В семье из поколения в поколение хорошо говорили по-немецки, и рассказчик вспоминает, как гамбургский рабо-

чий, ему не было лет сорока, но мальчику он казался стариком, разговаривал с мамой и бабушкой. Солдат показывал фотографии жены и детей. «Я их больше никогда не увижу» – говорил солдат и плакал, не скрываясь – «Нас гонят на убой. Я их больше никогда не увижу. Гитлер и Сталин – Scheisse!». В сорок втором году исход войны был понятен рабочему.

Кстати, здесь под нашим домом не только катакомбы НКВД. Система подземных ходов связана с древнейшими пещерами. Вспомните Карла Густава Юнга и его сон про подземные этажи. Дальнейшие события выглядят так: По расчётам Маннхейма центр геополитической стабильности перемещается в Восточную Европу, Германия безнадёжна и сохранить там рукописи не удастся. Он прячет сокровище – капсу, вместе с золотом, в одной из боковых штолен катакомб, избавляется от Эсэс-мана из «команды изъятия» и двойного агента Посевина (попросту убивает обоих). Вместе с Машинен-геверманом он улетает в Германию.

В рейхе в 1944-45 гг. М. работает в проекте «Меч Зигфрида». Крылатая ракета «Фау-1» была снабжена воздушно-реактивным двигателем и автономной системой управления. Её стартовая масса составляла 2.2 тонны, масса взрывчатого вещества – 700 кг. При длине корпуса 7.6 метра и размахе крыльев 5.3 метра боевая ракета «Фау-1» развивала скорость 600 км/час, дальность полёта составляла 370 км. Первый запуск состоялся 13 июня 1944 года.

Принципиальное родство навигации крылатых ракет и дирижабельных воздушных кораблей хорошо известно специалистам. Сами за себя говорят имена: Крокко, Циолковский, Семёнов – учёные и конструкторы, занимавшиеся и дирижаблями, и ракетами. Маннхейм, несомненно, принадлежит к этой же плеяде.

После капитуляции Германии цепочка событий рассчитывается элементарно. Маннхейма, вместе с другими специалистами-ракетостроителями вывозят из Пенемюнде в СССР. По пути в Казахстан Латышев устраивает возможность sentimental journey в Славянск и Харьков, обосновывая необходимостью поисков архивов доктора Пшевальски, содержащих материалы по высотной медицине. Маннхейму удаётся без свидетелей извлечь из тайника *капсу* с рукописями и запрограммировать в последний раз машину "Дженезис номер Три".

Остаётся, таким образом, лишь один вопрос – откуда же теперь взялся Штерчи с его претензиями на наследие Маннхейма? Скорее всего, он – самозванец. Кое-какая информация о феноменальных находках Культурэкспедицион видимо, просочилась в 1942 или 43 году к офицерам итальянского экспедиционного корпуса. Среди них были в основном аристократы, образованные люди. Ещё одна линия – Машинен-геверманн. Не мог ли он передать карту захоронения *капсу* некому доверенному лицу?

Господин Полковник поднял к нам лицо от листков бумаги, с которых читал свою справку. Ему было трудно остановиться, возбуждение ночного приключения ещё не оставило его.

«—Вы спросите, почему же тогда, в 1949 году, Маннхейм не забрал своё чудо, первый в мире компьютер, универсальный курсовой автомат «Дженезис». Да это же весточка, последняя весточка о себе перед погружением навсегда в неизвестность советского ядерного Гулага. Кто должен был прийти за этим посланием? Скорее всего он, Машинен-геверманн.

КОНЕЦ КНИГИ 1

Глава 22 продолжается совсем небольшим фрагментом

Подобно Полю Гиро...

Записи Юнги

«— Чего же ещё, скажите, не хватало Вернеру фон Маннхейму, чтобы цепочка выводов и доказательств замкнулась?» — Полковник глядел на слушателей почти осуждающе — «Участие в эксгумации мощей, возможность воочию убедиться в консервирующем действии меловых пещер, одинаково эффективном как по отношению к тканям человеческого тела, так и к древней бумаге *шида*?»

«— Хотя бы, например» — механически откликнулся г-н Доктор из глубины своего кресла.

« — Маннхейм получает такую возможность от НКВД, как приглашённый заграничный эксперт». И далее Полковник продолжал в том смысле, что наш немецкий математик-генерал поступил точно так же, как филолог-романист Поль Гиро. Романисты накладывают на карту Франции изоглоссы, и получают точное совпадение с древними римскими военными дорогами. Маннхейм, в начале тридцатых годов XX века, занимаясь геофизическими исследованиями на юге России, параллельно успел составить достаточно подробные таблицы распространения устойчивых обшентных семантических структур. В архивах НКВД, говорил Полковник, удалось найти многочисленные сообщения информаторов. О привычке поднадзорного немецкого специалиста изучать «мужицкие матюки» отмечается, как о курьёзе. Тогда ещё не было такой жёсткой цензуры, как в дальнейшем.

«— Как же, понимаю», — вставил Доктор — «дамы... мораль... литература».

«— Литературным дамам это как раз всё равно», — переиначивая известную фразу классика, отвечал Полковник, — «это военной цензуре не всё равно. С переходом в сороковые-пятидесятые годы на концепцию размывания фронтов и массивной инфильтрации, контр-разведка одним из объектов внимания сделала засекречивание слэнгов, неуставных элементов военной одежды и многого другого. Если помните, был такой *Перечень сведений не подлежащих оглашению*».

Разговор явно уходил куда-то совсем в сторону. Мне оставалось только разглядывать зависшие на экранах схемы и карты.

«Поль Гиро (Guiraud P.) в своём исследовании диалектов французского языка визуально демонстрирует на карте Франции совпадение важнейших изоглосс с древними римскими военными дорогами»

-- значилось в легенде-кэпшн под картой на левом компьютере.

«Вернер ф.Маннхейм накладывает изосеманты *похабных* выражений на линию Муравского шляха и получает перекрёсток, совпадающий с меловыми выходами системы **T+J** (триас+юра)»

-- так гласила кэпшн на экране справа от меня. Карта оказалась знакомой, похожей на старинную карту Джоханнеса Бруно из полевой сумки итальянца Штерчи. Ту самую карту, на которой я впервые прочитал название своего племени — Роксоланы.

